

ВОЕННАЯ

БИБЛИОТЕКА

ШКОЛЬНИКА

и

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ДЕТСКАЯ

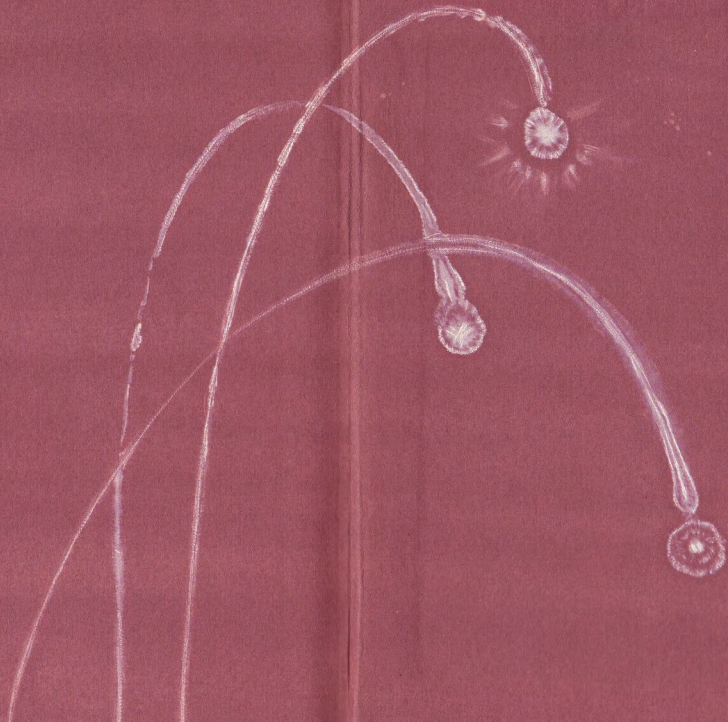

ЛИТЕРАТУРА»

Аркадий Гайдар
ШКОЛА
*
ПУСТЬ СВЕТИТ

Scan Kreyder - 20.08.2019 - STERLITAMAK

Аркадий Гайдар

ШКОЛА

*

ПУСТЬ СВЕТИТ

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1973

Рисунки
А. ПАРАМОНОВА

Гайдар А. П.

Г 14 Школа. Пусть светит. Повесть и рассказ. Рис.
А. Парамонова. М., «Дет. лит.», 1973.

255 с. с ил. (Военная б-ка школьника).

В книгу входят повесть «Школа» — о юноше, участнике гражданской войны, который проходит в Красной Армии суровую жизненную школу и становится закаленным борцом за народное дело, и рассказ «Пусть светит», продолжающий ту же тему.

Г $\frac{0763-315}{101 (03) 73}$ 296—73

Р 2

ШКОЛА

Повесть

*

Часть первая

ШКОЛА

Глава первая

Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженных ветхими заборами. В тех садах росло великое множество «родительской вишни», яблоч-скоропелок, терновника и красных пионов.

Через город, мимо садов, тянулись тихие зацветшие пруды, в которых вся хорошая рыба давным-давно передохла и водились только скользкие огольцы да поганая лягва. Под горою текла речонка Теша.

Город был похож на монастырь: стояло в нем около тридцати церквей да четыре монашеских обители. Много у нас в городе было чудотворных святых икон, но чудес в самом Арзамасе происходило почему-то мало. Вероятно, потому, что в шестидесяти километрах находилась знаменитая Саровская пустынь с преподобными угодниками и эти угодники переманивали все чудеса к тому месту. Только и было слышно: то в Сарове слепой прозрел, то хромой заходил, то горбатый выпрямился, а возле наших икон — ничего похожего.

Пронесся однажды слух, будто бы Митьке-цыгану, бродяге и известному пьянице, ежегодно купавшемуся за бутылку водки в крещенской проруби, было видение и бросил Митька пить, раскаялся и постригается в Спасскую обитель монахом.

Народ валом валил к монастырю. И точно — Митька возле клироса усердно отбивал поклоны, всенародно каялся в грехах и даже сознался, что в прошлом году спер и пропил козу у купца Бебешина. Купец Бебешин умилился и дал Митьке целковый, чтобы тот поставил свечку за спасение своей души. Многие тогда прослезились, увидев, как порочный человек возвращается с гибельного пути в лоно праведной жизни.

Так продолжалось целую неделю, но уже перед самым пострижением то ли Митьке было какое другое видение, в обратном смысле, то ли еще какая причина, а только в церковь он не явился. И среди прихожан пошел слух, что Митька валяется в овраге по Новоplotинной улице, а рядом с ним лежит опорожненная бутылка из-под водки.

На место происшествия были посланы для увещевания дьякон Пафнутий и церковный староста купец Синюгин. Посланные скоро вернулись и с негодованием заявили, что Митька действительно бесчувствен, аки зарезанный скот; что рядом с ним уже лежит вторая опорожненная полбутылка, и когда его удалось растолкать, то он, ругаясь, заявил, что в монахи идти раздумал, потому что якобы грешен и недостойн.

Тихий и патриархальный был у нас городок. Под праздники, особенно на пасху, когда колокола всех тридцати церквей начи-

нали трезвонить, над городом поднимался гул, хорошо слышный в деревеньках, раскинутых на двадцать километров в окрестности.

Благовещенский колокол заглушал все остальные. Колокол Спасского монастыря был надтреснут и поэтому рывал отрывисто, дребезжащим басом. Тоненькие подголоски Никольской обители звенели высокими, звонкими переливами. Этим трем запевалам вторили прочие колокольни, и даже невзрачная церковь маленькой тюрьмы, приткнувшейся к краю города, присоединялась к общему нестройному хору.

Я любил взбираться на колокольни. Позволялось это мальчикам только на пасху. Долго кружишь узенькой темной лесенкой. В каменных нишах ласково ворчат голуби. Голова немного кружится от бесчисленных поворотов. Сверху виден весь город. Под горою — Теша, старая мельница, Козий остров, перелесок, а дальше — овраги и синяя каемка городского леса.

Отец мой был солдатом 12-го Сибирского стрелкового полка. Стоял тот полк на рижском участке германского фронта.

Я учился во втором классе реального училища. Мать моя, фельдшерица, всегда была занята, и я рос сам по себе. Каждую неделю направляешься к матери с балльником для подписи. Мать бегло просмотрит отметки, увидит двойку за рисование или чистописание и недовольно покачает головой:

— Это что же такое?

— Я, мам, тут не виноват. Ну что же я поделаю, раз у меня таланта на рисование нет? Я, мам, нарисовал ему лошадь, а он говорит, что это не лошадь, а свинья. Тогда я подаю ему в следующий раз и говорю, что это свинья, а он рассердился и говорит, что это не свинья и не лошадь, а черт знает что такое. Я, мам, в художники и не готовлюсь вовсе.

— Ну, а за чистописание почему? Дай-ка твою тетрадку... Бог ты мой, как наляпано! Почему у тебя на каждой строке клякса, а здесь между страниц таракан раздавлен? Фу, гадость какая!

— Клякса, мам, оттого, что нечаянно, а про таракана я вовсе

не виноват... Ведь что это такое, на самом деле,— ко всему придираешься? Что, я нарочно таракана посадил? Сам он, дурак, заполз и удавился, а я за него отвечай! И подумаешь, какая наука — чистописание! Я в писатели вовсе не готовлюсь.

— А к чему ты готовишься? — строго спрашивает мать, подписывая балльник.— Лоботрясом быть готовишься? Почему опять инспектор пишет, что ты по пожарной лестнице залез на крышу школы? Это еще к чему? Что ты — в трубочисты готовишься?

— Нет. Ни в художники, ни в писатели, ни в трубочисты... Я буду матросом.

— Почему же матросом? — удивляется озадаченная мать.

— Обязательно матросом... Вот еще... И как ты не понимаешь, что это интересно?

Мать качает головой:

— Ишь, какой выискался. Ты чтобы у меня двоек больше не приносил, а то не посмотрю и на матроса — выдеру.

Ой, как врет! Чтобы она меня выдрала? Никогда еще не драла. В чулан один раз заперла, а потом весь следующий день пирожками кормила и двугривенный на кино дала. Хорошо бы этак почаще!

Глава вторая

Однажды, наскоро попив чаю, кое-как собрав книги, я побежал в школу. По дороге встретил Тимку Штукина — одноклассника, маленького, вертлявого человечка.

Тимка Штукин был безобидным и безответным мальчуганом. Его можно было треснуть по башке, не рискуя получить сдачи. Он охотно доедал бутерброды, остававшиеся у товарищей, бегал в соседнюю лавчонку покупать сайки к училищному завтраку и, не чувствуя за собой никакой вины, испуганно затихал при приближении классного наставника.

У Тимки была одна страсть — он любил птиц. Вся каморка его отца, сторожа кладбищенской церкви, была заставлена клетками с пичужками. Он покупал птиц, продавал их, выменивал, ловил сам силком или западнями на кладбище.

Однажды ему здорово влетело от отца, когда купец Синюгин, завернув на могилу своей бабушки, увидел на каменной плите памятника рассыпанную приманку из конопляного семени и лучок — сетку с протянутой бечевой. По жалобе Синюгина, сторож надрал вихры мальчугану, а наш законоучитель, отец Геннадий, во время урока закона божьего сказал неодобрительно:

— Памятники ставятся для воспоминания об усопших, а не для каких-либо иных целей, и помещать на памятниках капканы и прочие посторонние приспособления не подобает — грешно и богохульно.

Тут же он привел несколько случаев из истории человечества, когда подобное богохульство влекло за собой тягчайшие кары небесных сил.

Надо сказать, что на примеры отец Геннадий был большой мастер. Мне кажется, что если бы он узнал, например, что на прошлой неделе я ходил без увольнительной записки в кино, то, порывшись в памяти, наверняка отыскал бы какой-нибудь исторический случай, когда совершивший подобное преступление понес еще в сей жизни заслуженное божеское наказание.

Тимка шел, насвистывая дроздом. Заметив меня, он приветливо заморгал и в то же время недоверчиво посмотрел в мою сторону, как бы пытаясь определить — подходит к нему человек за просто или с какой-нибудь каверзой.

— Тимка! А мы на урок опоздаем, — сказал я. — Ей-богу, опоздаем. На урок, может быть, еще нет, а уж на молитву — обязательно.

— Не заметят?! — сказал он испуганно и в то же время вопросительно.

— Обязательно заметят. Ну что же, без обеда оставят, только

и всего,— умышленно спокойно поддразнивал я, зная, что Тимка беда как боится всяких выговоров и замечаний.

Тимка съежился и, прибавляя шаг, заговорил огорченно:

— А я-то тут при чем? Отец пошел церковь отпирать. Меня дома на минутку оставил, а сам — вон сколько. И всё из-за молебна. По Вальке Спагине мать приезжала служить.

— Как по Вальке Спагине? — разинул я рот. — Что ты!.. Разве он помер?

— Да не за упокой молебен, а об отыскании.

— О каком еще отыскании? — с дрожью в голосе переспросил я. — Что ты мелешь, Тимка? Я вот тебя тресну... Я, Тимка, не был вчера в школе, у меня вчера температура...

— Пинь-пинь... тарарах... тиу... — засвистел Тимка синицей и, обрадовавшись, что я еще ничего не знаю, подпрыгнул на одной ноге. — А ведь верно, ты вчера не был. Ух, брат, а что вчера было-то, что было!..

— Да что же было-то?

— А вот что. Сидим мы вчера... Первый урок у нас французский. Ведьма глаголы на «этр» задавала... Ле верб: аллэ, арривэ, антрэ, рестэ, томбэ... Вызвала к доске Раевского. Только стал он писать «рестэ, томбэ», как вдруг отворяется дверь и входит инспектор (Тимка зажмурился), директор (Тимка посмотрел на меня многозначительно) и классный наставник. Когда мы сели, директор и говорит нам: «Господа, у нас случилось несчастье: ученик вашего класса Спагин убежал из дому. Оставил записку, что убежал на германский фронт. Я не думаю, господа, чтобы он это сделал без ведома товарищей. Многие из вас знали, конечно, об этом побеге заранее, однако не потрудились сообщить мне. Я, господа...» — и начал, и начал, полчаса говорил.

У меня сперло дыхание. Так вот оно что! Такое происшествие, такая поражающая новость, а я просидел дома, будто по болезни, и ничего не знаю. И никто — ни Яшка Цуккерштейн, ни Федька Башмаков — не зашел ко мне после уроков рассказать. Тоже товарищи!.. Когда Федьке нужны были пробки от

пугача — так он ко мне... А тут — на-ка!.. Тут половина школы на фронт убежит, а я себе, как идиот, сиди!

Я бурей ворвался в училище, на бегу сбросил шинель и, удачно увильнув от надзирателя, смешался с толпой ребят, выходивших из общего зала, где читалась молитва.

В следующие дни только и было толков, что о геройском побеге Вальки Спагина.

Директор ошибался, высказывая предположение, что, вероятно, многие были посвящены в план побега Спагина. Ну положительно никто ничего не знал. Никому не могла даже прийти мысль, что Валька Спагин убежит. Такой тихоня был, ни в одной драке, ни в одном налете на чужой сад за яблоками не участвовал, штаны с него всегда сваливались, ну, словом, размазня размазней, и вдруг — такое дело!

Стали мы между собой обсуждать, допытываться друг у друга, не замечал ли кто каких-либо приготовлений. Не может же быть, чтобы человек вдруг, сразу, ни с того ни с сего вздумал, надел картуз и отправился на фронт.

Федька Башмаков вспомнил, что видел у Вальки карту железных дорог. Второгодник Дубилов сказал, что встретил недавно Вальку в магазине, где тот покупал батарейку для карманного фонаря. Больше, сколько ни допытывались, никаких поступков, указывающих на подготовку к побегу, припомнить не могли.

Настроение в классе было приподнятое. Все бегали, бесновались, на уроках отвечали невпопад, и количество оставленных без обеда возросло в эти дни вдвое против обыкновенного. Прошло еще несколько дней. И вдруг опять новость — сбежал первоклассник Митька Тупиков.

Училищное начальство всполошилось всерьез.

— Сегодня на уроке закона божьего беседа будет, — по секрету сообщил мне Федька, — насчет побегов. Я, как тетради относил в учительскую, слышал, что про это говорили.

Нашему священнику отцу Геннадию было этак лет под семьдесят. Лица его из-за бороды и бровей не было видно вовсе,

был он тучен, и для того чтобы повернуть голову назад, ему приходилось оборачиваться всем туловищем, ибо шея у него не было заметно вовсе.

Его любили у нас. На его уроках можно было заниматься чем угодно: играть в карты, рисовать, положить перед собой на парту вместо Ветхого завета запрещенного Ната Пинкертон или Шерлока Холмса, потому что отец Геннадий был близорук.

Отец Геннадий вошел в класс, поднял руку, благословляя всех присутствующих, и тотчас же раздался рев дежурного:

— Царю небесный, утешителю, душе истины...

Отец Геннадий был глуховат и вообще требовал, чтобы молитву читали громко и отчетливо, но даже и ему показалось, что сегодня дежурный хватил через край. Он махнул рукой и сказал сердито:

— Ну, ну... Что это? Ты читай, чтобы было благозвучно, а то ровно как бык ревешь.

Отец Геннадий начал издали. Сначала он рассказал нам притчу о блудном сыне. Этот сын, как я понял тогда, ушел от своего отца странствовать, но потом, как видно, ему пришлось туго, и он пошел на попятный.

Потом рассказал притчу о талантах; как один господин дал своим рабам деньги, которые назывались талантами, и как одни рабы занялись торговлей и получили от этого барыш, а другие спрятали деньги и ничего не получили.

— А что говорят сии притчи?—продолжал отец Геннадий.— Первая притча говорит о непослушном сыне. Сын этот покинул своего отца, долго скитался и все же вернулся домой под родительский кров. Нечего и говорить о ваших товарищах, которые и вовсе не искушены в жизненных невзгодах и оставили тайно дом свой,— нечего и говорить, что плохо придется им на их гибельном пути. И еще раз убеждаю вас: если кто знает, где они, пусть напишет им, дабы не убоялись они вернуться, пока есть время, под родительский кров. И помните, в притче, когда

вернулся блудный сын, отец по доброте своей не стал попрекать его, а одел в лучшие одежды и велел зарезать упитанного тельца, как для праздника. Так и родители этих двух заблудших юношей простят им всё и примут их с распростертыми объятиями.

В этих словах я несколько усомнился. Что касается первоклассника Тупикова, то как его встретили бы родные — не знаю, но что булочник Спагин по поводу возвращения сына не станет резать упитанного тельца, а просто хорошенько отстегает сына ремнем, — это уж наверняка.

— А притча о талантах,— продолжал отец Геннадий,— говорит о том, что нельзя зарывать в землю своих способностей. Вы обучаетесь здесь всевозможным наукам. Кончите школу, каждый изберет себе профессию по способностям, призванию и положению. Один из вас будет, скажем, почтенным коммерсантом, другой — доктором, третий — чиновником. Всякий будет уважать вас и думать про себя: «Да, этот достойный человек не зарыл своих талантов в землю, а умножил их и сейчас по заслугам пользуется всеми благами жизни». Но что же,— тут отец Геннадий огорченно воздел руки к небу,— что же, спрашиваю вас, выйдет из этих и им подобных беглецов, кои, презрев все предоставленные им возможности, убежали из дому в поисках пагубных для тела и души приключений? Вы растете, как нежные цветы в теплой оранжерее заботливого садовника, вы не знаете ни бурь, ни треволнений и спокойно расцветаете, радуя взоры учителей и наставников. А они... даже если перенесут все невзгоды, то без ухода вырастут буйными терниями, обвеянными ветрами и обсыпанными придорожной пылью.

Когда отец Геннадий, величественный и воодушевленный, как пророк, вышел из класса и медленно поплыл в учительскую, я вздохнул, подумал и сказал:

— Федька!

— Ну?

— Ты как думаешь насчет талантов?

— Никак. А ты?

— Я?

Тут я замялся немного и добавил уже тише:

— А я, Федька, пожалуй, тоже зарыл бы таланты. Ну что — коммерсантом либо чиновником!

— Я бы тоже, — чуть поколебавшись, сознался Федька. — Какой есть интерес расти, как цветок в оранжерее? На него плюнь, он и завянет. Тернию, тому хоть все нипочем — ни дождь, ни жара.

— Федька, — сказал я, — а как же тогда батюшка говорил: «И ответите в жизни будущей». Ведь хоть и в будущей, а все одно отвечать неохота!

Федька задумался. Видно было, что он и сам не особенно ясно представляет, как избежать обещанного наказания. Он тряхнул головой и ответил уклончиво:

— Ну, так ведь это еще не скоро... А там, может быть, что-нибудь и придумается.

Первоклассник Тупиков оказался дураком. Он даже не знал, в какую сторону надо на фронт бежать: его поймали через три дня в шестидесяти километрах от Арзамаса к Нижнему Новгороду.

Говорят, что дома не знали, куда его посадить, накупили ему подарков, а мать, взяв с него торжественное слово больше не убегать, пообещала купить ему к лету ружье монтекристо. Но зато в школе над Тупиковым смеялись и издевались: «Нечего сказать, этак и многие из нас согласились бы пробегать три дня вокруг города да за это в подарок получить настоящее ружье».

Совершенно неожиданно досталось Тупикову от учителя географии Малиновского, которого у нас за глаза называли «Коля бешеный».

Вызывает Малиновский Тупикова к доске:

— Так-с!.. Скажите, молодой человек, на какой это вы фронт убежать хотели? На японский, что ли?

— Нет, — ответил, побагровев, Тупиков, — на германский.

— Так-с! — ехидно продолжал Малиновский. — А позвольте

вас спросить, за каким же вас чертом на Нижний Новгород понесло? Где ваша голова и где в оной мои уроки географии? Разве же не ясно, как день, что вы должны были направиться через Москву, — он ткнул указкой по карте, — через Смоленск и Брест, если вам угодно было бежать на германский? А вы поперли прямо в противоположную сторону — на восток. Как вас понесло в обратную сторону? Вы учитесь у меня для того, чтобы уметь на практике применять полученные знания, а не держать их в голове, как в мусорном ящике. Ставлю вам два. И стыдно, молодой человек!

Надо заметить, что следствием этой речи было то, что первоклассники, внезапно уяснив себе пользу наук, с совершенно необычным рвением принялись за изучение географии, даже выдумали новую игру, называвшуюся «беглец». Игра эта состояла в том, что один называл пограничный город, а другой должен был без заминки перечислить главные пункты, через которые лежит туда путь.

Если беглец ошибался, то платил фант, а за неимением фанта получал затрещину или щелчок по носу, смотря по уговору.

Глава третья

Каждую неделю, в среду, в общем зале перед началом занятий происходила торжественная молитва о даровании победы.

После молитвы все поворачивались влево, где висели портреты царя и царицы.

Хор начинал петь гимн: «Боже, царя храни», все подхватывали. Я подпевал во всю глотку. Голос у меня для пения был не особенно приспособлен, но я старался так, что даже надзиратель сказал мне однажды:

— Вы бы, Гориков, полегче, а то уж чересчур.

Я обиделся. Что значит — чересчур? А если у меня на пение таланта нет, то пусть другие молятся о даровании победы, а я должен помалкивать?

Дома я поделился с матерью своей обидой.

Но мать как-то холодно отнеслась к моему огорчению и сказала:

— Мал еще. Подрости немного... Ну, воюют и воюют. Тебе-то какое дело?

— Как, мам, какое дело? А если германцы нас завоюют? Я, мам, тоже об ихних зверствах читал. Почему германцы такие варвары, что никого не жалеют — ни стариков, ни детей, а почему наш царь всех жалеет?

— Сиди! — недовольно сказала мне мать. — Все хороши... Как взбесились ровно — и германцы не хуже людей, и наши тоже.

Мать ушла, а я остался в недоумении: то есть, как это выходит, что германцы не хуже наших? Как же это не хуже, когда хуже? Еще недавно в кино показывали, как германцы, не щадя никого, всё жгут, разрушили Реймский собор и надругаются над храмами, а наши ничего не разрушили и ни над чем не надругались. Наоборот даже, в том же кино я сам видел, как один русский офицер спас из огня германское дитя. Я пошел к Федьке.

Федька согласился со мной:

— Конечно, звери. Они затопили «Лузитанию» с мирными пассажирами, а мы ничего не затопили. Наш царь и английский царь — благородные. И французский президент — тоже. А их Вильгельм — хам!

— Федька, — спросил я, — а почему французский царь президентом называется?

Федька задумался.

— Не знаю, — ответил он. — Я слышал, что ихний президент вовсе не царь, а так просто.

— Как это — так просто?

— Ей-богу, не знаю. Я, знаешь, читал книжку писателя Дюма. Интересная книжка — кругом одни приключения. И по той книжке выходит, что французы убили своего царя, и с тех пор у них не царь, а президент.

— Как же можно, чтобы царя убили? — возмутился я. — Ты врешь, Федька, или напутал что-нибудь.

— А ей-богу же, убили. И его самого убили и жену его убили. Всем им был суд, и присудили им смертную казнь.

— Ну уж это ты непременно врешь! Какой же на царя может быть суд? Скажем, наш судья, Иван Федорович, воров судит: вот у Плющихи забор сломали — он судил. Митька-цыган у монахов ящик с просфорами спер — опять он судил. Но царя он судить не посмеет, потому что царь сам над всеми начальник.

— Ну, хочешь — верь, хочешь — нет! — рассердился Федька. — Вот Сашка Головешкин читает книжку, я тебе ее дам. Там и суд вовсе не этакий был, как у Ивана Федоровича. Там соби́рался весь народ, и судили и казнили... — добавил он раздраженно. — И даже вспомнил я, как казнили. У них не вешают, а машина этакая — гильотина. Ее заведут, а она раз-раз — и отрубает головы.

— И царю отрубили?

— И царю, и царице, и еще кому-то там. Да хочешь, я тебе эту книжку принесу? Интересно... Там про монаха одного... Хитрый был, толстый и как будто святой, а на самом деле ничего подобного. Я как читал про него, так до слез хохотал, аж мать рассердилась, слезла с кровати и лампу загасила. А я подождал, пока она заснет, взял от икон лампадку и опять стал читать.

Пронесся слух, что на вокзал пригнали пленных австрийцев. Мы с Федькой тотчас же после уроков понеслись туда. Вокзал у нас находился далеко за городом. Нужно было бежать мимо кладбища, через перелесок, выйти на шоссе и пересечь длинный извилистый овраг.

— Как по-твоему, Федька, — спросил я, — пленные в кандалах или нет?

— Не знаю. Может быть, и в кандалах. А то ведь разбежать-

ся могут. А в кандалах далеко не убежишь! Вон как арестанты в тюрьму идут, так еле ноги волочат.

— Так ведь арестанты — они же воры, а пленные ничего не украли.

Федька сощурился.

— А ты думаешь, что в тюрьме только тот, кто украл либо убил? Там, брат, за разное сидят.

— За какое еще разное?

— А вот за такое... За что ремесленного учителя посадили? Не знаешь? Не знаешь — ну и помалкивай.

Меня всегда сердило, почему Федька больше меня все знает. Обязательно, о чем его ни спроси — только не насчет уроков, — он всегда что-нибудь да знает. Должно быть, через отца. Отец у него почтальон, а почтальон, пока из дома в дом ходит, мало ли чего наслушается.

Ремесленного учителя, или, как его у нас звали, Галку, ребята любили. Приехал он в город в начале войны. Снял на окраине квартирку. Я несколько раз бывал у него. Он сам любил ребят, учил их на своем верстаке делать клетки, ящики, западни. Летом, бывало, наберет целую ораву и отправляется с нею в лес или на рыбную ловлю. Сам он был черный, худой и ходил немного подпрыгивая, как птица, за что и прозвали его Галкой.

Арестовали его совершенно неожиданно, за что — мы толком и не знали. Одни ребята говорили, что будто бы он шпион и передавал по телефону немцам все секреты о передвижении войск. Нашлись и такие, которые утверждали, что будто бы учитель раньше был разбойником и грабил людей на проезжих дорогах, а вот теперь правда и выплыла наружу.

Но я не верил: во-первых, отсюда ни до какой границы телефонный провод не подтянешь; во-вторых, про какие военные секреты и передвижения войск можно передавать из Арзамаса? Тут и войск-то вовсе было мало — семь человек команды с денщиком да на вокзале четыре пекаря из военно-продовольственного пункта, у которых одно только название, что солдаты, а на

самом деле обыкновенные булочники. Кроме того, за все это время у нас только и было одно передвижение войск, когда офицер Балагушин переехал с квартиры Пырятиных к Басюгиным, а больше никаких передвижений и не было.

Что же касается того, что учитель был разбойником,— это была явная ложь. Выдумал Петька Золотухин, который, как известно всем, отчаянный враль и если попросит взаймы три копейки, то потом будет божиться, что отдал, либо вовсе вернет удилице без крючков и потом будет уверять, что так и брал. Да какой же из учителя разбойник? У него и лицо не такое, и походка смешная, и сам он добрый, а к тому же худой и всегда кашляет.

Так мы добежали с Федькой до самого оврага.

Тут, не в силах более сдерживать свое любопытство, я спросил у Федьки:

— Федь, так за что ж, на самом деле, учителя арестовали? Ведь это же враки: и про шпиона и про разбойника?

— Конечно, враки,— ответил он, замедляя шаг и осторожно оглядываясь, как будто бы мы были не в поле, а среди толпы.— Его, брат, за политику арестовали.

Не успел я подробнее выспросить у Федьки, за какую именно политику арестовали учителя, как за поворотом раздался тяжелый топот приближающейся колонны.

Пленных было около сотни.

Они не были закованы, и сопровождало их всего шесть конвоиров.

Усталые, угрюмые лица австрийцев сливались в одно с их серыми шинелями и измятыми шапками. Шли они молча, плотными рядами, мерным солдатским шагом.

«Так вот какие они,— думали мы с Федькой, пропуская колонну.— Вот они, те самые австрийцы и немцы, зверства которых ужасают все народы. Нахмурились, насупились — не нравятся в плену. То-то, голубчики!»

Когда колонна прошла мимо, Федька погрозил ей вдогонку кулаком:

— Газы выдумали! У, немецкая колбаса проклятая!

Возвращались домой мы немного подавленные. Отчего — не знаю. Вероятно, оттого, что усталые серые пленники не произвели на нас того впечатления, на которое мы рассчитывали. Если бы не шинели, они походили бы на беженцев. Те же худые, истощенные лица, та же утомленность и какое-то усталое равнодушие ко всему окружающему.

Глава четвертая

Нас распустили на летние каникулы. Мы с Федькой строили всевозможные планы на лето. Работы впереди предстояло много. Во-первых, нужно было построить плот и, спустив его в пруд, примыкавший к нашему саду, объявить себя властителями моря и дать морской бой соединенному флоту Пантюшкиных и Симановых, оберегавшему подступы к их садам на другом берегу.

У нас и до сих пор был маленький флот — спущенная на воду садовая калитка. Но в боевом отношении он значительно уступал силам неприятеля, у которого имелись половина старых ворот, заменявшая тяжелый крейсер, и легкий миноносец, переделанный из бревенчатой колоды, в которой раньше кормили скот.

Силы были явно неравны. Поэтому мы решили усилить наше вооружение постройкой колоссального сверхдредноута по последнему слову техники.

Как материал для постройки мы предполагали использовать бревна развалившейся бани. Чтобы не ругалась мать, я дал ей обещание, что наш дредноут будет построен с таким расчетом, чтобы его можно было всегда использовать вместо подмостков для полоскания белья.

На противоположном берегу неприятель, заметив наше вооружение, забеспокоился и начал тоже что-то сооружать, но наша агентурная разведка донесла нам, что противник в противовес нам не может выставить ничего серьезного за неимением строительного материала. Попытки же спереть со двора доски,

предназначенные для обшивки сарая, не увенчались успехом: семейный совет не одобрил самовольного расходования материалов не по назначению, и враждебные нам адмиралы — Сенька Пантюшкин и Гришка Симаков — были беспощадно выдраны отцами.

Несколько дней мы возились с бревнами. Построить дредноут было нелегко. Требовалось много денег и времени, а мы с Федь-

кой как раз испытывали тогда полосу финансовых затруднений. Одних только гвоздей ушло больше чем на полтинник, а оставалось еще приобрести веревки для якоря и материал для флага.

Чтобы раздобыть все необходимое, мы вынуждены были прибегнуть к тайному займу в семьдесят копеек под залог двух учебников закона божьего, немецкой грамматики Глезер и Петцольд и хрестоматии по русскому языку.

Зато дредноут наш вышел на славу. Спускали мы его уже под вечер. Помогали спускать Тимка Штукин и Яшка Цуккерштейн. В качестве зрителей пришли все ребятишки сапожника, моя сестренка и дворовая собачка Волчок, она же Шарик, она же Жучка — звал ее каждый, как хотел. Плот затрещал, заскрипел и тяжело бухнул в воду. Тотчас раздалось громкое «ура», салют из пугачей, и над дредноутом взвился флаг.

Флаг у нас был черный с красными каемками и синим кругом посередине.

Развеваемый слабым теплым ветром, он эффектно затрепыхался, — мы снялись с якорей.

Близился закат. Слышалось далекое звяканье бубенцов возвращавшегося стада коз, которых в Арзамасе бесчисленное множество.

На дредноуте был я и Федька. Позади нас, на почтительном расстоянии, плыла наша маленькая калитка, предназначенная быть посыльным судном.

Наша эскадра медленно, сознавая свою силу, выплыла на середину пруда и продефилировала перед чужими берегами. Тщетно мы вызывали противника и в рупор и сигналами — он не хотел принимать боя и постыдно прятался в бухте под полуогнившей ветлой. В бессильной ярости береговая артиллерия открыла по нашим судам огонь, но мы сразу же поставили себя вне пределов досягаемости орудий противника и спокойно отплыли в свой порт без всякого урона, если не считать легкой контузии картофелиной, полученной в спину Яшкой Цуккерштейном.

— О-го-го! — закричали мы уплывая. — Что, слабó вам выйти навстречу?

— Подождите! Выйдем, не хвалитесь раньше времени, не испугались!

— То-то оно и видно, что не испугались. Труссы несчастные!

Мы благополучно вошли в свой порт, бросили якоря и, крепко на цепь закрепив плоты, выскочили на берег.

В тот же вечер мы с Федькой чуть не поссорились. Мы не договорились заранее, кто будет командовать флотом. На мое предложение командовать ему посыльным судном Федька ответил презрительным плевком. Тогда я предложил ему, кроме этого, быть начальником порта, начальником береговой артиллерии, а также воздушных сил, как только они у нас появятся. Но даже воздушные силы не соблазнили Федьку, и он упорно стоял на том, что хочет быть адмиралом, а в противном случае пригрозил передаться неприятелю.

Тогда, не желая терять ценного помощника, я плюнул и предложил быть адмиралом по очереди: день — он, день — я.

На этом мы и порешили.

Мы смастерили два лука, запаслись десятком стрел и отправились в перелесок. В запасе у нас было несколько «лягушек». «Лягушками» назывались бумажные трубочки, сложенные в несколько раз, туго перетянутые бечевой и начиненные смесью бертолетовой соли с толченым углем. Мы привязывали «лягушку» к концу стрелы, один натягивал бечеву, другой поджигал у «лягушки» шнур. Тотчас же стрела взвивалась в небо, и «лягушка» разрывалась высоко в воздухе, металась огненными зигзагами, спугивая галок и ворон.

Перелесок примыкал к кладбищу. Был он густ, весь изрыт ямами, покрыт маленькими прудами. На тенистых зеленых лужайках цвели желтые кувшинки, куриная слепота и рос папоротник.

Вдоволь наигравшись, мы перелезли через каменную стену и очутились в самом отдаленном и глухом углу кладбища. Тиши-

на, нарушаемая только разноголосым щебетом укрывшихся в листе пташек, действовала успокаивающе на наше возбужденное игрой пастроение.

Пробираясь через пустырь мимо надмогильных холмиков, иногда едва выступавших над землей, мы разговаривали вполголоса.

— Смотри,— сказал я Федьке,—сейчас за поворотом начнутся солдатские могилы. На прошлой неделе здесь похоронили Семена Кожевникова из лазарета. Я, Федька, хорошо помню Кожевникова. Еще задолго до войны, когда я был вовсе маленьким, он приходил к моему отцу. Он один раз подарил мне резинку для рогатки. Хорошая была резинка. Только ее потом мать в печку выбросила — будто бы я камешком у Басюгиных стекло разбил.

— А нет, что ли?

— Ну так что ж, что я? Да ведь это же доказать надо было, а то никто не видел, и по одному только подозрению... Какая же это справедливость выходит? Вдруг бы не я разбил, тогда, значит, все равно бы на меня?

— Все равно бы,— согласился Федька.— Они, матери, всегда такие. У девчонок ничего не трогают, а как мальчишкину какую игру заметят, так и выбрасывают. У меня мать две стрелы с гвоздем сломала да потом крысу из клетки вынула. А один раз еще хуже было... Свинтил я шарик пустой. Знаешь, которые на кроватях для украшения привернуты. Мать как раз в церковь ушла. Сажу себе, достал селитры, угля. Ну, думаю, начиню шарик порохом, а потом в перелеске взрыв устрою. И так занялся делом, что и не заметил, как мать сзади очутилась. «Ты зачем,— говорит,— шар с кровати свернул? Ах ты, проклятый! А я смотрю, куда у меня шары делись?» Да как треснет меня по башке! Хорошо, что отец вступился. Спрашивает: «Зачем шар взял?» — «Разве,— отвечаю ему,— не видишь?.. Бомбу делать». Нахмурился он. «Брось,— говорит,— пе балуй такими вещами. Ишь, какой террорист выискался!» А сам засмеялся и по голове погладил.

— Федька,— сказал я ему спокойно,— а я знаю, что такое террорист. Это — которые бомбы в полицейских бросают и против богатых. А мы, Федька, какие — бедные или богатые?

— Средние,— ответил Федька, подумавши.— Чтобы очень бедные, этого тоже не сказать. У нас как отец нашел место, то каждый день обед, а по воскресеньям еще пироги мать стряпает да иной раз компот. Я беда как люблю компот! А ты любишь?

— И я люблю. Только я кисель яблочный еще больше люблю. Я тоже так думаю, что средние. Вон у Бебешиных фабрика целая. Я один раз был у ихнего Васьки. У них одной прислуги сколько и лакей! А Ваське отец живую лошадь подарил... пони называется.

— У них, конечно, все есть,— согласился Федька,— у них денег очень много. А купец Синюгин вышку над домом построил и телескоп поставил. Огро-о-омный! Как надоест ему все на земле, так и идет Синюгин на ту вышку, туда ему закуску несут, бутылку... И сидит он всю ночь да на звезды и планеты смотрит. Только недавно он на той вышке выпивку со знатными устроил, так, говорят, после ихнего просмотра какое-то стекло лопнуло, теперь ничего уж не видать.

— Федька! А почему же Синюгин, например, и на звезды, и па планеты, и всякое ему удовольствие, а другому — фига? Вон Сигов, который на его фабрике работает, так тому не то чтобы на планеты, а просто жрать нечего. Вчера приходил вниз к сапожнику полтинник занимать.

— Почему?.. Вот еще... почему я знаю? Ты спроси у учителя или у батюшки.

Федька помолчал, сорвал на ходу ветку душистого одичавшего жасмина и потом добавил уже тише:

— Отец говорил, что скоро все будет наоборот.

— Что наоборот?

— Все как есть. Я, Борька, и сам еще хорошо не разобрался. Я будто бы спал, а на самом деле нарочно. Отец с заводским

сторожем разговаривал, что будто бы опять забастовки, как в пятом году, будут. Ты знаешь, что было в пятом году?

— Знаю, но только не особенно,— ответил я покраснев.

— Революция была. Только не удалась. Это значит, чтобы помещиков жечь, чтобы всю землю крестьянам, чтобы все от богатых к бедным. Я, знаешь, все это из их разговора услышал.

Федька умолк. И опять меня взяла досада, почему Федька знает больше меня. Я бы тоже узнал, да не у кого. И в книжках про это ничего не писано. И никто про это со мной не разговаривает.

Дома уже, после обеда, когда мать прилегла отдохнуть, я сел к ней на кровать и сказал:

— Мама, расскажи мне что-нибудь про пятый год. Почему с другими говорят об этом? Федька все интересное знает, а я никогда ничего не знаю.

Мать быстро повернулась, нахмурила брови, по-видимому собиралась выругать меня, потом раздумала ругать и посмотрела с таким любопытством, как будто бы увидала меня в первый раз.

— Про какой еще пятый год?

— Как про какой? Ты сама знаешь, про какой. Ты вон какая здоровая. Тебе тогда уже много лет было, а мне всего один год, и я вовсе даже ничего не запомнил.

— Да чего же тебе рассказывать. Это у отца надо бы спрашивать, он мастер про это рассказывать. А я в пятом году света из-за тебя, сорванца, не видела. Тоже... такой был деточка, что и не приведи бог... горластый, крикастый, ни минуты покоя не давал. Как начнешь орать целую ночь подряд, так тут, бывало, про белый свет и про себя позабудешь.

— А с чего же, мама, я орал? — спросил я, немного обидевшись. — Может, я боялся тогда? Говорят, стрельба была и казаки. Может, с перепугу?

— С какого там еще перепугу! Так просто, блаженной был и орал. Какой у тебя тогда мог быть перепуг? К нам с обыском

*...А сам, будто шутя, на руки тебя взял и между тем мигнул
жандарму, а тот стал чего-то в твоей люльке высматривать.*

один раз ночью жандармы пришли, и чего искали — сама не знаю. Тогда у многих подряд обыски были. Всю как есть квартиру перерыли, ничего не нашли. Офицер этаким вежливый был. Пальцем тебя пощекотал, а ты смеешься. «Хороший,— говорит,— мальчик у вас». А сам, будто шутя, на руки тебя взял и между тем мигнул жандарму, а тот стал чего-то в твоей люльке высматривать. Вдруг как потекло с тебя! Батюшки, прямо офицеру на мундир. Ах ты, боже мой! Я тебя скорей схватила, тащу офицеру тряпку. Подумать только! Мундир новый — и весь насквозь, и на штаны попало, и на пашку. Всего как есть опрудил, шельмец этакий! — И мать рассмеялась.

— Ты, мам, вовсе мне про другое рассказываешь,— совсем обидевшись, прервал я.— Я про революцию спрашиваю, а ты ерунду какую-то...

— Да ну тебя... привязался еще! — отмахнулась мать.

Но тут, заметив мое огорченное лицо, она подумала, достала связку ключей и сказала:

— Что я тебе рассказывать буду? Пойди отопри чулан... Там в большом ящике сверху всякий хлам, а внизу целая куча отцовских книг была. Поищи... Если не все он разодрал, то, может, и найдешь какую и про пятый год.

Я быстро схватил связку ключей и бросился к дверям.

— Да ежели ты,— крикнула мне вдогонку мать,— вместо ящика с книгами в банку с вареньем залезешь или опять, как в прошлый раз, с кринок сметану поснимаешь, то я тебе такую революцию покажу, что и своих не узнаешь!

Несколько дней подряд я был занят чтением. Помню, что из двух отобранных книг в первой я прочел только три страницы. Называлась эта наугад взятая книга «Философия нищеты». Из этой мудреной философии я тогда ровно ничего не понял. Но зато другая книга — рассказы Степняка-Кравчинского — была мне понятна; я прочел ее до конца и перечел снова.

В тех рассказах все было наоборот. Там героями были те, которых ловила полиция, а полицейские сыщики, вместо того чтобы возбуждать сочувствие, вызывали только презрение и не-

годование. Речь в этих книгах шла о революционерах. У революционеров были свои тайные организации, типографии. Они готовили восстания против помещиков, купцов и генералов. Полиция боролась с ними, ловила их. Тогда революционеры шли в тюрьмы и на казни, а оставшиеся в живых продолжали их дело.

Меня захватила эта книга, потому что до сих пор я не знал ничего про революционеров. И мне обидно стало, что Арзамас такой плохой город, что в нем ничего не слышно про революционеров. Воры были: у Тушковых с чердака начисто все белье сняли; конокрады-цыгане были, даже настоящий разбойник был — Васька Селедкин, который убил акцизного контролера, а вот революционеров-то и не было.

Глава пятая

Я, Федька, Тимка и Яшка Цуккерштейн только собрались играть в городки, как прибежал из сада сапожников мальчишка и сообщил, что к нашему берегу причалили тайно два плота Пантюшкиных и Симаковых; сейчас эти проклятые адмиралы отбивают замок с целью увести наши плоты на свою сторону.

Мы с гиканьем понеслись в сад. Заметив нас, враги быстро повскакали на свои плоты и отчалили. Тогда мы решили преследовать и потопить неприятеля.

В тот день командовал дредноутом Федька. Пока он и Яшка отталкивали тяжелый, неповоротливый плот, мы с Тимкой на старом суденышке пустились неприятелю наперерез. Наши враги сразу сделали ошибку. Очевидно, не предполагая, что мы будем их преследовать, они, вместо того чтобы сразу направиться к своему берегу, взяли курс далеко влево. Когда же они заметили свою ошибку, то были уже далеко и теперь напрягали все свои силы, пытаясь проскочить, прежде чем мы успеем перерезать им дорогу. Но Федька и Яшка никак не могли отвязать

большой плот. Нам с Тимкой предстояла героическая задача — на легком суденышке задержать на несколько минут двойные силы неприятеля.

Мы очутились без поддержки перед враждебной эскадрой и самоотверженно открыли по ней огонь. Нечего и говорить, что мы сами тотчас же попали под сильнейший перекрестный обстрел. Уже дважды я получил комом по спине, а у Тимки спшибло фуражку в воду. Стали истощаться наши снаряды, и мы были насквозь промочены водой, а Федька и Яшка еще только отчаливали от берега. Заметив это, неприятель решил идти на пролом.

Мы не могли выдержать столкновения с их плотами — наша калитка была бы безусловно потоплена.

— Ураганный огонь последними снарядами! — скомандовал я.

Отчаянными залпами мы задержали противника только на полминуты. Наш дредноут полным ходом спешил к нам на помощь.

— Держитесь! — кричал Федька, открывая огонь с далекой дистанции.

Однако вражьи суда были почти рядом. Оставалось только дать им уйти в защищенный порт или загородить дорогу, рискуя выдержать смертельный бой. Я решил на последнее. Сильным ударом шеста я поставил свой плот поперек пути.

Первый вражеский плот с силой налетел на нас, и мы с Тимкой разом очутились по горло в теплой заплесневелой воде. Однако от удара плот противника тоже остановился. Этого только нам и нужно было. Наш могучий дредноут — огромный, неуклюжий, но крепко сколоченный — на полном ходу врезался в борт неприятельского судна и перевернул его. Оставался еще миноносец из свиного корыта. Пользуясь своей быстроходностью, он хотел было проскочить мимо, но и его опрокинули шестом.

Мы с Тимкой забрались на Федькин плот, и теперь только головы неприятельской команды торчали из воды. Но мы были

великодушны: взяв на буксир перевернутые плоты, разрешили взобраться на них победленным и с триумфом, под громкие крики мальчишек, усеявших заборы садов, доставили трофеи и пленников к себе в порт.

Письма от отца мы получали редко. Отец писал мало и все одно и то же: «Жив, здоров, сидим в окопах, и сидеть, кажется, конца-краю не предвидится».

Меня разочаровывали его письма. Что это такое, на самом деле? Человек с фронта не может написать ничего интересного. Описал бы бой, атаку или какие-нибудь героические подвиги, а то прочтешь письмо, и остается впечатление, что будто бы скука на этом фронте хуже, чем в Арзамасе грязной осенью.

Почему другие, вот, например, прапорщик Тупиков, брат Митьки, присылает письма с описанием сражений и подвигов и каждую неделю присылает всякие фотографии? На одной фотографии он снят возле орудия, на другой — возле пулемета, на третьей — верхом на коне, с обнаженной пашкой, а еще одну прислал, так на той и вовсе голову из аэроплана высунул. А отец — не то чтобы из аэроплана, а даже в окопе ни разу не снялся и ни о чем интересном не пишет.

Однажды, уже под вечер, в дверь нашей квартиры постучали. Вошел солдат с костылем и деревянной ногой и спросил мою мать. Матери не было дома, но она должна была скоро прийти. Тогда солдат сказал, что он товарищ моего отца, служил с ним в одном полку, а сейчас едет навсегда домой, в деревню нашего уезда, и привез нам от отца поклон и письмо.

Он сел на стул, поставил к печке костыль и, порывшись за пазухой, достал оттуда замасленное письмо.

Меня сразу же удивила необычайная толщина пакета. Отец никогда не присылал таких толстых писем, и я решил, что, вероятно, в письмо вложены фотографии.

— Вы с ним вместе служили, в одном полку? — спросил

я, с любопытством разглядывая худое, как мне показалось, угрюмое лицо солдата, серую измятую шинель с георгиевским крестиком и грубую деревяшку, приделанную к левой ноге.

— И в одном полку, и в одной роте, и в одном взводе, и в окопе рядом, локоть к локтю... Ты его сын, что ли, будешь?

— Сын.

— Вот что! Борис, значит? Знаю. Слышал от отца. Тут и тебе посылка есть. Только отец наказывал, чтобы спрятал ты ее и не трогал до тех пор, пока он не вернется.

Солдат полез в самодельную кожаную сумку, сшитую из голенища; при каждом его движении по комнате распространялись волны тяжелого запаха йодоформа.

Он вынул завернутый в тряпку и туго перевязанный сверток и подал его мне. Сверток был небольшой, а тяжелый.

Я хотел вскрыть его, но солдат сказал:

— погоди, не торопись. Успеешь еще посмотреть.

— Ну, как у вас на фронте, как идут сражения, какой дух у наших войск? — спросил я спокойно и солидно.

Солдат посмотрел на меня и прищурился. Под его тяжелым, немного насмешливым взглядом я смутился, и самый вопрос показался мне каким-то напыщенным и надуманным.

— Ишь ты! — И солдат улыбнулся. — Какой дух! Известное

дело, милый, какой дух в окопе может быть... Тяжелый дух. Хуже, чем в нужнике.

Он достал кисет, молча свернул сигарку, выпустил сильную струю едкого махорочного дыма и, глядя мимо меня на покрасневшее от заката окно, добавил:

— Обрыдло все, очертенело все до горечи. И конца что-то не видно.

Вошла мать. Увидев солдата, она остановилась у двери и ухватила рукой за дверную скобку.

— Что... что случилось? — тихо спросила она побелевшими губами. — Что-нибудь про Алексея?

— Папа письмо прислал! — завопил я. — Толстое... наверное, с фотографиями. И мне тоже подарок прислал.

— Жив, здоров? — спрашивала мать, сбрасывая шаль. — А я как увидала с порога серую шинель, так у меня сердце ёкнуло. Наверное, думаю, с отцом что-нибудь случилось.

— Пока не случилось, — ответил солдат. — Низко кланяется, вот пакет просил передать. Не хотел он по почте... Почта ныне ненадежная.

Мать разорвала конверт. Никаких фотографий в нем не было, только пачка замасленных, исписанных листков. К одному из них пристал кусочек глины и зеленая засохшая травинка.

Я развернул сверток — там лежал небольшой маузер и запасная обойма.

— Что еще отец выдумал! — сказала недовольно мать. — Разве это игрушка?

— Ничего, — ответил солдат. — Что, у тебя сын дурной, что ли? Гляди-ка, ведь он вон уже какой, с меня ростом скоро будет. Пусть спрячет пока. Хороший пистолет. Его Алексей в германском окопе нашел. Хорошая штука. Потом всегда пригодиться может.

Я потрогал холодную точеную рукоятку и, осторожно завернув маузер, положил его в ящик.

Солдат пил у нас чай. Выпил стаканов семь и все рассказы-

вал нам про отца и про войну. Я выпил всего полстакана, а мать и вовсе не дотронулась до чашки. Порывшись в своих склянках, она достала пузырек со спиртом и налила солдату. Солдат сощурился, долил спирт водой и, медленно выпив водку, вздохнул и покачал головой.

— Жизнь никуда пошла, — сказал он, отодвигая стакан. — Из дома писали, что хозяйство прахом идет. А чем помочь было можно? Сами голодали месяцами. Такая тоска брала, что думаешь — хоть бы один конец. Заметались люди в доску! Бывало, иногда закипит душа, как ржавая вода в котелке. Эх, думаешь, была бы сила, плюнул бы и повернул обратно. Пусть воюет, кто хочет, а я у немца ничего не занимал, и он мне ничего не должен! Мы с Алексеем много про это говорили. Ночи длинные... Спать блоха не дает. Только вся и утеха, что песни да разговоры. Иной раз плакать бы впору или удавить кого, а ты сядешь и запоешь. Плакать — слез нету. Злость сорвать на ком следует — руки короткие. Эх, говоришь, ребята, друзья хорошие, товарищи милые, давайте хоть песню споем!

Лицо солдата покраснело, покрылось влагой, и по комнате гуще и гуще расходился запах йодоформа. Я открыл окно. Сразу пахнуло вечерней свежестью, прелью сложенного во дворах сена и перспелой вишней.

Я сидел на подоконнике, чертил пальцем по стеклу и слушал, что говорил солдат. Слова солдата оставляли на душе осадок горькой сухой пыли, и эта пыль постепенно обволакивала густым налетом все до тех пор четкие и понятные для меня представления о войне, о ее героях и ее святом значении. Я почти с ненавистью смотрел на солдата. Он снял пояс, расстегнул мокрый ворот рубахи и, видимо опьянев, продолжал:

— Смерть, конечно, плохо. Но не смертью еще война плоха, а обидою. На смерть не обидно. Это уж такой закон, чтобы рано ли, поздно ли, а человеку помереть. А кто выдумал такой закон, чтобы воевать? Я не выдумывал, ты не выдумывал, он не выдумывал, а кто-то да выдумал. Так вот, кабы был господь бог все-

могущ, всеблаг и всемилостив, как об этом в книгах пишут, пусть призвал бы он того человека и сказал: «А дай-ка мне ответ, для каких нужд втравил ты в войну миллионы народов? Какая им и какая тебе от этого выгода? Выкладывай все начистоту, чтобы всем было ясно и понятно». Только...— Тут солдат покачнулся и чуть не уронил стакан.— Только... не любит что-то господь в земные дела вмешиваться. Ну что же, подождем, потерпим. Мы — народ терпеливый. Но уж когда будет терпению край, тогда, видно, придется самим разыскивать и судей и ответчиков.

Солдат умолк, нахмурился, исподлобья посмотрел на мать, которая, опустив глаза на скатерть, за все время не проронила ни слова. Он встал и, протягивая руку к тарелке с селедкой, сказал примирительно и укоризненно:

— Ну, да что ты... Вот еще о чем заговорили! Пустое... Всему будет время, будет и конец. Нет ли у тебя, хозяйка, еще в бутылке?

И мать, не поднимая глаз, долила ему в стакан капли теплого пахучего спирта.

Всю эту ночь за стеною проплакала мама; шелестели перевортыаемые листки отцовского письма. Потом через щель мелькнул тусклый зеленый огонек лампадки, и я догадался, что мать молится. Отцовского письма она не показала. О чем он писал и отчего в ту ночь она плакала, я так и не понял тогда.

Солдат ушел от нас утром.

Перед тем как уйти, он похлопал меня по плечу и сказал, точно я его о чем спрашивал:

— Ничего, милый... Твое дело молодое. Эх! Поди-ка, ты почище нашего еще увидишь!

Он попрощался и ушел, притопывая деревяшкой, унося с собой костыль, запах йодоформа и гнетущее настроение, вызванное его присутствием, его кашляющим смехом и горькими словами.

Лето подходило к концу. Федька усиленно готовился к переэкзаменовке, Яшка Цуккерштейн заболел лихорадкой, и я как-то неожиданно очутился в одиночестве.

Я валялся на кровати, читал отцовские книги и газеты.

Про конец войны ничего не было слышно. В город понаехало множество беженцев, потому что германцы сильно продвинулись по фронту и заняли уже больше половины Польши. Беженцы побогаче разместились по частным квартирам, но таких было немного. Наши купцы, монахи и священники были людьми набожными и неохотно пускали к себе беженцев, в большинстве бедных многосемейных евреев, и беженцы главным образом жили в бараках возле перелеска, за городом.

К тому времени из деревень вся молодежь, все здоровые мужчины были угнаны на фронт. Многие хозяйства разорились. Работать в полях было некому, и в город потянулись нищие — старики, бабы и ребятишки.

Раньше, бывало, ходишь целый день по улицам — и ни одного незнакомого не встретишь. Иного хоть по фамилии не знаешь, так обязательно где-нибудь встречал, а теперь попадались на каждом шагу незнакомые, чужие лица — евреи, румыны, поляки, пленные австрийцы, раненые солдаты из госпиталя Красного Креста.

Не хватало продуктов. Масло, яйца, молоко по дорогой цене раскупались на базаре с раннего утра. У булочных образовались очереди, исчез белый хлеб, да и черного не всем хватало. Купцы немилосердно набавляли цены на все, даже не на съестные продукты.

Говорили у нас, что один Бебешин за последний год нажил столько же, сколько за пять предыдущих. А Синюгин — тот и вовсе так разбогател, что пожертвовал шесть тысяч на храм; забросив свою вышку с телескопом, выписал из Москвы настоящего, живого крокодила, которого пустил в специально выкопанный бассейн.

Когда крокодила везли с вокзала, за телегой тянулось такое множество любопытных, что косой пономарь Спасской церкви Гришка Бочаров, не разобравшись, принял процессию за крестный ход с Оранской иконой божией матери и ударил в колокола. Гришке от епископа было за это назначено тринадцатидневное покаяние. Многие же богомольцы говорили, что Гришка врет, будто бы зазвонил по ошибке, а сделал это нарочно, из озорства. Мало ему покаяния, а надо бы для примера засадить в тюрьму, потому что похороны за крестный ход принять — это еще куда ни шло, но чтобы такую богомерзкую скотину с пресвятой иконой спутать — это уж смертный грех!

...Захлопнув книгу, я выбежал на улицу. Делать мне было нечего, и я побежал за город, на кладбище, к Тимке Штукину. Тимку дома я не застал. Отец его, седой крепкий старик, старый знакомый моего отца, потрепал меня по плечу и сказал:

— Растешь, хлопец? Батько-то приедет и не узнает. Ростом-то ты в отца вышел, во какой здоровенный! А мой Тимка, пес его знает, в деда, что ли, по матери пошел — хлюпкий, как комар. И куда в его только жратва идет?! Отец-то здоров? Будете писать — от меня поклон. Хороший, настоящий человек. Мы с ним восемь лет в сельской школе проработали. Он — учителем, а я — сторожем... Только давно это... Ты вовсе сосуном был, не помнишь. Ну, ступай! Тимка тут где-нибудь щеглов ловит. Поищи в березах, там, в углу, за солдатскими могилами. Ближе он не ловит — староста, как увидит, ругается...

Тимку я нашел в березняке. Он стоял под деревом и, держа в руке палку с петлей, осторожно подводил ее под едва заметного в пожелтевшей листве щегла. Тимка испуганно, почти умоляюще посмотрел на меня и замотал головой, чтобы я не подходил ближе и не спугнул птицы. Я остановился.

Большей дуры-птицы, чем щегол, по-моему, не было никогда на свете. К концу длинного тонкого удилища ребята-птицеловы прикрепляют конский волос и делают петлю. Петлю эту нужно осторожно накинуть на шею щегла.

Тимка медленно подвел конец удилища к самой голове пи-

чужки. Щегол покосился на петлю и лениво перескочил на соседнюю ветку. Высунув кончик языка, стараясь не дышать, Тимка принялся подводить петлю снова. Глупый щегол с любопытством посматривал на Тимкино занятие. Он по-идиотски беспечно позволил окружить петлей нахохлившуюся головку. Тимка дернул палку, и полузадушенный щегол, не успев пискнуть, полетел на траву, отчаянно трепыхая крыльями. Через минуту он уже прыгал в клетке вместе с пятком других пленных собратьев.

— Видал?! — заорал Тимка, подпрыгивая на одной ноге. — Во, брат, как ловко... целых шесть штук. Только щеглы всё. Синицу этак не поймаешь... Ее западками надо или лучком... Хитрющая! А эти дураки сами башкой лезут...

Внезапно Тимка оборвал себя на полуслове, лицо его окаменело в таком выражении, как будто бы кто-то стукнул его поленом по голове. Погрозив мне пальцем, он постоял, не шелохнувшись, минуты две, потом опять подпрыгнул и спросил:

— Что, слышал?

— Ничего не слышал, Тимка. Слышал, что паровоз на вокзале загудел.

— Господи боже мой! Он не слышал! — удивленно всплеснул руками Тимка. — Малиновка!.. Слышал ты, пересвистнулась?.. Настоящая, краснозванка. Я уже по свисту слышу, я ее, голу-бушку, вторую неделю выслеживаю. Знаешь, где утопленника хоронили? Ну, так вот она там, в кленах, где-то водится. Там густые клены, а сейчас у них листья, как огонь, яркие... Пойдем посмотрим.

Тимка знает каждую могилу, каждый памятник. На ходу прискакивая по-птичьи, он показывает мне:

— Здесь вот — пожарный лежит... в прошлом году сгорел, а здесь — Чурбакин слепой. Тут все этикие, тут купцов не хоронят, для купцов хорошая земля отведена... Вон у Синюгиной бабушки какой памятник поставили, с архангелами. А вот тут, — Тимка ткнул пальцем на еле заметный бугорок, — тут удушенник похоронен. Батяка говорил, что сам он, нарочно удавился...

слесарь деповский. Вот уж не знаю, как это можно самому, нарочно?

— От плохой жизни, должно быть, Тимка, ведь не от хорошей же?

— Ну-у, что ты! — удивленно и протестующе протянул Тимка. — От какой же плохой? Разве же она плохая?

— Кто — она?

— Да жизнь-то! Беда, какая хорошая! Как же можно, чтобы смерть лучше была? То бегаешь и все, что хочешь, а то — лежи!

Тимка засмеялся звонким, щебечущим смехом и опять разом замер, точно его оглушили, и, постояв с минутку, сказал шепотом:

— Тише теперь... Она тут где-то, недалеко, хоронится... Только хитрая! Ну, да все равно я ее поймаю.

Только к вечеру я вернулся от Тимки. Станный мальчуган, он всего на полтора года моложе меня, а такой маленький, что ему не только двенадцать, а и десять лет нельзя было дать. Всегда он суетился, товарищи над ним подсмеивались, частенько щелкали его по затылку, но он никогда надолго не обижался. Когда Тимка просил что-нибудь, ну, скажем, перочинный ножик карандаш очинить, или перо, или решить трудную задачу, то всегда глядел в упор большими круглыми глазами и почему-то виновато улыбался. Он был трусом, но и трусость у него была особая. Не было Тимке большего страха, чем тот, который он испытывал при приближении инспектора или директора. Однажды во время урока пришел швейцар и сказал, что Тимку просят в учительскую. Тимка не мог сразу подняться с парты; потом обвел глазами весь класс, как бы спрашивая: «Да за что же? Ей-богу, ни в чем не виноват». Рябоватое лицо его приняло серый оттенок, и он неуверенно вышел за дверь. На перемене мы узнали, что вызвали его не для заковывания в кандалы и отправления на каторгу и даже не для записи в кондуит, а просто чтобы он расписался за полученный в прошлом году бесплатно учебник арифметики.

...Через два дня у нас начались занятия. В классах стоял шум и гомон. Каждый рассказывал о том, как он провел лето, сколько наловил рыбы, раков, ящериц, ежей. Один хвастался убитым ястребом, другой азартно рассказывал о грибах и землянике, третий божился, что поймал живую змею.

Были у нас и такие, которые на лето ездили в Крым и на Кавказ — на курорты. Но их было немного. Эти держались особняком, про ежей и землянику не разговаривали, а солидно рассказывали о пальмах, о купаньях и лошадях.

Впервые в этом году нам объявили, что ввиду дороговизны попечитель разрешил взамен суконной формы носить форму из другой, более дешевой материи.

Мать сшила мне гимнастерку и штаны из какой-то материи, которая называлась «чертовой кожей».

Кожа эта действительно, должно быть, была содрана с черта, потому что когда однажды, убегая из монашеского сада от здорового инока, вооруженного дубиной, я зацепился за заборный гвоздь, то штаны не разорвались, и я повис на заборе, благодаря чему инок успел вцепить мне пару здоровых оплеух.

Было еще одно нововведение. К нам прикомандировали офицера, дали деревянные винтовки, которые с виду совсем походили на настоящие, и начали обучать военному строю.

После того письма, которое привез нам от отца безногий солдат, мы не получили ни одного.

Каждый раз, когда Федькин отец проходил с сумкой по улице, моя маленькая сестренка, подолгу караулившая его появление, высовывала из окна голову и кричала тоненьким голосом:

— Дядя Сергей! Нам нету от папы?

И тот отвечал неизменно:

— Нету, дочка, нету сегодня! Завтра, должно быть, будет.

Но и завтра тоже ничего не было.

Однажды, уже в сентябре, Федька засиделся у меня до позднего вечера. Мы вместе заучивали уроки.

Едва мы кончили и он сложил книги и тетрадки, собираясь бежать домой, как внезапно хлынул проливной дождь. Я побежал закрывать окно, выходившее в сад.

Налетавшие порывы ветра со свистом поднимали с земли целые груды засохших листьев; несколько крупных капель брызнуло мне в лицо.

Я с трудом притянул одну половину окна, высунулся за второй, как внезапно порядочной величины кусок глины упал на подоконник.

«Ну и ветер! — подумал я. — Этак и все деревья переломать можно».

Возвращаясь в соседнюю комнату, я сказал Федьке:

— Буря настоящая. Куда ты, дурак, собрался? Такой дождь хлещет! Смотри-ка, какой кусок земли в окно ветром зашвырнуло.

Федька посмотрел недоверчиво:

— Что ты врешь-то? Разве этакий ком зашвырнет?

— Ну вот еще! — обиделся я. — Я же тебе говорю: только я стал закрывать, как плюхнулось на подоконник.

Я посмотрел на ком глины. Не бросил ли кто, на самом деле, нарочно? Но тотчас же я одумался и сказал:

— Глупости какие! Некому бросать. Кого в этакую погоду в сад занесет? Конечно, ветер.

Мать сидела в соседней комнате и шила. Сестренка спала. Федька пробыл у меня еще полчаса. Небо прояснилось. Через мокрое окно заглянула в комнату луна; ветер начал стихать.

— Ну, я побегу, — сказал Федька.

— Ступай. Я не пойду за тобой дверь запираТЬ. Ты захлопши ее покрепче, замок сам защелкнется.

Федька нахлобучил фуражку, всунул книги за пазуху, чтобы

не промокли, и ушел. Я слышал, как гулко стукнула закрытая им дверь.

Я стал снимать ботинки, собираясь ложиться спать. Взглянув на пол, я увидел оброненную и позабытую Федькой тетрадку. Это была та самая тетрадь, в которой мы решали задачи.

«Вот дурной-то! — подумал я. — Завтра у нас алгебра — первый урок... То-то хватит. Надо будет взять ее с собой».

Сбросив одежду, я скользнул под одеяло, но не успел еще перевернуться, как в передней раздался негромкий, осторожный звонок.

— Кого еще это несет? — спросила удивленная мать. — Уж не телеграмма ли от отца?.. Да нет, почтальон сильно за ручку дергает. Ну-ка, пойдй отопрй.

— Я, мам, разделся уже. Это, мам, наверное, не почтальон, а Федька, он у меня нужную тетрадку забыл, да, должно быть, по дороге спохватился.

— Вот еще идол! — рассердилась мать. — Что он, не мог утром забежать? Где тетрадь-то?

Она взяла тетрадь, надела на босу ногу туфли и ушла.

Мне слышно было, как туфли ее шлепали по ступенькам. Щелкнул замок. И тотчас же снизу до меня донесся заглушенный, сдавленный крик. Я вскочил. В первую минуту я подумал, что на мать напали грабители, и, схватив со стола подсвечник, хотел было разбить им окно и заорать на всю улицу. Но ввиду раздался не то смех, не то поцелуй, оживленный, негромкий шепот. Затем зашаркали шаги двух пар ног, поднимающихся вверх.

Распахнулась дверь, и я так и прилип к кровати, раздетый и с подсвечником в руке.

В дверях, с полными слез глазами, стояла счастливая, смеющаяся мать, а рядом с нею — заросший щетиной, перепачканный в глине, промокший до нитки, самый дорогой для меня солдат — мой отец.

Один прыжок — и я уже был стиснут его крепкими, загрубелыми лапами.

*Один прыжок — и я уже был стиснут его крепкими,
загрубелыми лапами.*

За стеною в кровати зашевелилась потревоженная шумом сестренка. Я хотел броситься к ней и разбудить ее, но отец удержал меня и сказал вполголоса:

— Не надо, Борис... не буди ее... и не шумите очень.

При этом он обернулся к матери:

— Варюша, если девочка проснется, не говори ей, что я приехал. Пусть спит. Куда бы ее на эти три дня отправить?

Мать ответила:

— Мы отправим ее рано утром в Ивановское. Она давно просилась к бабушке. Небо прояснилось, кажется. Борис раненько утром отведет ее. Да ты, Алеша, не говори шепотом, она спит очень крепко. За мной иногда по ночам приходят из больницы, так что она привыкла.

Я стоял, раскрыв рот, и отказывался верить всему слышанному.

«Как?.. Маленькую лупоглазую Танюшку хотят чуть свет отправить к бабушке, чтобы она так и не увидела приехавшего на побывку отца? Что же это такое?.. Для чего же?»

— Боря! — сказала мне мать. — Ты ляжешь в моей комнате, а утречком, часов в шесть, соберешь Танюшку и отведешь к бабушке... Да не говори там никому, что папа приехал.

Я посмотрел на отца. Он крепко прижал меня к себе, хотел что-то сказать, но вместо этого еще крепче обнял и промолчал.

Я лег на мамину кровать, а отец и мать остались в столовой и закрыли за собой дверь. Долго я не мог уснуть. Ворочался с боку на бок, пробовал считать до пятидесяти, до ста — сон не приходил.

В голове у меня образовался какой-то хаос. Стоило мне только начать думать обо всем случившемся, как тотчас же противоречивые мысли сталкивались и несуразные предположения, одно другого нелепей, лезли в голову. Начинало слегка давить виски, так же как давит голову, когда долго кружишься на карусели. Только поздно ночью я задремал. Проснулся я от легкого скрипа. В комнату вошел с зажженной свечой отец.

Я чуть-чуть приоткрыл глаза. Отец был без сапог. Тихонько, в носках, он подошел к Танюшкиной кровати и опустил свечу.

Так простоял он минуты три, рассматривая белокурые локоны и розовое лицо спящей девчурки. Потом наклонился к ней. В нем боролись два чувства: желание приласкать дочку и опасение разбудить ее. Второе одержало верх. Быстро выпрямился, повернулся и вышел.

Дверь еще раз скрипнула — свет в комнате погас.

...Часы пробили семь. Я открыл глаза. Сквозь желтые листья березы за окном блестело яркое солнце. Я быстро оделся и заглянул в соседнюю комнату. Там спали. Притворив дверь, я стал будить сестренку.

— А где мама? — спросила она, протирая глаза и уставившись на пустую кровать.

— Маму вызвали в больницу. Мама, когда уходила, сказала мне, чтобы я свел тебя в гости к бабушке.

Сестренка засмеялась и лукаво погрозила мне пальцем.

— Ой, врешь, Борька! Бабушка еще только вчера просила меня к себе, мама не пускала.

— Вчера не пускала, а сегодня передумала. Одевайся скорей... Смотри, какая погода хорошая. Бабушка возьмет тебя сегодня в лес рябину собирать.

Поверив, что я не шучу, сестренка быстро вскочила и, пока я помогал ей одеваться, защебетала:

— Так, значит, мама передумала? Ой, как я люблю, когда мама передумывает! Давай, Борька, возьмем с собой кошку Лизку... Ну, не хочешь кошку, тогда Жучка возьмем. Он веселый... Он меня как вчера лизнул в лицо! Только мама заругалась. Она не любит, чтобы лицо лизали. Жучок один раз лизнул ее, когда она в саду лежала, а она его хворостиной.

Сестренка соскочила с кровати и побежала к двери:

— Борька, открой мне дверь. У меня там платок в углу лежит и еще коляска.

Я оттащил ее и посадил на кровать.

— Туда нельзя, Танюшка, там чужой дядя спит. Вечером приехал. Я сам тебе принесу платок.

— Какой дядя? — спросила она. — Как в прошлый раз?

— Да, как в прошлый.

— И с деревянной ногой?

— Нет, с железной.

— Ой, Борька! Я еще никогда не видала с железной. Дай я в щелочку посмотрю тихо-онечко... Я на цыпочках.

— Я вот тебе посмотрю! Сиди смирно.

Осторожно пробравшись в комнату, я достал платок и вернулся обратно.

— А коляску?

— Ну и выдумала еще! Зачем с коляской тащиться? Там те- бя дядя Егор на настоящей телеге покатает.

Тропка в Ивановское проходила по берегу Тепи. Сестренка бежала впереди, поминутно останавливаясь, то затем, чтобы поднять хворостинку, то посмотреть на гусей, барахтавшихся в воде, то еще зачем-нибудь. Я шел потихоньку позади. Утренняя свежесть, желто-зеленая ширь осенних полей, монотонное позвякивание медных колокольчиков пасущегося стада — все это успокаивающе действовало на меня.

И теперь уже та назойливая мысль, которая так мучила меня ночью, прочно утвердилась в моей голове, и я уже не силился отделаться от нее.

Я вспомнил комок глины, брошенный на подоконник. Конечно, это не ветер бросил. Как мог ветер вырвать из грядки такой перепутанный корнями кусок? Это бросил отец, чтобы привлечь мое внимание. Это он в дождь и бурю прятался в саду, выжидая, пока уйдет от меня Федька. Он не хочет, чтобы сестренка видела его, потому что она маленькая и может проболтаться о его приезде... Солдаты, которые приезжают в отпуск, не прячутся и не скрываются ни от кого...

Сомнений больше не было: мой отец дезертир.

На обратном пути я неожиданно в упор столкнулся с училищным инспектором.

— Гориков,— сказал он строго,— это еще что такое?.. Почему вы во время уроков не в школе?

— Я болен,— ответил я машинально, не соображая всей нелепости своего ответа.

— Болен? — переспросил инспектор.— Что вы городите чушь? Больные лежат дома, а не шатаются по улицам.

— Я болен,— упрямо повторил я,— и у меня температура...

— У каждого человека температура,— ответил он сердито.— Не выдумывайте ерунды и марш со мной в школу...

«Вот тебе и на! — подумал я, шагая вслед за ним.— Зачем я соврал ему, что болен? Разве я не мог, не называя настоящей причины своего отсутствия в школе, придумать какое-нибудь другое, более правдоподобное объяснение?»

Старичок, училищный доктор, приложил ладонь к моему лбу и, даже не измерив температуры, поставил вслух диагноз:

— Болен острым приступом лени. Вместо лекарства советую четверку за поведение и после уроков на два часа без обеда.

Инспектор с видом ученого аптекаря одобрил этот рецепт. Он позвал сторожа Семена и приказал ему отвести меня в класс.

Несчастье одно за другим приходило ко мне в этот день. Едва только я вошел, как немка Эльза Францисковна кончила спрашивать Торопыгина и, недовольная моим появлением среди урока, сказала:

— Гориков, коммен зи хер! Спрягайте мне глагол «иметь». Их хабе,— начала она.

— Ду хаст,— подсказал мне Чижииков.

— Эр хат,— вспомнил я сам.— Вир...— Тут я опять запнулся.

Ну положительно мне сегодня было не до немецких глаголов.

— Хастус,— нарочно подсказал мне кто-то с задней парты.

— Хастус,— машинально повторил я.

— Что вы говорите? Где ваша голова? Надо думать, а не слушать, что глупый мальчишка подсказывает. Дайте вашу тетрадь.

— Я позабыл тетрадь, Эльза Францисковна, приготовил уроки, только позабыл все книги и тетради. Я принесу их вам на перемене.

— Как можно забывать все книги и тетради? — возмущилась немка. — Вы не забыли, а вы обманываете. Оставайтесь за это на час после уроков.

— Эльза Францисковна, — сказал я возмущенно, — меня и так уж сегодня инспектор на два часа оставил. Куда же еще на час? Что мне, до ночи сидеть, что ли?

В ответ учительница разразилась длинной немецкой фразой, из которой я едва понял, что лень и ложь должны быть наказуемы, и хорошо понял, что третьего часа отсидки мне не избежать.

На перемене ко мне подошел Федька.

— Ты что же это без книг и почему тебя Семен в класс привел?

Я соврал ему что-то.

Следующий, последний урок — географии — я провел в каком-то полусне. Что говорил учитель, что ему отвечали — все это прошло мимо моего сознания, и я очнулся, только когда задребезжал звонок.

Дежурный прочел молитву. Ребята, хлопая крышками парт, один за другим вылетели за двери. Класс опустел.

Я остался один.

«Боже мой, — подумал я с тоской, — еще три часа... целых три часа, когда дома отец, когда все так странно...»

Я спустился вниз. Там возле учительской стояла длинная, узкая, вся изрезанная перочинными ножами скамья. На ней уже сидели трое. Один первоклассник, оставленный на час за то, что запустил в товарища катышком из жеваной бумаги, другой — за драку, третий — за то, что с лестницы третьего этажа старался попасть плевком в макушку проходившего внизу ученика.

Я сел на лавку и задумался. Мимо, громыхая ключами, прошел сторож Семен.

Вышел дежурный надзиратель, время от времени присматривавший за наказанными, и, лениво зевнув, скрылся.

Я тихонько поднялся и через дверь учительской заглянул на часы. Что такое? Прошло всего-навсего только полчаса, а я-то был уверен, что сижу уже не меньше часа.

Внезапно преступная мысль пришла мне в голову:

«Что же это, на самом деле? Я не вор и не сижу под стражей. Дома у меня отец, которого я не видел два года и теперь должен увидеть при такой странной и загадочной обстановке, а я, как арестант, должен сидеть здесь только потому, что это взбрело на ум инспектору и немке?»

Я встал, но тотчас же заколебался. Самовольно уйти, будучи оставленным,— это было у нас одним из тягчайших школьных преступлений.

«Нет, подожду уж»,— решил я и направился к скамье.

Но тут приступ непонятной злобы овладел мною. «Все равно,— подумал я,— вон отец с фронта убежал...— тут я криво усмехнулся,— а я отсюда боюсь».

Я побежал к вешалке, кое-как накиннул шинель и, тяжело хлопнув дверью, выскочил на улицу.

На многое в тот вечер старался раскрыть мне глаза отец.

— Папа,— спросил я,— а ведь, прежде чем бежать с фронта, ты был смелым, ты ведь не из страха убежал?

— Я и сейчас не трус.

Он сказал это спокойно, но я невольно повернул голову к окну и вздрогнул.

С противоположной стороны прямо к нашему дому шел полицейский. Шел он медленно, вперевалку. Дошел до середины улицы и свернул вправо, направившись к базарной площади, вдоль мостовой.

— Он... не... к нам,— сказал я отрывисто, чуть не по слогам, и учащенно задышал.

На другой день вечером отец говорил мне:

— Борька, со дня на день к вам могут нагрянуть гости. Спрячь подальше игрушку, которую я тебе прислал. Держись

крепче! Ты у меня вон уже какой взрослый. Если тебе будут в школе неприятности из-за меня, плюнь на все и не бойся ничего, следи внимательней за всем, что происходит вокруг, и ты поймешь тогда, о чем я тебе говорил.

— Мы увидимся еще, папа?

— Увидимся. Я буду здесь иногда бывать, только не у вас.

— А где же?

— Узнаешь. Когда надо будет, вам передадут.

Было уже совсем темно, но у ворот на лавочке сидел сапожник с гармоникой, а возле него гомонила целая куча девок и ребят.

— Мне бы пора уже,— сказал отец, заметно волнуясь,— как бы не опоздать.

— Они, папа, до поздней ночи, должно быть, не уйдут, потому что сегодня суббота.

Отец нахмурился.

— Вот еще беда-то. Нельзя ли, Борис, где-нибудь через забор или через чужой сад пролезть? Ну-ка, подумай... Ты ведь должен все дыры знать.

— Нет,—ответил я,—через чужой сад нельзя. Слева, у Аглаковых, забор высоченный и с гвоздями, а справа можно бы, но там собака, как волк, злющая... Вот что. Если ты хочешь, то спустимся со мной к пруду, там у меня плот есть, я тебя перевезу задами прямо к оврагу. Сейчас темно, никто не разберет, и место там глухое.

Под грузной фигурой отца плот осел, и вода залила нам подошвы. Отец стоял не шевелясь. Плот бесшумно скользил по черной воде. Шест то и дело застревал в вязком, илистом дне. Я с трудом вытаскивал его из заплесневевшей воды.

Два раза я пробовал пристать к берегу, и все неудачно — дно оврага было низкое и мокрое. Тогда я взял правее и причалил к крайнему саду.

Сад этот был глух, никем не охранялся, и заборы его были поломаны. Я проводил отца до первой дыры, через которую можно было выбраться в овраг. Здесь мы распрощались.

Я постоял еще несколько минут. Хруст веток под отцовскими тяжелыми шагами становился все тише и тише...

Глава восьмая

Через три дня мать вызвали в полицию и сообщили ей, что ее муж дезертировал из части. С матери взяли подписку в том, что сведений «о его настоящем местонахождении она не имеет, а если будет иметь, то обязуется немедленно сообщить об этом властям».

Через сына полицмейстера в училище на другой же день стало известно, что мой отец — дезертир.

На уроке закона божьего отец Геннадий произнес небольшую

поучительную проповедь о верности царю и отечеству и пенарушимости присяги. Кстати же он рассказал исторический случай, как во время японской войны один солдат, решившись спасти свою жизнь, убежал с поля битвы, однако вместо спасения обрел смерть от зубов хищного тигра.

Случай этот, по мнению отца Геннадия, несомненно доказывал вмешательство провидения, которое достойно наказало беглеца, ибо тигр тот, вопреки обыкновению, не сожрал ни одного куска, а только разодрал солдата и удалился прочь.

На некоторых ребят проповедь эта произвела сильное впечатление. Во время перемены Христьян Торопыгин высказал робкое предположение, что тигр тот, должно быть, вовсе был не тигр, а архангел Михаил, принявший образ тигра.

Однако Симка Горбушкин усомнился в том, чтобы это был Михаил, потому что у Михаила ухватки вовсе другие: он не зубами, а рубит мечом или колет копьем.

Большинство согласилось с этим, потому что на одной из священных картин, развешанных по стенам класса, была изображена битва ангелов с силами ада. На картине архангел Михаил был с копьем, на котором корчились уже четыре черта, а три других, задрвав хвосты, во весь дух неслись к своим подземным убежищам.

Через два дня мне сообщили, что за самовольный побег из школы учительский совет решил поставить мне тройку за поведение.

Тройка обычно означала, что при первом же замечании ученик исключается из училища.

Через три дня мне вручили повестку, в которой говорилось о том, что моя мать должна немедленно полностью внести за меня плату за первое полугодие, от которой я был раньше освобожден наполовину как сын солдата.

Наступили тяжелые дни. Позорная кличка «дезертиров сын» крепко укрепилась за мной. Многие ученики перестали со мной дружить. Другие хотя и разговаривали и не чуждались, но как-то странно обращались со мной, как будто мне отрезало ногу

или у меня дома покойник. Постепенно я отдалился от всех, перестал ввязываться в игры, участвовать в набегах на соседние классы и бывать в гостях у товарищей.

Длинные осенние вечера я проводил у себя дома или у Тимки Штукина среди его птиц.

Я очень сдружился с Тимкой за это время. Его отец был ласков со мной. Только мне непонятно было, почему он иногда начнет сбоку пристально смотреть на меня, потом подойдет, погладит по голове и уйдет, позвякивая ключами, не сказав ни слова.

Наступило странное и оживленное время. В городе удвоилось население. Очереди у лавок растянулись на кварталы. Повсюду, на каждом углу, собирались кучки. Одна за другой тянулись процессии с чудотворными иконами. Внезапно возникали всевозможные нелепые слухи. То будто бы на озерах вверх по реке Сереже староверы уходят в лес. То будто бы впризу, у бугров, цыгане сбывают фальшивые деньги, и оттого все так дорого, что расплодилось уйма фальшивых денег. А один раз пронеслось тревожное известие, что в ночь с пятницы на субботу будут «бить жидов», потому что война затягивается из-за их шпионажа и измен.

Невесть откуда появилось в городе много бродяг. Только п слышно стало, что там замок сбили, там квартиру очистили. Приехало на постой полсотни казаков. Когда казаки, хмурые, чубастые, с дикой, взвизгивающей и гикающей песней, плотными рядами ехали по улице, мать отшатнулась от окна и сказала:

— Давненько я их... с пятого года уже не видала. Опять орлами сидят, как в те времена.

От отца мы не имели никаких известий. Догадывался я, что он, должно быть, в Сормове, под Нижним Новгородом, но эта догадка была основана у меня только на том, что перед уходом отец долго и подробно расспрашивал у матери о ее брате Николае, работавшем на вагоностроительном заводе.

Однажды, уже зимою, в школе ко мне подошел Тимка Шту-

кин и тихонько поманил меня пальцем. Меня скорее удивила, чем заинтересовала его таинственность, и я равнодушно пошел за ним в угол.

Оглянувшись, Тимка сказал мне шепотом:

— Сегодня под вечер приходи к нам. Мой батька обязательно велел прийти.

— Зачем я ему нужен? Что ты еще выдумал?

— А вот и не выдумал. Приходи обязательно, тогда узнаешь.

Лицо у Тимки при этом было серьезное, казалось даже немного испуганным, и я поверил, что Тимка не шутит.

Вечером я отправился на кладбище. Кружила метель; тусклые фонари, залепленные снегом, почти вовсе не освещали улицы. Для того чтобы попасть к перелеску и на кладбище, надо было перейти небольшое поле. Острые снежинки покалывали лицо. Я глубже засунул голову в воротник и зашагал по замеченной тропке к зеленому огоньку лампадки, зажженной у ворот кладбища. Зацепившись ногой за могильную плиту, я упал и весь вывалился в снег. Дверь сторожки была заперта. Я постучал — открыли не сразу, мне пришлось постучаться вторично. За дверями послышались шаги.

— Кто там? — спросил меня строгий знакомый бас сторожа.

— Откройте, дядя Федор, это я.

— Ты, что ли, Борька?

— Да я же... Открывайте скорей.

Я вошел в тепло натопленную сторожку.

На столе стоял самовар, блюде с медом и лежала коврига хлеба. Тимка как ни в чем не бывало чинил клетку.

— Вьюга? — спросил он, увидев мое красное, мокрое лицо.

— Да еще какая! — ответил я. — Ногу я себе расшиб. Ничего не видно.

Тимка рассмеялся. Мне было непонятно, чему он смеется, и я удивленно посмотрел на него. Тимка рассмеялся еще звонче, и по его взгляду я понял, что он смеется не надо мною, а над чем-то, что находится позади меня.

Обернувшись, я увидел сторожа, дядю Федора, и своего отца.

— Он уже у нас два дня,— сказал Тимка, когда мы сели за чай.

— Два дня... И ты ничего не сказал мне раньше! Какой же ты после этого товарищ, Тимка?

Тимка виновато посмотрел сначала на своего, потом на моего отца, как бы ища у них поддержки.

— Камень,— сказал сторож, тяжелой рукой хлопая сына по плечу.— Ты не смотри, что он такой невидный, на него положиться можно.

Отец был в штатском. Он был весел, оживлен. Расспрашивал меня о моих училищных делах, поминутно смеялся и говорил мне:

— Ничего... ничего... плюнь на все. Время-то, брат, какое подходит, чувствуешь?

Я сказал ему, что чувствую, как при первом же замечании меня вышибут из школы.

— Ну и вышибут,— хладнокровно заявил он,— велика важность! Было бы желание да голова, тогда и без школы дураком не останешься.

— Папа,— спросил я его,— отчего ты такой веселый и гогочешь? Тут про тебя и батюшка проповедь читал, и все-то тебя как за покойника считают, а ты вон какой!

С тех пор как я стал невольным сообщником отца, я и разговаривал с ним по-другому: как со старшим, но равным.

Я видел, что отцу это нравится.

— Оттого веселый, что времена такие веселые подходят. Хватит, поплакали!.. Ну ладно. Кати теперь домой! Скоро опять увидимся.

Было поздно. Я попрощался, надел шинель и выскочил на крыльцо. Не успел еще сторож спуститься и закрыть за мной засов, как я почувствовал, что кто-то отшвырнул меня в сторону с такой силой, что я полетел головой в сугроб. Тотчас же в сених раздался топот, свистки, крики. Я вскочил и увидел перед собой городского Евграфа Тимофеевича, сын которого, Пашка, учился со мной еще в приходском.

— Пстой,— сказал он, узнав меня и удерживая за руку.— Куда ты? Там и без тебя обойдутся. Возьми-ка у меня конец башлыка да оботри лицо. Ты уж, упаси бог, не ушибся ли головой?

— Нет, Евграф Тимофеевич, не ушибся,— прошептал я.— А как же папа?

— Что же папа? Против закона никто не велел ему идти. Разве же против закона можно?

Из сторожки вывели связанного отца и сторожа. Позади них с шинелью, накинутой на плечи, но без шапки, плелся Тимка. Он не плакал, а только как-то странно вздрагивал.

— Тимка,— строго сказал сторож,— переночуешь у крестного, да скажи ему, чтобы он за домом посмотрел, как бы после обыска чего не пропало.

Отец шел молча и низко наклонив голову. Руки его были связаны за спиной. Заметив меня, он выпрямился и крикнул мне подбадривающе:

— Ничего, сына! Прощай пока! Мать поцелуй и Танюшку. Да не горюй очень: время, брат, идет... веселое!

Часть вторая

ВЕСЕЛОЕ ВРЕМЯ

Глава первая

Двадцать второго февраля 1917 года военный суд шестого армейского корпуса приговорил рядового 12-го Сибирского стрелкового полка Алексея Горикова за побег с театра военных действий и за вредную, антиправительственную пропаганду к расстрелу.

Двадцать пятого февраля приговор был приведен в исполнение. А второго марта из Петрограда пришла телеграмма о том, что восставшим народом самодержавие свергнуто.

Первым хорошо видимым заревом разгорающейся революции было для меня зарево от пожара барской усадьбы Полутиных. С чердака дома я до полуночи глядел на огненные языки, дразнившие свежий весенний ветер. Тихонько поглаживая нагретую в кармане рукоятку маузера, самую дорогую память от отца, я улыбался сквозь слезы, еще не высохшие после тяжелой утраты, радуясь, что «веселое время» подходит.

В первые дни Февральской революции школа была похожа на муравьиную кучу, в которую бросили горящую головешку. После молитвы о даровании победы часть ученического хора начала было, как и всегда, гимн «Боже, царя храни», однако другая половина заорала «долой», засвистела, загикала. Поднялся шум, ряды учащихся смешались, кто-то запустил булкой в портрет царицы, а первоклассники, обрадовавшись возможности безнаказанно пошуметь, дико завывали котами и заблеяли козами.

Тщетно пытался растерявшийся инспектор перекричать толпу. Визг и крики не умолкали до тех пор, пока сторож Семен не снял царские портреты. С визгом и топотом разбегались взволнованные ребята по классам. Откуда-то появились красные банты. Старшеклассники демонстративно заправили брюки в сапоги (что раньше не разрешалось) и, собравшись возле уборной, нарочно, на глазах у классных наставников, закуривали. К ним подошел преподаватель гимнастики офицер Балагушин. Его тоже угостили папиросой. Он не отказался. При виде такого, доселе небывалого, объединения начальства с учащимися окружающие закричали «ура».

Однако из всего происходившего поняли сначала только одно: царя свергли и начинается революция. Но почему надо было радоваться революции, что хорошего в том, что свергли царя, перед портретом которого еще только несколько дней тому назад хор с воодушевлением распевал гимны,— этого большинство ребят, а особенно из младших классов, не понимало.

В первые дни уроков почти не было. Старшеклассники записывались в милицию. Им выдавали винтовки, красные повязки, и они гордо расхаживали по улицам, наблюдая за порядком.

Впрочем, порядка никто нарушать и не думал. Колокола тридцати церквей гудели пасхальными перезвонами. Священники в блестящих ризах принимали присягу Временному правительству.

Появились люди в красных рубахах. Сын попа Ионы, семинарист Архангельский, два сельских учителя и еще трое, незнакомых мне, называли себя эсерами. Появились люди и в черных рубахах, в большинстве воспитанники старших классов учительской и духовной семинарии, называвшие себя анархистами.

Большинство в городе сразу примкнуло к эсерам. Немало этому способствовало то, что во время всенародной проповеди после многолетия Временному правительству соборный священник отец Павел объявил, что Иисус Христос тоже был социалистом и революционером. А так как в городе у нас проживали люди благочестивые, преимущественно купцы, ремесленники, монахи и божьи странники, то, услышав такую интересную новость про Иисуса, они сразу же прониклись сочувствием к эсерам, тем более что эсеры насчет религии не особенно распространялись, а говорили больше про свободу и про необходимость с новыми силами продолжать войну. Анархисты хотя на счет войны говорили то же самое, но о боге отзывались плохо. Так, например, семинарист Великанов прямо заявил с трибуны, что бога нет, а если есть бог, то пусть он примет его, Великанова, вызов и покажет свое могущество. При этих словах Великанов задрал голову и плюнул прямо в небо. Толпа ахнула, ожидая, что вот-вот разверзнутся небеса и грянет гром на голову нечестивца. Но так как небеса не разверзлись, то из толпы послышались голоса, что не лучше ли, не дожидаясь небесных кар, своими силами набить морду анархисту. Услышав такие разговоры, Великанов быстро смылся с трибуны и благоразумно скрылся, получив всего только один толчок от богомолки Маремьяны Сергеевны, ехидной старушонки, продававшей целебное масло из лампад иконы Саровской божьей матери и сухарики, которыми пресвятой угодник Серафим Саровский собственноручно кормил диких медведей и волков.

В общем, меня поразило, как удивительно много революционеров оказалось в Арзамасе. Ну положительно все были революционерами. Даже бывший земский начальник Захаров нацепил огромный красный бант, сшитый из шелка. В Петрограде и в Москве хоть бои были, полицейские с крыш стреляли в народ, а у нас полицейские добровольно отдали оружие и, одевшись в штатское, мирно ходили по улицам.

Однажды в толпе на митинге я встретился с Евграфом Тимофеевичем, тем самым городовым, который участвовал в аресте моего отца.

В руках у него была корзина, из которой выглядывала бутылка постного масла и кочан капусты. Он стоял и слушал, о чем говорят социалисты. Заметив меня, приложил руку к козырьку и вежливо поклонился.

— Как живы-здоровы?— спросил он.— Что... тоже послушать пришли? Послушайте, послушайте... Ваше дело еще молодое! Нам, старикам, и то интересно... Вишь ты, как дело обернулось!

Я сказал ему:

— Помните, Евграф Тимофеевич, как вы приходили папу арестовывать? Вы тогда говорили, что закон, что против закона нельзя идти. А теперь где же ваш закон? Нету вашего закона, и всем вам, полицейским, тоже суд будет.

Он добродушно засмеялся, и масло в горлышке бутылки заколыхалось.

— И раньше был закон, теперь тоже будет. А без закона, молодой человек, нельзя. А что судить нас будут, так это — пускай судят. Повесить — не повесят. Начальников наших и то не вешают... Сам государь император и то только под домашним арестом, а уж чего же с нас спрашивать!.. Вон, слышите? Оратор говорит, что не нужно никакой мести, что люди должны быть братьями и теперь, в свободной России, не должно быть ни тюрем, ни казней. Значит, и нам не будет ни тюрем, ни казней.

И ушел вперевалку.

Я посмотрел ему вслед и подумал: «Как же так не нужно?..

Неужели же, если бы отец вырвался из тюрьмы, он позволил бы спокойно расхаживать своему тюремщику и не тронул бы его только потому, что все люди должны быть братьями?»

Я спросил об этом Федьку.

— При чем тут твой отец? — сказал он. — Твой отец был дезертиром, и на нем все равно осталось пятно. Дезертиров и сейчас ловят. Дезертир — не революционер, а просто беглец, который не хочет защищать родину.

— Мой отец не был трусом, — ответил я бледнея. — Ты врешь, Федька! Моего отца расстреляли и за побег и за пропаганду. У нас дома есть приговор.

Федька смутился и ответил примирительно:

— Так что же, я сам выдумал? Об этом во всех газетах пишут. Прочитай в «Русском слове» речь Керенского. Хорошая речь... Еще когда на общем собрании в женской гимназии читали, так ползала плакала. Там про войну говорится, что надо напрягать все силы, что дезертиры — позор армии и что «над могилами павших в борьбе с немцами свободная Россия воздвигнет памятник неугасаемой славы». Так прямо сказано — «неугасаемой»! А ты еще споришь!

На трибуну один за другим выходили ораторы. Охрипшими голосами они рассказывали о социализме. Тут же записывали желающих в партию и добровольцев на фронт.

Были такие ораторы, которые, взобравшись на трибуну, говорили до тех пор, пока их не стаскивали. На их место выталкивали новых ораторов.

Я все слушал, слушал, и казалось мне, что от всего услышанного голова раздувается, как пустой бычий пузырь. Перепутывались речи отдельных ораторов. И никак я не мог понять, чем отличить эсера от кадета, кадета от народного социалиста, трудовика от анархиста, и из всех речей оставалось в памяти только одно слово:

— Свобода... свобода... свобода...

— Гориков, — услышал я позади себя и почувствовал, как кто-то положил мне руку на плечо.

Около меня стоял неизвестно откуда появившийся ремесленный учитель Галка.

— Откуда вы?— спросил я, искренне обрадовавшись.

— Из Нижнего, из тюрьмы. Идем, милый, ко мне. Я здесь неподалеку комнату снял. Будем чай пить, у меня есть булка и мед. Я так рад, что тебя увидел! Я только вчера приехал и сегодня хотел нарочно к вам зайти.

Он взял меня за руку, и мы стали проталкиваться через гомонливую толпу.

На соседней площади мы наткнулись на новую толчею. Здесь горели костры, и вокруг них толпились любопытные.

— Что это такое?

— А, пустое,— ответил, улыбнувшись, Галка.— Анархисты царские флаги жгут. Лучше бы разодрали ситец да роздали, а то мужики ругаются. Сам знаешь, каждая тряпка теперь дорога.

Руки у Галки были худые и длинные. Заваривая чай, он говорил быстро, то и дело улыбаясь:

— Отец твой погиб рано. Мы с ним вместе сидели, пока его не отправили в корпусной суд.

— Семен Иванович,— спросил я за чаем,— вот вы говорите, что с отцом товарищами по партии были. Разве же он был в партии? Он мне про это никогда не говорил.

— Нельзя было говорить, вот и не говорил.

— И вы тоже не говорили. Когда вас арестовали, то про вас Петька Золотухин рассказывал, что вы шпион.

Галка засмеялся:

— Шпион! Ха-ха-ха! Петька Золотухин? Ха-ха! Золотухину простительно, он глупый мальчишка, а вот когда теперь про нас большие дураки распускают слухи, что мы шпионы, это, брат, еще смешнее.

— Про кого это про вас, Семен Иванович?

— А про нас, про большевиков.

Я покосился на него:

— Так вы разве большевики, то есть, я хочу сказать, значит, и отец тоже был большевиком?

— Тоже.

— И что это с отцом все не по-людски выходит? — огорченно спросил я, немного подумав.

— Как не по-людски?

— А так. Другие солдаты как солдаты, революционеры так уж революционеры, никто про них ничего плохого не говорит, все их уважают. А отец — то дезертиром был, то вдруг оказывается большевиком. Почему большевиком, а не настоящим революционером, ну, хотя бы эсером или анархистом? А вот, как назло, большевиком. То хоть бы я мог сказать в ответ всем, что моего отца расстреляли за то, что он был революционером, и все бы заткнули рты и никто бы не тыкал в меня пальцем, а то, если я скажу, что расстреляли отца как большевика, так каждый скажет — туда ему и дорога, потому что во всех газетах напечатано, что большевики — немецкие наемники и ихний Ленин у Вильгельма на службе.

— Да кто «каждый»-то скажет? — спросил Галка, во время моей горячей речи смотревший на меня смеющимися глазами.

— Да каждый. Кто ни попадетсЯ. Все соседи и батюшка на проповеди, вот и ораторы...

— Соседи!.. Ораторы!.. — перебил меня Галка. — Глупый! Да отец твой был в десять раз более настоящим революционером, чем все эти ораторы и соседи. Какие у тебя соседи? Монахи, выездновские лабазники, купцы, божьи странники, базарные мясники да мелкие обыватели. Ведь в том-то и беда, что среди соседей твоих редко-редко стоящего человека найдешь. Мы всю эту ораву и не агитируем даже. Пусть перед ними эти краснорубашие пустозвонны рассыпаются. Нам здесь времени тратить нечего, потому что монахи да лабазники все равно нашими помощниками не будут! Ты погоди, вот я тебя сведу, куда мы на митинги ходим. В бараки к раненым, в казармы к солдатам, на вокзал, в деревни. Ты вот там послушай! А тут — нашел судей!.. Соседи!

Галка рассмеялся.

...Отца Тимки Штукина освободили еще в начале революции, но прежнего места ему не возвратили, и церковный староста Синюгин приказал ему немедленно освободить сторожку для вновь нанятого человека.

Никто из купцов не хотел принимать сторожа на работу. Ткнулся он к одному, к другому — нет ли места истопника или дворника, — ничего не вышло.

Синюгин так вот прямо заявил:

— Я русской армии помогаю. Тысячу рублей на Красный Крест пожертвовал да одних подарков, флажков и портретов Александра Федоровича Керенского больше чем на две сотни в лазареты роздал, а ты дезертиров разводишь. Нет у меня для тебя места.

Не стерпел сторож и ответил:

— Покорно вас благодарю за такие слова. А только дозвольте вам заметить, что ни флажками, ни портретами вы не откупитесь, придет и на вас управа. И ты на меня не гикай! — рассердился внезапно дядя Федор. — Ты думаешь, пузо нарастил, телескоп завел, крокодила говядиной кормишь — так царь и бог? погоди, послушай-ка лучше, что на твоих фабриках народ поговаривает. Ударили, мол, да мало, не дать ли подбавки?

— Я тебя... я тебя упеку! — забормотал ошеломленный Синюгин. — Вон оно что!.. Я на тебя жалобу... У меня завод на армию работает. Меня и теперешнее начальство ценит, а ты... Пошел вон отсюда!

Сторож надел шапку и вышел.

— Революцию устроили... Вся сволочь на прежнем месте. И упечет еще, когда он и с воинским начальником и в городской думе. На них с гвоздями надо, чтобы продрало. Патриот... — бурчал он, шагая по улицам. — На гнилых сапогах тысячи нажил. Сына-то своего откупил от службы. Воинскому триста сунул да госпитальному доктору пятьсот — сам, пьяный, хвастался. Все вы хороши чужими руками воевать. Портреты Александра Федоровича купил. Взять бы вас с вашим Александром Федорови-

чем — на одну осину! Дождались свободы... С праздничком вас Христовым!

Все точно перебесились. Только и было слышно: «Керенский, Керенский...»

В каждом номере газеты помещались его портреты: «Керенский говорит речь», «Население устилает путь Керенского цветами», «Восторженная толпа женщин несет Керенского на руках». Член арзамасской городской думы Феофанов ездил по делам в Москву и за руку поздоровался с Керенским. За Феофановым табунами бегали.

— Да неужели же так и поздоровался?

— Так и поздоровался,— гордо отвечал Феофанов.

— Прямо за руку?

— Прямо за правую руку, да потряс еще.

— Вот! — раздавался кругом взволнованный шепот.— Царь бы ни за что не поздоровался, а Керенский поздоровался. К нему тысячи людей за день приходят, и со всеми он за руку, а раньше бы...

— Раньше был царизм.

— Ясно... А теперь свобода.

— Ура! Ура! Да здравствует свобода!.. Да здравствует Керенский!.. Послать ему приветственную телеграмму!

Надо сказать, что к этому времени каждая десятая телеграмма, проходившая через почтовую контору, была приветственной и адресованной Керенскому. Посылали с митингов, с училищных собраний, с заседаний церковного совета, от думы, от общества хоругвеносцев — ну, положительно отовсюду, где собиралось несколько человек, посылалась приветственная телеграмма.

Однажды пошли слухи о том, что от арзамасского общества любителей куроводства «дорогому вождю» не было послано ни одной телеграммы. В местной еженедельной газете появилось негодующее опровержение председателя общества Офендулина. Офендулин прямо утверждал, что слухи эти — злостная клевета. Было послано целых две телеграммы, причем в особой сно-

ске редакция удостоверяла, что в подтверждение своего опровержения уважаемый М. Я. Офендулин представил «оказавшиеся в надлежащем порядке квитанции почтово-телеграфной конторы».

Глава вторая

Прошло несколько месяцев с тех пор, как я встретился с Галкой.

На Сальниковой улице, рядом с огромным зданием духовного училища, стоял маленький, окруженный садиком домик. Обыватели, проходя мимо его распахнутых окон, через которые виднелись окутанные махорочным дымом лица, прибавляли шагу и, удалившись на квартал, злобно сплевывали:

— Здесь заседают провокаторы!

Здесь находился клуб большевиков. Большевиков в городе было всего человек двадцать, но домик всегда был набит до отказа. Вход в него был открыт для всех, но главными завсегдатями здесь были солдаты из госпиталя, пленные австрийцы и рабочие кожевенной и кошмопальной фабрик.

Почти все свободное время проводил там и я. Сначала я ходил туда с Галкой из любопытства, потом по привычке, потом втянуло, завертело и ошарашило. Точно очистки картофеля под острым ножом, вылетала вся шелуха, которой до сих пор была забита моя голова.

Наши большевики не выступали на церковных диспутах и на митингах среди краснорядцев — они собирали толпы у барачников, за городом и в измученных войной деревнях.

Помню, однажды в Каменке был митинг.

— Пойдем обязательно! Схватка будет. От эсеров сам Кругликов выступает. А знаешь, как он поет, — заслушаешься! — сказал мне Галка. — В Ивановском после его речи нам, не разобравшись, сначала чуть было по шее мужики не наклали.

— Пойдемте,— обрадовался я.— Вы чего, Семен Иванович, никогда с собой свой револьвер не берете? Всегда он у вас где попало: то в табак засунете, а вчера я его у вас в хлебнице видел. У меня мой так всегда со мной. Я даже, когда спать ложусь, под подушку его кладу.

Галка засмеялся, и борода его, засыпанная махоркой, заколыхалась.

— Мальчуган! — сказал он.— Ежели теперь в случае неудачи мне просто шею набьют, то попробуй вынуть револьвер, тогда, пожалуй, и костей не соберешь. Придет время, и мы возьмемся за револьверы, а пока наше лучшее оружие — слово. Баскаков сегодня от наших выступать будет.

— Что вы! — удивился я.— Баскаков вовсе плохо говорит. Он и фразы-то с трудом подбирает. У него от слова до слова пообедать можно.

— Это он здесь, а ты послушай, как он на митингах разговаривает.

Дорога в Каменку пролежала через старый, подгнивший мост, мимо покрытых еще не скошенной травой заливных лугов и мимо мелких протоков, заросших высоким густым камышом. Тянулись из города крестьянские подводы. Шли с базара босоногие бабы с пустыми кринками из-под молока. Мы не торопились, но, когда нас обогнала пролетка, до отказа набитая эсерами, мы прибавили шаг.

По широким улицам со всех концов двигались к площади кучки мужиков из соседних селений. Митинг еще не начинался, но гомон и шум слышны были издалека.

В толпе я увидел Федьку. Он шнырял взад-вперед и совал проходившим какие-то листовки. Заметив меня, он подбежал:

— Эгей! И ты пришел... Ух, сегодня и весело будет! На вот, возьми пачку и помогай раздавать.

Он сунул мне десяток листовок. Я развернул одну — листовки были эсеровские, за войну до победы и против дезертирства. Я протянул пачку обратно:

— Нет, Федька, я не буду раздавать такие листовки. Раздавай сам, когда хочешь.

Федька плюнул:

— Дурак ты... Ты что, тоже с ними? — И он мотнул головой в сторону проходивших Галки и Баскакова. — Тоже хорош... Нечего сказать! А я-то еще на тебя надеялся!

И, презрительно пожав плечами, Федька исчез в толпе.

«Он на меня надеялся,— усмехнулся я.— Что, у меня своей головы, что ли, нет?»

— До победы...— услышал я рядом с собой негромкий голос.

Обернувшись, я увидел рябого мужика без шапки. Он был босиком, в одной руке держал листовку, в другой — разорванную уздечку. Должно быть, он был занят починкой и вышел из избы послушать, о чем будет говорить народ.

— До победы... ишь ты! — как бы с удивлением повторил он и обвел толпу недоумевающим взглядом. Покачал головой, сел на завалинку и, тыкая пальцем в листовку, прокричал на

ухо сидевшему рядом глухому старику: — Опять до победы... С четырнадцатого года — и всё до победы. Как это выходит, де-душка Прохор?

Выкатили на середину площади телегу. Влез неизвестно кем выбранный председатель — маленький вертлявый человечек — и прокричал:

— Граждане! Объявляю митинг открытым. Слово для доклада о Временном правительстве, о войне и текущем моменте предоставляется социалисту-революционеру товарищу Кругликову...

Председатель соскочил с телеги. С минуту на «трибуне» никого не было. Вдруг разом вскочил, стал во весь рост и поднял руку Кругликов. Гул умолк.

— Граждане великой свободной России! От имени партии социалистов-революционеров передаю вам пламенный привет.

Кругликов заговорил. Я слушал его, стараясь не проронить ни слова. Он говорил о тех тяжелых условиях, в которых приходится работать Временному правительству. Германцы напирают, фронт, темные силы — немецкие шпионы и большевики — ведут агитацию в пользу Вильгельма.

— Был царь Николай, будет Вильгельм. Хотите ли вы опять царя? — спрашивал он.

— Нет, хватит! — сотнями голосов откликнулась толпа.

— Мы устали от войны,— продолжал Кругликов.— Разве нам не падоела война? Разве же не пора ее окончить?

— Пора! — еще единодушной отозвалась толпа.

— Что он говорит по чужой программе? — возмущенно зашептал я Галке.— Разве они тоже за конец войны?

Галка ткнул меня легонько в бок: «Помалкивай и слушай».

— Пора! Ну, так вот видите,— продолжал эсер,— вы все, как один, говорите это. А большевики не позволяют измученной стране скорее, с победой, окончить войну. Они разлагают армию, и армия становится небоеспособной. Если бы у нас была бое-способная армия, мы бы одним решительным ударом победили

врага и заключили мир. А теперь мы не можем заключить мир. Кто виноват в этом? Кто виноват в том, что ваши сыновья, братья, мужья и отцы гниют в окопах, вместо того чтобы вернуться к мирному труду? Кто отдаляет победу и удлиняет войну? Мы, социалисты-революционеры, во всеуслышание заявляем: да здравствует последний, решительный удар по врагу, да здравствует победа революционной армии над полчищами немца, и после этого — долой войну и да здравствует мир!

Толпа тяжело дышала клубами махорки; слышались отдельные одобрителыные возгласы.

Кругликов заговорил об Учредительном собрании, которое должно быть хозяином земли, о вреде самочинных захватов помещичьих земель, о необходимости соблюдать порядок и исполнять приказы Временного правительства. Тонкой, искусной паутиной он оплетал головы слушателей. Сначала он брал сторону крестьянства, напоминал ему о его нуждах. Когда толпа начинала сочувственно выкрикивать: «Правильно!», «Верно говоришь!», «Хуже уж некуда!» — Кругликов начинал незаметно поворачивать. Внезапно оказывалось, что толпа, которая только что соглашалась с ним в том, что без земли крестьянину нет никакой свободы, приходила к выводу, что в свободной стране нельзя захватом отбирать у помещиков землю.

Свою полуторачасовую речь он кончил под громкий гул аплодисментов и ругательств по адресу шпионов и большевиков.

«Ну,— подумал я,— куда Баскакову с Кругликовым тягаться! Вон как все расходились».

К моему удивлению, Баскаков стоял рядом, пыхтел трубкой и не обнаруживал ни малейшего намерения влезать на трибуну.

Столпившиеся возле телеги эсеры тоже были несколько озадачены поведением большевиков. Посовещавшись, они решили, что большевики поджидают еще кого-то, и потому выпустили нового оратора. Оратор этот был намного слабее Кругликова. Говорил он запинаясь, тихо и, главное, повторял уже сказанное. Когда он слез, хлопков ему было меньше.

Баскаков все стоял и продолжал курить. Его узкие, продолговатые глаза были прищурены, а лицо имело добродушно-простоватый вид и как бы говорило: «Пусть их там болтают. Мне-то какое до этого дело! Я себе покуриваю и никому не мешаю».

Третий оратор был не сильнее второго, и, когда он сходил, большинство слушателей засвистело, заглохло и заорало:

— Эй, там... председатель!

— Ты, чертова башка! Давай других ораторов!

— Подавай сюда этих, большевиков! Что ты им слова не даешь?

В ответ на такое обвинение председатель возмущенно заявил, что слово он дает всем желающим, а большевики сами не просят слова, потому что боятся, должно быть, и он не может их заставить силой говорить.

— Ты не можешь, так мы сможем!

— Наблудили — и хоронятся!

— Тащи их за ворот на телегу! Пусть при народе выкладывают всё начистоту...

Рев толпы испугал меня.

Я взглянул на Галку. Он улыбался, но был бледен.

— Баскаков,— проговорил он,— хватит. А то плохо кончиться может.

Баскаков кашлянул, как будто у него в горле разорвалось что-то, сунул трубку в карман и вперевадку мимо расступающейся озлобленной толпы пошел к телеге.

Говорить он начал не сразу. Равнодушно посмотрев на толпившихся возле телеги эсеров, он вытер ладонью лоб, потом обвел глазами толпу, сложил огромный кулак дулею, выставил его так, чтобы всем он был виден, и спросил спокойно, громко и с издевкою:

— А этого вы не видали?

Такое необычайное начало речи смутило меня. Удивило оно сразу и мужиков. Почти тотчас же раздались негодующие выкрики:

— Это штой-то?

— Ты што людям кукиш выставил?

— Ты, пес тебя возьми, словами отвечай, а не фfigой, а то по шее получишь!

— Этого не видали? — начал опять Баскаков. — Ну, так не горюйте. Они... — тут Баскаков мотнул головой на эсеров, — они вам почище покажут. Па-адумаешь! — протянул Баскаков, сощуривая глаза и качая головой. — Па-адумаешь!.. Развесили уши граждане свободной России. А скажите мне, граждане, какая вам есть польза от этой революции? Война была — война есть. Земли не было — земли нет. Помещик жил рядом — жил. А сейчас живет? Живет, живет. Что ему сделается? Вы не гикайте, не храбритесь. Помещика и это правительство в обиду не даст. Вон спросите-ка у водоватовских: пробовали было они до барской земли сунуться, а там отряд. Покрутились, покрутились около — хоть и хороша земля, да не укусишь. Триста лет, говорите, терпели, так еще мало, еще терпеть захотели? Что ж, терпите. Господь терпеливых любит. Дождитесь, пока помещик сам к вам придет и поклонится: «А не надо ли вам землицы? Возьмите Христа ради». Ой, дождетесь ли только? А слышали ли вы, что в Учредительном собрании, когда оно соберется, обсуждать вопрос будут: «Как отдать землю крестьянину — без выкупа либо с выкупом?» А ну-ка, придете домой, посчитайте у себя деньжата, хватит ли выкупить? На то, по-вашему, революция произошла, чтобы свою землю у помещиков выкупать? Да на кой пес, я вас спрашиваю, такая революция нужна была? Разве же без нее нельзя было за свои деньги земли купить?

— Какой еще выкуп! — слышались из толпы рассерженные и встревоженные голоса.

— А вот такой... — Тут Баскаков вынул из кармана смятую листовку и прочел: — «Справедливость требует, чтобы за земли, переходящие от помещиков к крестьянам, землевладельцы получили вознаграждение». Вот какой выкуп. Пишут это от партии кадетов, а она тоже будет заседать в Учредительном. Она тоже своего добиваться будет. А вот как мы, большевики,

*...Ну, скажи мне на милость, дорогой человек, какие
у тебя дела могут быть в Константинополе?*

попростому говорим: неча нам ждать Учредительного, а давай землю сейчас, чтобы никакого обсуждения не было, никакой оттяжки и никакого выкупа! Хватит, выкупили.

— Вы-выкупили!.. — сотнями голосов ахнула толпа.

— Какие еще могут быть обсуждения? Этак, может, и опять ничего не достанется.

— Да замолчите вы, окаянные!.. Хай большевик говорит! Может, он еще что-нибудь этакое скажет.

Раскрыв рот, я стоял возле Галки. Внезапный прилив радости и гордости за Баскакова нахлынул на меня.

— Семен Иванович! — крикнул я, дергая Галку за рукав. — А я-то думал... Как он с ними... Он даже не речь держит, а просто разговаривает.

«Ой, какой хороший и какой умный Баскаков!» — думал я, слушая, как падают его спокойные, тяжелые слова в гущу взволнованной толпы.

— Мир после победы? — говорил Баскаков. — Что ж, дело хорошее. Завоюем Константинополь. Ну, прямо как до зарезу нужен нам этот Константинополь! А то еще и Берлин завоюем. Я тебя спрашиваю, — тут Баскаков ткнул пальцем в рябого мужичка с уздечкой, пробравшегося к трибуне, — я спрашиваю: что у тебя немец либо турок взаймы, что ли, взяли и не отдают? Ну, скажи мне на милость, дорогой человек, какие у тебя дела могут быть в Константинополе? Что ты, картошку туда на базар продавать повезешь? Чего же молчишь?

Рябой мужичок покраснел, заморгал и, разводя руками, ответил негодующим голосом:

— Да мне же вовсе и не нужен... Да зачем же он мне сдался?

— Тебе не нужен, ну и мне не нужен и им никому не нужен! А нужен он купцам, чтобы торговать им, видишь, прибыльней было. Так им нужен, пускай они и завоёвывают. А мужик тут при чем? Зачем у вас полдеревни на фронт угнали? Затем, чтобы купцы прибыль огребали! Дурни вы, дурни! Большие, бородатые, а всякий вас вокруг пальца окрутить может.

— А ей-богу же, может! — хлопая себя руками, прошептал рябой мужик. — Ей-богу, может. — И, вздохнув глубоко, он понуро опустил голову.

— Так вот мы и говорим вам, — заканчивал Баскаков, — что-бы мир не после победы, не после дождичка в четверг, не после того, когда будут изувечены еще тысячи рабочих и мужиков, а давайте нам мир сейчас, без всяких побед. Мы еще и на своей земле помещика не победили. Так я говорю, братцы, или нет? Ну, а теперь пусть, кто не согласен, выйдет на это место и скажет, что я соврал, что я неправду сказал, а мне вам говорить больше нечего!

Помню: заревело, застонало. Выскочил побледневший эсер Кругликов, замахал руками, пытаясь что-то сказать. Спихнули его с телеги. Баскаков стоял рядом и закуривал трубку, а рябой мужик, тот, у которого Баскаков спрашивал, зачем ему нужен Константинополь, тянул его за рукав, зазывая в избу чай пить.

— С медом! — каким-то почти умоляющим голосом говорил он. — Осталось маненько. Не обидь же, товарищ! И они, ваши, поускай тоже идут.

Пили кипяток, заваренный сушеной малиной. В избе вкусно пахло сотами.

Мимо окон по пыльной дороге прокатила обратно бричка, набитая эсерами. Наступал сухой, душный вечер. Далеко в городе гудели колокола. Черные монахи тридцати церквей возносили молитвы об успокоении бунтующейся земли.

Глава третья

Я пошел на кладбище проститься с Тимкой Штукиным. Вместе с отцом он уезжал на Украину к своему дяде, у которого был где-то возле Житомира небольшой хутор.

Вещи были сложены. Отец ушел за подводой. Тимка казался веселым. Он не мог стоять на месте, поминутно бросался то в

один, то в другой угол, точно хотел напоследок еще раз осмотреть стены сторожки, в которой он вырос. Но мне казалось, что Тимка не по-настоящему веселый и с трудом удерживается, чтобы не расплакаться. Птиц своих он распустил.

— Всех... Все разлетелись,— говорил Тимка.— И малиновка, и синицы, и щеглы, и чиж. Я, Борька, знаешь, больше всего чижа любил. Он у меня совсем ручной был. Я открыл дверку клетки, а он не вылетает. Я шугнул его палочкой... Взметнулся он на ветку тополя да как запоет, как запоет!.. Я сел под дерево, клетку на сучок повесил. Сажу, а сам про все думаю: и как мы жили, и про птиц, и про кладбище, и про школу, как все кончилось и уезжать приходится. Долго сидел думал, потом встаю, хочу взять клетку. Гляжу, а на ней мой чижики сидит. Спустился, значит, сел и не хочет улетать. И мне вдруг так жалко всего стало, что я... я чуть не заплакал, Борька.

— Ты врешь, Тимка,— взволнованно сказал я.— Ты, наверное, и на самом деле заплакал.

— И на самом деле,— дрогнувшим голосом сознался Тимка.— Я, знаешь, Борька, привык. Мне так жаль, что нас отсюда выгнали. Знаешь, я даже тайком от отца к старосте Синюгину ходил проситься, чтобы оставили. Так нет,— Тимка вздохнул и отвернулся,— не вышло. Ему что?.. У него вон какой свой дом...

Последние слова Тимка договорил почти шепотом и быстро вышел в соседнюю комнату. Когда через минуту я зашел к нему, то увидел, что Тимка, крепко уткнувшись лицом в большой узел с подушками, плачет.

На вокзале, подхваченные людской массой, ринувшейся к вагонам подошедшего поезда, Тимка с отцом исчезли.

«Раздавят еще Тимку,— забеспокоился я.— И куда это такая прорва народу едет?»

Перрон был набит до отказа. Солдаты, офицеры, матросы. «Ну, эти-то хоть привыкли и у них служба, а вот те куда едут?» — подумал я, оглядывая кучки расположившихся среди вороха коробок, корзин и чемоданов. Штатские ехали целыми

семьями. Бритые озлобленные мужчины с потными от беготни и волнения лбами. Женщины с тонкими чертами лица и растерянно-усталым блеском глаз. Какие-то старинные мамыши в замысловатых шляпках, ошарашенные сутолокой, упрямые и раздраженные.

Слева от меня на огромном чемодане сидела, придерживая одной рукой перетянутую ремнями постель, другой — клетку с попугаем, какая-то старуха, похожая на одну из тех старых благородных графинь, которых показывают в кино.

Она кричала что-то молодому морскому офицеру, пытавшемуся сдвинуть с перрона тяжелый кованый сундук.

— Оставьте, — отвечал он, — какой тут еще вам носильщик! О, черт!.. Слушай! — крикнул он, бросая сундук и поворачиваясь к проходившему мимо солдату. — Эй, ты!.. Ну-ка, помоги втащить вещи в вагон.

Врасплох захваченный солдат, подчиняясь начальственному тону, быстро остановился, опустив руки по швам, но почти тотчас же, как будто устыдившись своей поспешности, под насмешливыми взглядами товарищей ослабил вытяжку, неторопливо заложил руку за ремень и, чуть прищурив глаз, хитро посмотрел на офицера.

— Тебе говорят, — повторил офицер. — Ты оглох, что ли?

— Никак нет, не оглох, господин лейтенант, а не мое это дело — ваши гардеробы перетаскивать.

Солдат повернулся и неторопливо, вразвалку пошел вдоль поезда.

— Грегуар!.. — выкатив выцветшие глаза, крикнула старуха. — Грегуар, найди жандарма, пусть он арестует, пусть отдаст под суд грубияна!

Но офицер безнадежно махнул рукой и, обозлившись, внезапно ответил ей резко:

— Вы-то еще чего лезете? Что вы понимаете? Какого вам жандарма — с того света, что ли? Сидите да помалкивайте.

Тимка неожиданно высунулся из окошка:

— Эгей! Борька, мы здесь!

— Ну, как вы там?

— Ничего... Мы хорошо устроились. Отец на вещах сидит, а меня матрос к себе на верхнюю полку в ноги пустил. «Только, — говорит, — не дрыгайся, а то сгоню».

Вспугнутая вторым звонком, толпа загомонила еще громче.

Отборная ругань смешивалась с французской речью, запах духов с запахом пота, переливы гармоник с чьим-то плачем — и все это разом покрыл гудок паровоза.

— Прощай, Тим-ка!

— Прощай, Борь-ка! — ответил он, высовывая вихор и махая мне рукой.

Поезд скрылся, увозя с собой сотни разношерстного, разноязычного народа, но казалось, что вокзал не освободился ни сколько.

— Ух, и прет же! — услышал я рядом с собой голос. — И все на юг, все на юг. На Ростов, на Дон. Как на север поезд, то одни солдаты да служивый народ, а как на юг, то господа так и прут.

— На курорт едут, что ли?

— На курорт... — послышалось насмешливое. — Полечиться от страха, нынче страхом господа больны.

Мимо ящиков, сундуков, мешков, мимо людей, пивших чай, щелкавших семечки, спавших, смеявшихся и переругивавшихся, я пошел к выходу.

Хромой газетчик Семен Яковлевич выскочил откуда-то и, пробегая с необычной для его деревянной ноги прытью, заорал тонким, скрипучим голосом:

— Свежие газеты!.. «Русское слово»!.. Потрясающие подробности о выступлении большевиков! Правительство разогнало большевистскую демонстрацию! Есть убитые и раненые. Безуспешные поиски главного большевика Ленина!..

Газету рвали из рук — сдачу не спрашивали.

Возвращаясь, я взял чуть правее шоссе и направился по узкой тропке, пролежавшей меж колосьев спелой ржи. Спускаясь

в овраг, я заметил на противоположном склоне шагавшего навстречу человека, согнувшегося под тяжестью ноши. Без труда я узнал Галку.

— Борис,— крикнул он мне,— ты что здесь делаешь? Ты с вокзала?

— С вокзала. А вы-то куда? Уж не на поезд ли? Тогда фьють... опоздали, Семен Иванович, поезд только что ушел.

Ремесленный учитель Галка остановился, бухнул тяжелую ношу на траву и, опускаясь на землю, проговорил огорченно:

— Ну и ну! Что же теперь делать мне с этим? — И он ткнул ногой в завязанный узел.

— А тут что такое? — полюбопытствовал я.

— Разное... литература. Да и так еще кой-что.

— Тогда давайте. Я вам обратно помогу донести. Вы в клуб оставите, а завтра поедете.

Галка затряс своей черной и, как всегда, обсыпанной махоркой бородой.

— В том-то, брат, и дело, что в клуб нельзя. Клуб-то, брат, у нас тю-тю. Нету больше клуба.

— Как нету? — чуть не подпрыгнул я.— Сгорел, что ли? Да я же только утром, как сюда идти, проходил мимо...

— Не сгорел, брат, а закрыли его. Хорошо, что нас свои люди успели предупредить. Там сейчас обыск идет.

— Семен Иванович,— спросил я, недоумевая,— да как же это? Кто же это может закрыть клуб? Разве теперь старый режим?.. Теперь свобода. Ведь у эсеров есть клуб, и у меньшевиков, и у кадетов, а анархисты всегда пьяные и вдобавок еще окна у себя снаружи досками заколотили, и то им ничего. А у нас все спокойно, и вдруг закрыли.

— Свобода! — улыбнулся Галка.— Кому, брат, свобода, а кому и нет. Вот что мне с узлом-то делать? Спрятать бы пока до завтра надо, а то назад в город тащить неудобно, отберут еще, пожалуй.

— А давайте спрячем, Семен Иванович! Я место тут непо-

далеку знаю. Тут, если оврагом немного пройти, пруд будет, а еще сбоку — такая выемка, там раньше глину для кирпичей рыли, и в стенках ям много. Туда не только что узел, а телегу с конем спрятать можно. Только говорят, что змеюки там попадаются, а я босиком. Ну, вам-то в ботинках можно. Да они если и укусят, то ничего — не помрешь, а только как бы обалдеешь...

Последнее добавление не понравилось Галке, и он спросил, нет ли где поблизости другого укромного местечка, но чтобы без змеюк.

Я ответил, что другого такого места поблизости нету и кругом народ бывает: либо стадо пасется, либо картошку перепалывают, либо мальчишки возле чужих огородов околачиваются.

Тогда Галка взвалил узел на плечо, и мы пошли по берегу ручья.

Узел спрятали надежно.

— Беги теперь в город, — сказал Галка. — Я завтра сам заберу его отсюда. Если увидишь кого из комитетчиков, то передай, что я еще не уехал. Постой... — остановил он меня, заглядывая мне в лицо. — Постой! А ты, брат, не того... — тут он покрутил пальцем перед моим лицом, — не сболтнешь?

— Что вы, Семен Иванович! — забормотал я, съежившись от обидного подозрения. — Что вы! Разве я о ком-нибудь хоть что... когда-нибудь? Да я в школе ни о ком ничего никогда, когда даже в игре, а ведь это же всерьез, а вы еще...

Не дав договорить, Галка потрепал меня по плечу худой цепкой пятерней и сказал, улыбаясь:

— Ну, ладно, ладно... кати... Эх ты, заговорщик!

За лето Федька вырос и возмужал. Он отпустил длинные волосы, завел черную рубаху-косоворотку и папку. С этой папкой, набитой газетами, он носился по училищным митингам и собраниям. Федька — председатель классного комитета. Федька — делегат от реального в женскую гимназию. Федька — выбранный на родительские заседания. Навострился он такие речи заворачивать — прямо второй Кругликов. Влезет на парту на диспутах: «Должны ли учащиеся отвечать учителям сидя или обязаны стоять?», «Допустима ли в свободной стране игра в карты во время уроков закона божьего?» Выставит ногу вперед, руку за пояс и начнет: «Граждане, мы призываем... обстановка обязывает... мы несем ответственность за судьбу революции...» И пошел, и пошел...

С Федькой у нас что-то не ладилось. До открытой ссоры дело еще не доходило, но отношения портились с каждым днем.

Я опять стал на отшибе.

Только что начала забываться история с моим отцом, только что начал таять холодок между мной и некоторыми из прежних товарищей, как подул новый ветер из столицы; обозлились обитатели города на большевиков и закрыли клуб. Арестовала думская милиция Баскакова, и тут опять я очутился виноватым: зачем с большевиками околачивался, зачем к 1 Мая над ихним клубом на крыше флаг вывешивал, почему на митинге отказался помогать Федьке раздавать листовки за войну до победы?

Листовки у нас все раздавали. Иной нахватает и кадетских, и анархистских, и христианских социалистов, и большевистских — бежит и, какая попала под руку, ту и сует прохожему. И этаким все ничего, как будто так и надо!

Как же мог я взять у Федьки эсеровские листовки, когда мне Баскаков только что полную грудку своих прокламаций дал? Как же можно раздавать и те и другие? Ну, хоть бы сходные листовки были, а то в одной — «Да здравствует победа над немцами»,

в другой — «Долой грабительскую войну». В одной — «Поддерживайте Временное правительство», в другой — «Долой десять министров-капиталистов». Как же можно сваливать их в одну кучу, когда одна листовка другую сожрать готова?

Учеба в это время была плохая. Преподаватели заседали по клубам, явные монархисты подали в отставку. Половину школы заняли под Красный Крест.

— Я, мать, уйду из школы, — говаривал я иногда. — Учебы все равно никакой, со всеми я на ножах. Вчера, например, Коренев собирал с кружкой в пользу раненых; было у меня двадцать копеек, опустил и я, а он перекопился и говорит: «Родина в подачках авантюристов не нуждается». Я аж губы закусил. Это при всех-то! Говорю ему: «Если я сын дезертира, то ты сын вора. Отец твой подрядчик, на поставках армию грабил, и ты, вероятно, на сборах раненым подзаработать не прочь». Чуть дело до драки не дошло. На днях товарищеский суд будет. Плевал я только на суд. Тоже... судьи какие нашлись!

С маузером, который подарил мне отец, я не расставался никогда. Маузер был небольшой, удобный, в мягкой замшевой кобуре. Я носил его не для самозащиты. На меня никто еще не собирався нападать, но он дорог мне был как память об отце, его подарок — единственная ценная вещь, имевшаяся у меня. И еще потому любил я маузер, что всегда испытывал какое-то приятное волнение и гордость, когда чувствовал его с собой. Кроме того, мне было тогда пятнадцать лет, и я не знал, да и до сих пор не знаю ни одного мальчугана этого возраста, который отказался бы иметь настоящий револьвер. Об этом маузере знал только Федька. Еще в дни дружбы я показал ему его. Я видел, с какой завистью осторожно рассматривал он тогда отцовский подарок.

На другой день после истории с Кореневым я вошел в класс, как и всегда в последнее время, ни с кем не здороваясь, ни на кого не обращая внимания.

Первым уроком была география. Рассказав немного о Западном Китае, учитель остановился и начал делиться последними

газетными новостями. Пока споры да разговоры, я заметил, что Федька пишет какие-то записки и рассылает их по партам. Через плечо соседа в начале одной из записок я успел прочесть свою фамилию. Я насторожился.

После звонка, внимательно наблюдая за окружающими, я встал, направился к двери и тотчас же заметил, что от двери я отгорожен кучкой наиболее крепких одноклассников. Около меня образовалось полукольцо; из середины его вышел Федька и направился ко мне.

— Что тебе надо? — спросил я.

— Сдай револьвер, — нагло заявил он. — Классный комитет постановил, чтобы ты сдал револьвер в комиссариат думской милиции. Сдай его сейчас же комитету, и завтра ты получишь от милиции расписку.

— Какой еще револьвер? — отступая к окну и стараясь, насколько хватало сил, казаться спокойным, переспросил я.

— Не запирайся, пожалуйста! Я знаю, что ты всегда носишь маузер с собой. И сейчас он у тебя в правом кармане. Сдай лучше добровольно, или мы вызовем милицию. Давай! — И он протянул руку.

— Маузер?

— Да.

— А этого не хочешь?! — резко выкрикнул я, показывая ему фигу. — Ты мне его давал? Нет. Ну, так и катись к черту, пока не получил по морде!

Быстро повернув голову, я увидел, что за моей спиной стоят четверо, готовых схватить меня сзади. Тогда я прыгнул вперед, пытаюсь прорваться к двери. Федька рванул меня за плечи. Я ударил его кулаком, и тотчас же меня схватили за плечи и поперец груди. Кто-то пытался вытолкнуть мою руку из кармана. Не вынимая руки, я крепко впился в рукоятку револьвера.

«Отберут... Сейчас отберут...»

Тогда, как пойманный в капкан звереныш, я взвизгнул. Я вынул маузер, большим пальцем вздернул предохранитель и нажал спуск.

Четыре пары рук, державших меня, мгновенно разжались.

Я вскочил на подоконник. Оттуда я успел разглядеть белые, будто ватные лица учеников, желтую плитку каменного пола, разбитую выстрелом, и превратившегося в библейский соляной столб застрывшего в дверях отца Геннадия. Не раздумывая, я спрыгнул с высоты второго этажа на клумбы ярко-красных георгинов.

Поздно вечером по водосточной трубе, со стороны сада, я пробрался к окну своей квартиры. Старался лезть потихоньку, чтобы не испугать домашних, но мать услышала шорох, подошла и спросила тихонько:

— Кто там? Это ты, Борис?

— Я, мама.

— Не ползи по трубе... сорвешься еще. Иди, я тебе дверь открою.

— Не надо, мама... Пустяки, я и так...

Спрыгнув с подоконника, я остановился, приготовившись выслушать ее упреки и жалобы.

— Есть хочешь? — все так же тихо спросила мать. — Садись, я тебе супу достану, он теплый еще.

Тогда, решив, что мать ничего не знает, я поцеловал ее и, усевшись за стол, стал обдумывать, как передать ей обо всем случившемся. Рассеяннo черпая ложкой перепрелый суп, я почувствовал, что мать сбоку пристально смотрит на меня. От этого мне стало неловко, и я опустил ложку на край тарелки.

— Был инспектор, — сказала мать, — говорил, что из школы тебя исключат и что если завтра к двенадцати часам ты не сдашь свой револьвер в милицию, то они сообщат об этом, и у тебя отберут его силой. Сдай, Борис!

— Не сдам, — упрямо и не глядя на нее, ответил я. — Это папин.

— Мало ли что папин! Зачем он тебе? Ты потом себе другой достанешь. Ты и без маузера за последние месяцы какой-то пальной стал, еще застрелишь кого-нибудь! Отнеси завтра и сдай.

— Нет,— быстро заговорил я, отодвигая тарелку.— Я не хочу другого, я хочу этот! Это папин. Я не шальной, я никого не задеваю. Они сами лезут. Мне наплевать на то, что исключили, я бы и сам ушел. Я спрячу его и не отдам.

— Бог ты мой! — уже раздраженно начала мать.— Ну, тогда тебя посадят и будут держать, пока не отдашь!

— Ну и пусть посадят,— обозлился я.— Вон и Баскакова посадили... Ну что ж, и буду сидеть, все равно не отдам... Не отдам! — после небольшого молчания крикнул я так громко, что мать отшатнулась.

— Ну, ну, не отдавай,— уже мягче проговорила она.— Мпето что? — Она помолчала, над чем-то раздумывая, встала и добавила с горечью, выходя за дверь: — И сколько жизни вы у меня раньше времени посожжете!

Меня удивила уступчивость матери. Это было не похоже на нее. Мать редко вмешивалась в мои дела, но зато уже когда заладит что-нибудь, то не успокоится до тех пор, пока не добьется своего.

Спал крепко. Во сне пришел ко мне Тимка и принес в подарок кукушку. «Зачем, Тимка, мне кукушка?» Тимка молчал. «Кукушка, кукушка, сколько мне лет?» И она прокуковала — семнадцать. «Неправда,— сказал я,— мне только пятнадцать». — «Нет,— замотал Тимка головой.— Тебя мать обманула». — «Зачем матери меня обманывать?» Но тут я увидел, что Тимка вовсе не Тимка, а Федька — стоит и усмехается.

Проснулся, соскочил с кровати и заглянул в соседнюю комнату — без пяти семь.

Матери не было. Нужно было торопиться и спрятать незаметно в саду маузер.

Накинул рубаху, сдернул со стула штаны — и внезапный холодок разошелся по телу: штаны были подозрительно легкими. Тогда осторожно, как бы боясь обжечься, я протянул руку к карману. Так и есть — маузера там не было: пока я спал, мать вытащила его.

«Ах, вот оно... вот оно что!.. И она тоже против меня. А я-то

поверил ей вчера. То-то она так легко перестала уговаривать меня... Она, должно быть, понесла его в милицию».

Я хотел уже броситься догонять ее.

— Стой!.. Стой!.. Стой!.. — протяжно запели, отбивая время, часы. Я остановился и взглянул на циферблат. Что же это я, на самом деле? Ведь всего только еще семь часов. Куда же она могла уйти? Оглядевшись по углам, я заметил, что большой плетеной корзины нет, и догадался, что мать ушла на базар.

Но если ушла на базар, то не взяла же она с собой маузер. Значит, она спрятала его пока дома. Куда? И тотчас же решил: в верхний ящик шкафа, потому что это был единственный ящик, который запирался на ключ.

И тут я вспомнил, что когда-то, давно еще, мать принесла из аптеки розовые шарики сулемы и для безопасности заперла их в этот ящик. А мы с Федькой хотели сгубить у Симачковых рыжего кота за то, что Симачковы перешибли лапу нашей собачонке. Порывшись в железном хламе, мы тогда подобрали ключ, вытащили один шарик и, кажется, бросили ключ на прежнее место.

Я вышел в чулан и выдвинул тяжелый ящик. Разбрасывал ненужные обломки, гайки, винты, я принялся за поиски.

Обрезал руку куском жести и нашел сразу три заржавленных ключа. Из них какой-то подходит... Должно быть, вот этот.

Вернулся к шкафу. Ключ входил туго... Крак! Замок щелкнул. Потянул за ручку. Есть... маузер... Кобура лежит отдельно. Схватил и то и другое. Запер ящик, ключ через окно выбросил в сад и выбежал на улицу. Оглядевшись по сторонам, я заметил возвращавшуюся с базара мать. Тогда я завернул за угол и побежал по направлению к кладбищу.

На опушке перелеска остановился передохнуть. Бухнулся на ворох сухих листьев и тяжело задышал, то и дело оглядываясь по сторонам, точно опасаясь погони. Рядом протекал тихий, безмолвный ручеек. Вода была чистая, но теплая и пахла во-

дорослями. Не поднимаясь, я зачерпнул горсть воды и выпил, потом положил голову на руки и задумался.

Что же теперь делать? Домой возвращаться нельзя, в школу нельзя. Впрочем, домой можно... Спрятать маузер и вернуться. Мать посердится и перестанет когда-нибудь. Сама же виновата — зачем тайком вытащила? А из милиции придут? Сказать, что потерял, — не поверят. Сказать, что чужой, — спросят чей. Ничего не говорить — как бы еще на самом деле не посадили! Подлец Федька... Подлец!

Сквозь редкие деревья опушки виднелся вокзал.

У-у-у-у-у! — донеслось оттуда эхо далекого паровозного гудка. Над полотном протянулась волнистая полоса белого пара, и черный, отсюда похожий на жука паровоз медленно выкатился из-за поворота.

У-у-у-у-у! — заревел он опять, здороваясь с дружески протянутой лапой семафора.

«А что, если...»

Я тихонько приподнялся и задумался.

И чем больше я думал, тем сильнее и сильнее манил меня вокзал. Звал ревом гудков, протяжно-певучими сигналами путевых будок, почти что ощутимым запахом горячей нефти и глубиной далекого пути, убегающего к чужим, незнакомым горизонтам.

«Уеду в Нижний, — подумал я. — Там найду Галку. Он в Сормове. Он будет рад и оставит меня пока у себя, а дальше будет видно. Все утихнет, и тогда вернусь. А может быть... — и тут что-то изнутри подсказало мне: — Может быть, и не вернусь».

«Будет так», — с неожиданной для самого себя твердостью решил я и, сознавая всю важность принятого решения, встал, почувствовав себя крепким, большим, сильным.

В Нижний Новгород поезд пришел ночью. Сразу же у вокзала я очутился на большой площади. Под огнями фонарей поблескивали штыки новеньких винтовок, отсвечивали повсюду погоны.

С трибуны рыжий бородатый человек говорил солдатам речь о необходимости защищать родину, уверял в неизбежности скорого поражения «проклятых империалистов немцев».

Он поминутно оборачивался в сторону своего соседа — старенького, седого полковника, который каждый раз, как бы удостоверения правильность заключений рыжего оратора, одобрительно кивал круглой лысой головой.

Вид у оратора был измученный, он бил себя растопыренной ладонью, поднимал вверх поочередно то одну, то обе руки. Он обращался к сознательности и совести солдат. Под конец, когда ему показалось, что речь его проникла в гущу серой массы, он взмахнул рукой, так что едва не заехал в ухо испуганно отшатнувшегося полковнику, и громко запел марсельезу. Несколько десятков разрозненных голосов подхватили мотив, но вся солдатская колонна молчала.

Тогда рыжий оратор оборвал на полуслове песню и, бросив шапку оземь, стал слезать с трибуны.

Старик полковник постоял еще немного, беспомощно развел руками и, наклонив голову, придерживаясь за перила, полез вниз.

Оказывается, маршевый батальон отправляли на германский фронт.

До вокзала солдаты шли с песнями, их закидывали цветами и подарками. Все было благополучно. И уже здесь, на станции, воспользовавшись тем, что благодаря чьей-то нераспорядительности не хватило кипятку в баках и в нескольких вагонах не доставало деревянных нар, солдаты затеяли митинг.

Появились не приглашенные командованием ораторы, и, начав с недостачи кипятку, батальон неожиданно пришел к заклю-

чению: «Хватит, повоевали, дома хозяйство рушится, помещицья земля не поделена, на фронт идти не хотим!»

Загорелись костры, запахло смолой расщепленных досок, махоркой, сушеной рыбой, сваленной штабелями на соседних пристанях, и свежим волжским ветром.

Так, мимо огней, мимо винтовок, мимо возбужденных солдат, кричавших ораторов, растерянно-озлобленных офицеров, я, взволнованный и радостный, зашагал в темноту незнакомых привокзальных улиц.

Первый же прохожий, которого я спросил о том, как пройти в Сормово, ответил мне удивленно:

— В Сормово, милый человек, отсюда никак пройти невозможно. В Сормово отсюда на пароходах ездят. Заплатил полтинник — и садись, а сейчас до утра никаких пароходов нету.

Тогда, побродив еще немного, я забрался в один из пустых ящичков, сваленных горами у какого-то забора, и решил переждать до рассвета. Вскоре заснул.

Разбудила меня песня. Работали грузчики — поднимали скопом что-то тяжелое.

Эх-эй, ребятушки, да дружно! —

заводил запевала надорванным, но приятным тенором.

Остальные враз подхватывали резкими, тоже надорванными голосами:

По-оста-раться еще нужно.

Что-то сдвинулось, треснуло и закрипело.

И-э-эх... начать-то мы нача́ли,
А всю сволочь не скачали.

Я высунул голову. Как муравьи, облепившие кусок ржаного хлеба, со всех сторон окружили грузчики огромную ржавую лебедку и по положенным наискось рельсам втаскивали ее на платформу. Опять невидимый в куче запевала завел:

И-э-эх... прогнали мы Николку,
И-э-эх... да что-то мало толку!

Опять хрустнуло.

А не подняться ли народу,
Чтоб Сашку за ноги да в воду!

Лязгнуло, грохнуло. Лебедка тяжело села на крикнувшую платформу. Песня оборвалась, послышались крики, говор и ругательства.

«Ну и песня! — подумал я. — Про какого же это Сашку? Да ведь это же про Керенского!.. У нас бы в Арзамасе за такую песню живо сгребли, а здесь милиционер рядом стоит, отвернулся и как будто бы не слышит».

Маленький грязный пароходик давно уже причалил к пристани. Полтинника на билет у меня не было, а возле узкого трапа стоял рыжий контролер и матрос с винтовкой. Я грыз ногти и уныло поглядывал на узенькую полоску маслянистой воды, журчавшей между пристанью и бортом парохода. По воде плыли арбузные корки, щепки, обрывки газет и прочая дрянь.

«Пойти разве попроситься у контролера? — подумал я. — Совру ему что-нибудь. Вот, мол, скажу, сирота. Приехал к больной бабушке. Пропустите, пожалуйста, проехать до старушки».

Маслянистая поверхность мутной воды отразила мое загорелое лицо, подстриженную ежиком крупную голову и крепкую, поблескивавшую медными пуговицами ученическую гимнастерку.

Вздохнув, я решил, что сироту надо оставить в покое, потому что сироты с такими здоровыми физиономиями доверия не внушают.

Читал я в книгах, что некоторые юноши, не имея денег на билет, нанимались на пароход юнгами. Но и этот способ не мог пригодиться здесь, когда всего-то навсего надо мне было попасть на противоположный берег реки.

— Чего стоишь? Подвинься! — услышал я задорный вопрос и увидел невысокого рябого мальчугана.

Мальчуган небрежно швырнул на ящик пачку каких-то листовок и быстро вытащил из-под моих ног толстый грязный окурочок.

— Эх ты, ворона! — сказал он снисходительно. — Окурочек-то какой проглядел!

Я ответил ему, что на окурки мне наплевать, потому что я не курю, и, в свою очередь, спросил его, что он тут делает.

— Я-то? — Тут мальчуган ловко сплюнул, попав прямо в середину проплывавшего мимо полена. — Я листовки раздаю от нашего комитета.

— От какого комитета?

— Ясно, от какого... от рабочего. Хочешь, помогай раздавать.

— Я бы помог, — ответил я, — да мне вот на пароход надо в Сормово, а билета нет.

— А что тебе в Сормове?

— К дяде приехал. Дядя на заводе работает.

— Как же это ты, — укоризненно спросил мальчуган, — едешь к дяде, а полтинником не запасся?

— Запасаются загодя, — искренне вырвалось у меня, — а я вот нечаянно собрался и убежал из дому.

— Убежа-ал? — Глаза мальчугана с недоверчивым любопытством скользнули по мне. Тут он шмыгнул носом и добавил сочувственно: — То-то, когда вернешься, отец выдерет.

— А я не вернусь. И потом, у меня нет отца. Отца у меня еще в царское время убили. У меня отец большевик был.

— И у меня большевик,— быстро заговорил мальчуган,— только у меня живой. У меня, брат, такой отец, что на все Сормово первый человек! Хоть кого хочешь спроси: «Где живет Павел Корчагин?» — всякий тебе ответит: «А это в комитете... На Варихе, на заводе Тер-Акопова». Вот какой у меня человек отец!

Тут мальчуган отшвырнул окурок и, подпернув сползавшие штаны, нырнул куда-то в толпу, оставив листовки возле меня.

Я поднял одну.

В листовке было написано, что Керенский — изменник, готовит соглашение с контрреволюционным генералом Корниловым. Листовка открыто призывала свергнуть Временное правительство и провозгласить советскую власть.

Резкий тон листовки поразил меня еще больше, чем озорная песня грузчиков. Откуда-то из-за бочек с селедками вынырнул запыхавшийся мальчуган и еще на бегу крикнул мне:

— Нету, брат!

— Кого нету? — не понял я.

— Полтинника нету. Тут Симона Котылкина из наших увидел. Нету, говорит.

— Да зачем тебе полтинник?

— А тебе-то! — Он с удивлением посмотрел на меня. — Ты бы купил билет, а в Сормове взял у дяди и отдал бы; я, чай, тоже сормовский.

Он повертелся, опять исчез куда-то и опять вскоре вернулся.

— Ну, брат, мы и так обойдемся. Возьми вот мои листовки и кати прямо на пароход. Видишь, там матрос стоит с винтовкой? Это Сурков Пашка. Ты, когда проходить по сходням будешь, повернись к матросу и скажи: с листовками, мол, от комитета, а с контролером и не разговаривай. При себе прямо. Матрос свой, он в случае чего заступится.

— А ты?

— Я-то, брат, везде пройду. Я здесь не чужой.

Старенький пароходик, замызганный шелухой и огрызками яблок, давно уже отчалил от берега, а моего товарища все еще не было видно.

Я примостился на груде ржавых якорных цепей и, вдыхая пахнущий яблоками, нефтью и рыбой прохладный воздух, с любопытством разглядывал пассажиров. Рядом со мной сидел не то дякон, не то монах, притихший и, очевидно, старавшийся быть как можно менее заметным. Он украдкой озирался по сторонам, грыз ломоть арбуза, аккуратно выплевывая косточки в ладонь.

Кроме монаха и нескольких баб с бидонами из-под молока, на пароходе ехали два офицера, четыре милиционера, державшиеся поодаль, возле штатского с красной повязкой на рукаве.

Все же остальные пассажиры были рабочие. Сгрудившись кучками, они громко разговаривали, спорили, переругивались, смеялись, читали вслух газеты. Было похоже на то, что все они между собой знакомые, потому что многие из них бесцеремонно вмешивались в чужие споры; замечания и шутки летели от одного борта к другому.

Впереди вырисовывалось Сормово. Было безветренное утро. Фабричный дым, собираясь нетающими клубами, казался откуда черными щупальцами ветвей, раскинувшихся над каменными стволами гигантских труб.

— Эгей! — услышал я позади себя знакомый голос рябого мальчугана.

Я обрадовался ему, потому что не знал, что делать с листовками.

Он сел рядом на свернутый канат и, вынув из кармана яблоко, протянул его мне:

— Возьми. Мне грузчики полный картуз насыпали, потому что как новая листовка или газета, так я им всегда первым. Вчера целую связку воблы подарили. Им что! Сунул руку в мешок — только-то и делов. А я три воблы сам съел да две домой притащил: одну Аньке, другую Маньке. Сестры это у меня,—

пояснил он и снисходительно добавил: — Дуры еще девчонки... Им только жрать подавать.

Оживленные разговоры внезапно умолкли, потому что штатский с красной повязкой, сопровождаемый милиционерами, принялся неожиданно проверять документы.

Рабочие, молча доставая измятые, замусоленные бумажки, провожали штатского враждебно-холодными замечаниями:

— Кого ищут-то?

— А пес их знает.

— К нам бы в Сормово пришли, там поискали бы!

Милиционеры шли как бы нехотя; видно было, что им неловко чувствовать на себе десятки подозрительно настороженных взглядов.

Не обращая внимания на общее сдержанное недовольство, штатский вызывающе дернул бровями и подошел к монаху. Монах еще больше съежился и, огорченно разведя руками, показал на висевшую у живота кружку с надписью: «Милосердные христиане, пожертвуйте на восстановление разрушенных германцами храмов».

Штатский брезгливо усмехнулся и, отворачиваясь от монаха, довольно бесцеремонно потянул за плечи моего соседа — мальчугана:

— Документ?

— Еще подрасту, тогда запасу,— сердито ответит тот.

Пытаясь высвободиться из-под цепкой руки штатского, мальчуган дернулся, потерял равновесие и выронил кипу листовок.

Штатский поднял одну из бумажек, торопливо просмотрел ее и тихо, но зло сказал:

— Документы мал носить, а прокламации — вырос? А ну-ка захватите его!

Но не только один штатский прочел листовку. Ветер вырвал из рассыпанной пачки десяток беленьких бумажек и разметал их по переполненной людьми палубе.

Не успели еще вялые, смущенные милиционеры подойти к рябому мальчугану, как зажужжала, загомонила вся палуба:

— Корнилова бы лучше искали!

— Монах без документа ничего, а к мальчишке привязался!

— Тут тебе не город, а Сормово.

— Ну, ну, тише вы! — огрызнулся штатский, растерянно глядя на милиционеров.

— Не нукай, не запряг! Жандарм переодетый! Видали, как за листовками кинулся?

Огрызок свежего огурца пролетел мимо фуражки штатского.

Стиснутые со всех сторон повскакавшими пассажирами, милиционеры растерянно оглядывались и встревоженно уговаривали:

— Не налезай, не налезай. Граждане, тише!

Внезапно заревела сирена, и с капитанского мостика кто-то отчаянно заорал:

— От левого борта... от левого борта... пароход опрокинете!

По накренившейся палубе толпа шарахнулась в противоположную сторону. Воспользовавшись этим, штатский зло выругал милиционеров и проскользнул к лестнице капитанского мостика, возле которого стояли два побледневших, взволнованных офицера.

Пароход причалил, рабочие торопливо сходили на пристань. Возле меня опять очутился рябой мальчуган. Глаза его горели, в растопыренных руках он цепко держал измятый ворох подобранных листовок.

— Приходи! — крикнул он мне. — Прямо на Вариху! Ваську Корчагина спросишь, тебе всякий покажет.

С удивлением и любопытством поглядывал я на серые от копоти домики, на каменные стены заводов, через черные окна которых поблескивали языки яркого пламени и доносилось глухое рычание запертых машин.

Был обеденный перерыв. Мимо меня прямо через улицу, паром распугивая бродячих собак, покатила паровоз, тащивший платформы, нагруженные колесами. Разноголоса хрипели гудки. Из ворот выходили толпы потных, усталых рабочих.

Навстречу им неслись стайки босоногих задирчивых ребят-шек, тащивших небольшие узелки с мисками и тарелками, от которых пахло луком, кислой капустой и паром.

Кривыми улочками добрался я наконец до переулочка, где была квартира Галки.

Я постучал в окно небольшого деревянного домика. Тощая седая старуха, оторвавшись от корыта с бельем, высунула красное, распаренное лицо и сердито спросила, кого мне надо.

Я сказал.

— Нету такого, — ответила она, захлопывая окно. — Жил когда-то, теперь давно уже нету.

Ошеломленный таким сообщением, я отошел за угол и, остановившись возле груды наваленного булыжника, почувствовал, как я устал, как мне хочется есть и спать.

Кроме Галки, в Сормове жил дядя Николай, брат моей матери. Но я совсем не знал, где он живет, где работает и как примет меня.

Несколько часов я шатался по улицам, с тупым упрямством заглядывая в лица проходивших рабочих. Дядю я, конечно, не встретил.

Вконец отчаявшись и почувствовав себя одиноким, никому не нужным, я опустился на небольшую чахлую лужайку, замусоренную рыбьей кожурой и кусками пожелтевшей от дождей известки. Тут я прилег и, закрыв глаза, стал думать о своей горькой судьбе, о своих неудачах.

И чем больше я думал, тем горше становилось мне, тем бессмысленнее представлялся мой побег из дома.

Но даже сейчас я отгонял мысль о том, чтобы вернуться в Арзамас. Мне казалось, что теперь в Арзамасе я буду еще более одинок; надо мной будут презрительно смеяться, как когда-то над Тупиковым. Мать будет тихонько страдать и еще, чего доброго, пойдет в школу просить за меня директора.

А я был упрям. Еще в Арзамасе я видел, как мимо города вместе с

дышавшими искрами и сверкавшими огнями поездами летит настоящая, крепкая жизнь. Мне казалось, что нужно только суметь вскочить на одну из ступенек стремительных вагонов, хотя бы на самый краешек, крепко вцепиться в поручни, и тогда назад меня уже не столкнешь.

К забору подошел старик. Нес он ведро, кисть и свернутые в трубку плакаты. Старик густо смазал клейстером доски, прилепил плакат, разгладил его, чтобы не было морщин; поставил на землю ведро, оглянулся и подозвал меня.

— Достань, малый, спички из моего кармана, а то у меня руки в клейстере... Спасибо,— поблагодарил он, когда я зажег спичку и поднес огонь к его потухшей трубке.

Закурив, он с кряхтением поднял грязное ведро и сказал добродушно:

— Эх, старость не радость! Бывало, пудовым молотом грохачешь, грохачешь, а теперь ведро понес — рука занемела.

— Давай, дедушка, я понесу,— с готовностью предложил я.— У меня не занемеет. Я вон какой здоровый!

И, как бы испугавшись, что он не согласится, я поспешно потянул ведро к себе.

— Понеси,— охотно согласился старик,— понеси, коли так, оно вдвоем-то быстро управимся.

Продвигаясь вдоль заборов, мы со стариком прошли много улиц.

Только мы останавливались, как сзади нас собирались прохожие, любопытствовавшие поскорее узнать, что такое мы расклеиваем. Увлечшись работой, я совсем позабыл о своих несчастьях. Лозунги тоже были разные, например: «Восемь часов работы, восемь сна, восемь отдыха». Но, по правде сказать, лозунг этот казался мне каким-то будничным, неувлекательным. Гораздо больше нравился мне большой синий плакат с густо-красными буквами: «Только с оружием в руках пролетариат завоеует светлое царство социализма».

Это «светлое царство», которое пролетариат должен был завоевать, увлекало меня своей загадочной, невиданной красотой еще больше, чем далекие экзотические страны манят начитавшихся Майн Рида восторженных школьников. Те страны, как ни далеки они, все же разведаны, поделены и нанесены на скучные школьные карты. А это «светлое царство», о котором упоминал плакат, не было еще никем завоевано. Ни одна человеческая нога еще не ступала по его необыкновенным владениям.

— Может быть, устал, парень? — спросил старик останавливаясь.— Тогда беги домой. Я теперь и один управлюсь.

— Нет, нет, не устал,— проговорил я, с горечью вспомнив о том, что скоро опять останусь в одиночестве.

— Ну, ин ладно,— согласился старик.— Дома только, смотри, чтобы не заругали.

— У меня нет дома,— с внезапной откровенностью сказал я.— То есть у меня есть дом, только далеко.

И, подчиняясь желанию поделиться с кем-нибудь своим горем, я рассказал старику все.

Он внимательно выслушал меня, пристально и чуть-чуть насмешливо посмотрел в мое смущенное лицо.

— Это дело разобрать надо,— сказал он спокойно.— Хотя Сормово и велико, но все же человек — не иголка. Слесарем, говоришь, у тебя дядя?

— Был слесарем,— ответил я ободрившись.— Николаем зовут. Николай Егорович Дубряков. Он партийный, должно быть, как и отец. Может, в комитете его знают?

— Нет, не знаю что-то такого. Ну, да уж ладно, вот кончим расклеивать, пойдешь со мною. Я тут кой у кого из наших поспрошу.

Старик почему-то нахмурился и пошел, молча попыхивая горячей трубкой.

— Так отца-то у тебя убили? — неожиданно спросил он.

— Убили.

Старик вытер руки о промасленные, заплатанные штаны и, похлопав меня по плечу, сказал:

— Ко мне сейчас зайдешь. Картошку с луком есть будем и кипяток согреем. Чай, ты беда как есть хочешь?

Ведро показалось мне совсем легким. И мой побег из Арзамаса показался мне опять нужным и осмысленным.

...Дядя мой отыскался.

Оказывается, он был не слесарем, а мастером котельного цеха.

Дядя коротко сказал, чтобы я не дурил и отправлялся обратно.

— Делать тебе у меня нечего... Из человека только тогда толк выйдет, когда он свое место знает,— угрюмо говорил он в первый же день за обедом, вытирая полотенцем рыжие сальные усы.— Я вот знаю свое место... Был подручным, потом слесарем, теперь в мастера вышел. Почему, скажем, я вышел, а другой не вышел? А потому, что он тары да бары. Работать ему, видишь, не нравится, он инженеру завидует. Ему бы сразу. Тебе, ска-

жем, чего в школе не сиделось? Учился бы тихо на доктора или там на техника. Так нет вот... дай помудрю. От лени все это... А по-моему, раз уж человек определился к какому делу, должен он стараться дальше продвинуться. Потихоньку, полегоньку, глядишь — и вышел в люди.

— Как же, дядя Николай? — тихо и оскорбленно спросил я. — Отца, к примеру, взять. Он солдатом был. По-твоему выходит, что нужно ему было в школу прапорщиков поступать. Офицером бы был. Может, до капитана дослужился. А все, что он делал, и то, что, вместо того чтобы в капитаны, он в подполыцки ушел, этого не нужно было?

Дядя нахмурился.

— Я про твоего отца не хочу плохо сказать, однако толку в его поступках мало что-то вижу. Так, баламутный был человек, беспокойный. Он и меня-то чуть было не запутал. Меня контора в мастера только наметила, и вдруг такое дело сообщают мне: вот, мол, какой к вам родственник приезжал. Насилу замаял дело.

Тут дядя достал из миски жирную кость, густо смазал ее горчицей, посыпал крупно солью и, вгрызаясь в мясо крепкими желтыми зубами, недовольно покачал головой. Когда жена его, высокая красивая баба, подала после обеда узорную глиняную кружку домашнего кваса, он сказал ей:

— Сейчас прилягу, разбудишь через часок. Надо сестре Варваре письмо черкнуть. Борис заодно захватит, когда поедет.

— А когда поедет?

— Ну когда — завтра поедет.

В окно постучали.

— Дядя Миколай, — послышался с улицы голос, — на митинг пойдешь?

— Куда еще?

— На митинг, говорю. Народу на площади собралось уйма.

— А ну их, — отмахнулся рукой дядя, — нужно-то не больно.

Подождав, пока дядя ляжет отдыхать, я тихонько выбежал на улицу.

«А дядя-то у меня, оказывается, выжига! — подумал я.—

Подумаешь, шишка какая — мастер! А я-то еще думал, что он партийный. Неужели так-таки и придется в Арзамас возвращаться?»

Две или три тысячи человек стояли около дощатой трибуны и слушали ораторов. Из-за людей мелькнуло знакомое рябое лицо пронырливого Васьки Корчагина. Я окликнул его, но он не услышал меня.

Я пустился догонять его. Раза два его курчавая голова показывалась среди толпы, но потом исчезла окончательно. Я очутился недалеко от трибуны.

Ближе пробраться было трудно. Стал прислушиваться.

Ораторы сменялись часто. Запомнился мне один — невзрачный, плохо одетый, с виду такой же рабочий, какие сотнями попадались на сормовских улицах, не привлекая ничьего внимания. Он неловко сдернул сплюсненную блином кепку, откашлялся и, напрягая надорванный и, как мне показалось, озлобленный голос, заговорил:

— Вы, товарищи, которые с паровозного, а также с вагонного, да многие и с нефтянки, знаете, что восемь годов я просидел на каторге как политический. И что ж — не успел я только вернуться, не успел свежим воздухом подышать, как бац — опять меня на два месяца в тюрьму! Кто запер? Заперли не полицейские старого режима, а прихвостни нового. От царя было не обидно сидеть. От царя всегда наши сидели. А от прихвостней обидно! Генералы да офицеры повесили красные банты, вроде как друзья революции. А нашего брата чуть что — опять пхают в кутузки. Травят нас и разгоняют. Я не за свою обиду говорю, товарищи, не за то, что два месяца лишних отсидел. Я за нашу, рабочую обиду говорю.

Тут он закашлялся. Отдышавшись, открыл было рот, опять закашлялся. Долго вздрагивал, вцепившись руками в перила, потом замотал головой и полез вниз.

— Доездили человека! — громко и негодуяще сказал кто-то.

С серого, насупившегося неба посыпались крупинки первого снега. Срывая последние, почерневшие листья, дул сухой, хо-

лодный ветер. Ноги у меня заходили. Я хотел выбраться из толпы, чтобы на ходу согреться.

Проталкиваясь, я перестал было смотреть на ораторов, но вдруг знакомый высокий голос заставил меня повернуться к трибуне. Снежные крупинки засыпали глаза. Сбоку толкали. Кто-то больно наступил на ногу. Приподнявшись на носки, я с удивлением и радостью увидел на трибуне знакомое бородатое лицо Галки.

Двигая локтями, протискиваясь через плотную, с трудом пробиваемую толпу, я продвигался вперед. Я боялся, что, окончив говорить, Галка смешается с толпой, не услышит моего окрика и я опять потеряю его. Я тряс фуражкой, чтобы привлечь его внимание, махал растопыренными пальцами. Но он не замечал меня.

Когда я увидел, что Галка уже поднял руку, уже повышает голос и вот-вот кончит говорить, я закричал громко:

— Семен Иванович!.. Семен Ивано-ви-и-ич!..

Сбоку на меня шикали. Кто-то пихнул меня в спину.

А я еще отчаянней заорал:

— Семен Ивановичи-и-ич!

Я видел, как удивленный Галка неловко развел руками и, скомкав конец фразы, стал торопливо спускаться по лестнице.

Кто-то из обозленных соседей схватил меня за руку и потащил в сторону.

А я, не обращая внимания на ругательства и тычки, рассмеялся весело, как шальной.

— Ты что хулиганишь? — крепко встряхивая, строго спросил тащивший меня за рукав рабочий.

— Я не хулиганю,— не переставая счастливо улыбаться, отвечал я, подпрыгивая на озябших ногах.— Я Галку нашел... Я Семена Ивановича...

Вероятно, было в моем лице что-то такое, от чего сердитый человек улыбнулся сам и спросил уже не очень сердито:

— Какую еще галку?

— Да не какую... Я Семена Ивановича... Вот он сам сюда пробирается.

Галка вынырнул, схватил меня за плечо:

— Ты откуда?

Толпа волновалась. Площадь беспокойно шумела. Кругом виднелись озлобленные, встревоженные и растерянные лица.

— Семен Иванович,— на ходу спросил я, не отвечая на вопрос,— отчего народ шумит?

— Телеграмма пришла... только что,— пояснил он скороговоркой.— Керенский предаёт революцию! Генерал Корнилов... поднимает казаков.

Короткие осенние дни замелькали передо мною, как никогда не виданные станции, сверкающие огнями на пути скорого поезда. Сразу же нашлось и мне дело. И я оказался теперь полезным, втянутым в круговорот стремительно развертывавшихся событий.

В один из беспокойных дней Галка встревоженно сказал мне:

— Беги, Борис, в комитет. Скажи, что с Варихи срочно просили агитатора и я пошел туда. Найди Ершова, пусть он вместо меня сходит в типографию. Если Ершова не найдешь, то... Дайка карандаш... Вот, снеси эту записку сам в типографию. Да не в контору, а передай лучше прямо в руки метранпажу! Помнишь... у Корчагина был, черный такой, в очках? Ну вот... Сделаешь все, тогда ко мне, на Вариху. Да если в комитете свежие листовки есть — захвати. Скажешь Павлу, что я просил... Стой, стой! — закричал он озабоченно вдогонку.— Холодно ведь. Ты бы хоть мой старый плащик накинул.

Но я уже с упоением и азартом, как кавалерийская лошадь, пущенная в карьер, неся, перепрыгивая через лужи и выбоины грязной мостовой.

В дверях партийного комитета, шумного, как вокзал перед отправлением поезда, я налетел на Корчагина. Если б это был не он, а кто-нибудь другой, поменьше и послабее, я, вероятно, спихнул бы его с ног. О Корчагина же я ударился, как о телеграфный столб.

— Эк тебя носит! — быстро сказал он. — Что ты, с колокольни свалился?

— Нет, не с колокольни, — сконфуженно потирая зашибленную голову и тяжело дыша, ответил я. — Семен Иванович прислал сказать, что он на Вариху...

— Знаю, звонили уже.

— Еще просили листовки.

— Послано уже. Еще что?

— Еще Ершова надо. Пусть в типографию идет. Вот записка.

— Что тут про типографию? Дай-ка записку, — вмешался в разговор незнакомый мне вооруженный рабочий в шинели, накинутой поверх старого пиджака.

— Мудрит что-то Семен, — сказал он, прочитав записку и обращаясь к Корчагину. — Чего он боится за типографию? Я еще с обеда туда свой караул выслал.

К крыльцу подходили новые и новые люди. Несмотря на холод, двери комитета были распахнуты настежь, мелькали шинели, блузы, порыжевшие кожаные куртки. В сенях двое отбивали молотками доски от ящика. В соломе лежали новенькие, густо промазанные маслом трехлинейные винтовки. Несколько таких же уже опорожненных ящиков валялось в грязи около крыльца.

Опять показался Корчагин. На ходу он быстро говорил троим вооруженным рабочим:

— Идите скорей. Сами там останетесь. И никого без пропусков комитета не пускать. Оттуда пришлите кого-нибудь сообщить, как устроились.

— Кого послать?

— Ну, из своих кого-нибудь, кто под руку подвернется.

— Я подвернусь под руку! — крикнул я, испытывая сильное возбуждение и желание не отставать от других.

— Ну, возьмите хоть его! Он быстро бегаёт.

Тут я увидел, что из разбитого ящика берет винтовку почти каждый выходящий из двери.

— Товарищ Корчагин,— попросил я,— все берут винтовки, и я возьму.

— Что тебе? — недовольно спросил он, прерывая разговор с крепким татуированным матросом.

— Да винтовку! Что я — хуже других, что ли?

Тут из соседней комнаты громко закричали Корчагина, и он поспешил туда, махнув на меня рукой.

Возможно, что он просто хотел, чтобы я не мешал ему, но я понял этот жест как разрешение. Выхватил из ящика винтовку и, крепко прижимая ее, пустился вдогонку за сходящими с крыльца дружинниками.

Пробегая через двор, я успел уже услышать только что полученную новость: в Петрограде объявлена советская власть, Керенский бежал, в Москве идут бои с юнкерами.

Часть третья

ФРОНТ

Глава первая

Прошло полгода.

Письмо, адресованное мною к матери, в солнечный апрельский день было опущено на вокзале.

«Мама!

Прощай, прощай! Уезжаю в группу славного товарища Сиверса, который бьется с белыми войсками корниловцев и каледицев. Уезжает нас трое. Дали нам документы из сормовской дружины, в которой состоял я вместе с Белкой. Мне долго да-

вать не хотели, говорили, что молод. Насилу упросил я Галку, и он устроил. Он бы и сам поехал, да слаб и кашляет тяжело. Голова у меня горячая от радости. Все, что было раньше, — это пустяки, а настоящее в жизни только начинается, оттого и весело...»

На третий день пути, во время шестичасовой стоянки на какой-то маленькой станции, мы узнали о том, что в соседних волостях не совсем спокойно: появились небольшие бандитские шайки и кое-где были перестрелки кулаков с продотрядами. Уже поздно ночью к составу подали паровоз. Я и мои товарищи лежали бок о бок на верхних нарах товарного вагона. Заслышав мерное постукивание колес и скрип раскачиваемого вагона, я натянул на себя крепче драповое пальто и собрался спать.

Из темноты слышался храп, покашливание, почесывание. Те, кому удалось протиснуться на нары, спали. С полу же, с мешков, из плотной кучи устроившихся кое-как доносились ворчание, ругательства и тычки в сторону напивавших соседей.

— Не пхайся, не пхайся, — спокойно ворчал бас. — Чего ты меня с моего мешка пхаешь? А то я так тебя пхну, что не запхнешься!

— Гляди-ка, черт! — взвизгнул озлобленный бабий голос. — Куда же ты мне прямо сапожищами в лицо лезешь? А-ах, черт, а-ах, окаянный!

Вспыхнула спичка, тускло осветив шевелившуюся грудь сапог, мешков, корзин, кепок, рук и ног, погасла, и стало еще темнее. Кто-то в углу монотонно рассказывал усталым скрипучим голосом длинную, нудную историю своей печальной жизни. Кто-то сочувственно попыхивал сигаркой. Вагон вздрагивал, как кусанная оводами лошадь, и неровными толчками продвигался по рельсам.

Проснулся я оттого, что один из моих спутников дернул меня за руку. Я поднял голову и почувствовал, как из распахнутого окна струя приятного холодного воздуха освежающе плеснула мне в помятое лицо. Поезд шел тихо, должно быть на подъем. Огромное густое зарево обволокло весь горизонт. Над заревом,

точно опаленные огнем пожара, потухали светлячки звезд и таяла побледневшая луна.

— Земля бунтует,— слышалось из темного угла чье-то спокойное, бодрое замечание.

— Плети захотела, оттого и бунтует,— тихо и озлобленно ответил противоположный угол.

Сильный треск оборвал разговоры. Вагон качнуло, ударило, я слетел с нар на головы расположившихся на полу. Все смешалось, и черное нутро вагона с воплями кинулось в распахнутую дверь теплушки.

Крушение. Я неловко бухнулся в канаву возле насыпи, еле успев вскочить, чтобы не быть раздавленным спрыгивавшими людьми. Два раза ударили выстрелы. Рядом какой-то человек, широко растопырив дрожащие руки, торопливо говорил:

— Это ничего... Это ничего... Только не надо бежать, а то они откроют стрельбу. Это же не белые, это здешние станичники. Они только ограбят и отпустят.

К вагону подбежали двое с винтовками, крича:

— Зз...алезай!.. Зз...алезай обратно!.. Куда выскочили?

Народ шарахнулся к теплушкам. Оттолкнутый кем-то, я оступился и упал в сырую канаву. Распластавшись, быстро, как ящерица, я пополз к хвосту поезда. Наш вагон был предпоследним, и через минуту я очутился уже наравне с тускло освещающим сигнальным фонарем заднего вагона. Здесь стоял мужик с винтовкой. Я хотел было повернуть обратно, но человек этот, очевидно заметив кого-то с другой стороны насыпи, побежал туда.

Один прыжок — и я уже катился вниз по скату скользкого глинистого оврага. Докатившись до дна, я встал и потащился к кустам, еле поднимая облипшие глиной ноги.

Ожил лес, покрытый дымкой молодой зелени. Где-то далеко заодно переключались петухи. С соседней поляны доносилось кваканье вылезших погреться лягушек. Кое-где в тени лежали еще островки серого снега, но на солнечных просветах прошлогодняя жесткая трава была суха. Я отдыхал, куском бересты

счищал с сапог пласты глины. Потом я взял пучок травы, обмакнул его в воду и вытер перепачканное грязью лицо.

Места незнакомые. Какими дорогами выбраться на ближайшую станцию? Где-то собаки лают — должно быть, деревня близко. Если пойти спросить? А вдруг нарвешься на кулацкую засаду? Спросят — кто, откуда, зачем. А у меня документ, да еще в кармане маузер. Ну, документ, скажем, в сапог можно запрятать. А маузер? Выбросить?

Я вынул его, повертел. И жалко стало. Маленький маузер так крепко сидел в моей руке, так спокойно поблескивал вороненой сталью плоского ствола, что я устыдился своей мысли, погладил его и сунул обратно за пазуху, во внутренний, приделанный к подкладке потайной карман.

Утро было яркое, гомонливое, и мне на пенушке посреди желтой полянки не верилось тому, что есть какая-то опасность.

Пинь, пинь... таррах! — услышал я рядом с собой знакомый свист. Крупная лазоревая синица села над головой на ветку и, косив глаза, с любопытством посмотрела на меня.

Пинь, пинь... таррах... здравствуй! — присвистнула она, перескочив с ноги на ногу.

Я невольно улыбнулся и вспомнил Тимку Штукина. Он звал синиц дурухвостками. Ведь вот, давно ли еще?.. И синицы, и кладбище, и игры... А теперь поди-ка... И я нахмурил лоб. Что же делать все-таки?

Совсем недалеко щелкнул бич и послышалось мычание. «Стадо, — понял я. — Пойду-ка спрошу у пастуха дорогу. Что мне пастух сделает? Спрошу, да и скорей с глаз долой».

Небольшое стадо коров, лениво и нехотя отрывавших клочки старой травы, медленно двигалось вдоль опушки. Рядом шел старик пастух с длинной, увесистой палкой. Неторопливой и спокойной походкой гуляющего человека я подошел к нему сбоку.

— Здорово, дедушка!

— Здорово! — ответил он не сразу и, остановившись, начал оглядывать меня.

— Далече ли до станции?

— До станции? До какой же тебе станции?

Тут я замялся.

Я даже не знал, какая станция мне нужна, но старик сам выручил меня:

— До Александровки, что ли?

— Как раз же,— согласился я.— До нее самой. Я то шел, да спутал немного.

— Откуда идешь-то?

Опять я запнулся.

— Оттуда,— насколько мог спокойнее ответил я, неопределенно махая рукой в сторону видневшейся у горизонта деревушки.

— Гм... оттуда... Значит, с Деменева, что ли?

— Как раз прямо с Деменева.

Тут я услышал ворчание собаки и шаги. Обернувшись, я увидел подходившего к старику здорового парня, должно быть подпаска.

— Что тут, дядя Лександр? — спросил он, не переставая жевать ломоть ржаного хлеба.

— Да вот, прохожий человек... Дорогу на станцию Александровку спрашивает. А говорит, что идет сам из Деменева.

Парень опустил ломоть и, выпалив на меня глаза, спросил, недоумевая:

— Тоись как же это?

— Я уж и сам не знаю, как, когда Деменево в аккурат при самой станции стоит. Что Александровка, что Деменево — все одно и то же. И как его сюда занесло?

— В село обязательно отправить надо,— спокойно посоветовал парень.— Пусть там, на заставе, разбирают. Мало ли чего он набрешет!

Хотя я и не знал еще, что такое за застава, которая «все разберет», и как она разбирать будет, но мне уже не хотелось идти на село по одному тому, что сёла здесь были богатые и беспокойные. И поэтому, не дожидаясь дальнейшего, сильным прыжком отскочил от старика и побежал от опушки в лес.

Парень скоро отстал. Но проклятая собака успела дважды укусить меня за ногу. Впрочем, боли я тогда не чувствовал, как не чувствовал нахлестывания веток, растопыривших цепкие пальцы перед моим лицом, ни кочек, ни пней, попадавших под ноги.

Так проблуждал я по лесу до вечера. Лес был не дикий, так как торчали пни срубленных деревьев.

Чем больше старался я забраться вглубь, тем реже становились деревья и чаще попадались поляны со следами лошадиных копыт и навоза. Наступила ночь. Я устал, был голоден и исцарапан. Нужно было думать о ночлеге. Выбрав укромное сухое местечко под кустом, положил под голову чурбан и лег. Усталость начала сказываться. Щеки горели, и побаливала прокушенная собакой нога.

«Засну,— решил я.— Сейчас ночь, никто меня здесь не найдет. Я устал... Засну, а утром что-нибудь придумаю».

Засыпая, вспомнил Арзамас, пруд, нашу войну на плотях, свою кровать со старым теплым одеялом. Еще вспомнил, как мы с Федькой наловили голубей и изжарили их на Федькиной сковороде. Потом тайком съели. Голуби были такие вкусные...

По верхушкам деревьев засвистел ветер. Пусто и страшно показалось мне в лесу. Теплым, душистым, как жирный праздничный пирог, всплыл в моем воображении прежний Арзамас.

Я натянул на голову воротник и почувствовал, как непрошенная слеза скатилась по щеке. Я все-таки не плакал.

В эту ночь, коченея от холода, я вскакивал, бегал по полянке, пробовал залезть на березу и, чтобы разогреться, начинал даже танцевать. Отогревшись, ложился опять и через некоторое время, когда лесные туманы забирали у меня тепло, вскакивал вновь.

Опять взошло солнце, и стало тепло; затенькали пичужки, и приветливо закричали с неба веселые вереницы журавлей. Я уже улыбался и радовался тому, что ночь прошла, и не было больше никаких пасмурных мыслей, кроме разве одной — где бы достать поесть.

Не успел я пройти и двухсот шагов, как услышал гогот гусей, хрюканье свиньи и сквозь листву увидел зеленую крышу одинокого хутора.

«Подкрадусь,— решил я.— Посмотрю, если нет ничего подозрительного, спрошу дорогу и попрошу немного поесть».

Встал за кустом бузины. Было тихо. Людей не было видно, из трубы шел легкий дымок. Стайка гусей вперевалку направлялась в мою сторону. Легкий хруст обломанной веточки раздался сбоку от меня. Ноги разом напряглись, и я повернул голову. Но тотчас же испуг мой сменился удивлением. Из-за куста, в десяти шагах в стороне, на меня пристально смотрели глаза притаившегося там человека. Человек этот не был хозяином хутора, потому что сам спрятался за ветки и следил за двором. Так поглядели мы один на другого внимательно, настороженно, как два хищника, встретившиеся на охоте за одной и той же добычей. Потом по молчаливому соглашению завернули подальше в чащу и подошли один к другому.

Он был одного роста со мною. На мой взгляд, ему было лет семнадцать. Черная суконная тужурка плотно обхватывала его крепкую, мускулистую фигуру, но на ней не было ни одной пуговицы — похоже, что пуговицы были не случайно оторваны, а нарочно срезаны. К его крепким брюкам, заправленным в запачканные глиной хромовые сапоги, пристало несколько сухих колючек.

Бледное, измятое лицо с темными впадинами под глазами заставляло думать, что он, вероятно, тоже ночевал в лесу.

— Что,— сказал он негромко, кивая головой в сторону хутора,— думаешь, туда?

— Туда,— ответил я.— А ты?

— Не дадут,— проговорил он.— Я увидел уже: там трое здоровенных мужиков. Мало ли на что попасть можно!

— А тогда как же?.. Ведь есть-то надо!

— Надо,— согласился он.— Только не Христа ради. Нынче милостыню не подадут. Ты кто? — спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил: — Ладно... Мы и сами достанем. Одному трудно, я пробовал уже, а вдвоем достанем. Тут, в кустах, гуси бродят, здоровые.

— Чужие?

Он посмотрел на меня, как бы удивляясь нелепости моего замечания, и добавил тихо:

— Нынче чужого ничего нет — нынче все свое. Ты зайди на полянку и гони тихонько гуся на меня, а я за кустом спрячусь.

Наметив отбившегося от стайки толстого серого гуся, я преградил ему дорогу. Гусь повернулся и неторопливо пошел прочь, иногда останавливаясь и тыкаясь клювом в землю. Шаг за шагом я подвигался, загоняя его к месту засады. Вот он почти поравнялся с кустом и вдруг, насторожившись, изогнул шею и посмотрел в мою сторону, как бы озадаченный настойчивостью моего преследования. Постояв немного, он решительно направился назад, но тут с быстротою кота, бросающегося за выслеженным воробьем, незнакомец метнулся из-за куста и крепко впился руками в гусиную шею. Птица едва успела крикнуть. Загоготало разом встревоженное стадо, и незнакомец с трепыхавшимся гусем бросился в чащу. Я за ним.

Долго гусь еще хлопал крыльями, дергал лапами и, обесшпленный, затих только тогда, когда мы очутились в укромном глухом овраге. Тогда незнакомец отшвырнул гуся и, доставая табак, сказал, тяжело дыша:

— Хватит. Здесь можно и остановиться.

Новый товарищ вынул перочинный нож и стал молча потрошить гуся, изредка поглядывая в мою сторону.

Я набрал хворосту, навалил целую грудку и спросил:

— Спички есть?

— Возьми,— и окровавленными пальцами он осторожно протянул коробок.— Не трать много.

Тут я как следует разглядел его. Налет пыли, осевший на коже, не мог скрыть ровной белизны подвижного лица. Когда он говорил, правый уголок его рта чуть вздрагивал и одновременно немного прищуривался левый глаз. Он был старше меня года на два и, по-видимому, сильнее. Пока украденный гусь жарился на вертеле, распространяя вокруг мучительно аппетитный запах, мы лежали на траве.

— Курить хочешь? — спросил незнакомец.

— Нет, не курю.

— Ты в лесу ночевал?.. Холодно,— добавил он, не ожидая ответа.— Ты как сюда попал? Тоже оттуда? — И он махнул рукой в сторону полотна железной дороги.

— Оттуда. Я убежал с поезда, когда его остановили.

— Документы проверяли?

— Нет,— удивился я.— Какие там документы — бандиты напали.

— А-а-а... — И он молча запыхтел папироской.— Ты куда пробираешься? — после долгого молчания неожиданно спросил он.

— Я на Дон... — начал было я и замолчал.

— На До-он? — протянул он привставая. — Ты... на Дон?

Быстрая и недоверчивая улыбка пробежала по его тонким потрескавшимся губам, прищуренные глаза широко раскрылись, но тотчас потухли, лицо его стало равнодушным, и он спросил лениво:

— Что же, у тебя там родные, что ли?

— Родные... — ответил я осторожно, потому что почувствовал, как он старается выпытать все обо мне, а сам умышленно остается в тени.

Он опять замолчал, повернул на другой бок гуся, с которого скатывались капли шипящего жира, и сказал спокойно:

— Я тоже в те места пробираюсь, только не к родным, а в отряд к Сиверсу.

Он рассказал мне, что учился в Пензе, приехал к дяде-учителю в находившуюся неподалеку отсюда волость, но в волости восстали кулаки, и он еле успел убежать.

Уплетая разорванного на части, обгоревшего и пахнувшего дымом гуся, мы долго и дружески болтали с ним.

Я был счастлив, что нашел себе товарища. Прибавилось сразу бодрости, и казалось, что теперь вдвоем нетрудно будет выкрутиться из ловушки, в которую мы оба попали.

— Ляжем спать, пока солнце, — предложил новый товарищ. — Сейчас хоть выспимся, а то ночью из-за холода глаз не сомкнуть.

Мы растянулись на лужайке, и вскоре я задремал. Вероятно, я и уснул бы, если бы не муравей, заползший мне в ноздрю. Я приподнялся и зафыркал. Товарищ уже спал. Ворот его гимнастерки был расстегнут, и на холщовой подкладке я увидел вытисненные черной краской буквы: Гр. А. К. К.

«Какое же это училище? — подумал я. — У меня, например, на пряжке пояса буквы: А. Р. У., то есть Арзамасское реальное училище. А здесь Гр., потом А. К. К. — И так я прикладывал и этак — ничего не выходило. — Спрошу, когда проснется», — решил я.

После жирной еды мне захотелось пить. Воды поблизости не было, я решил спуститься на дно оврага, где, по моим предположениям, должен был пробегать ручей. Ручей я нашел, но из-за вязкого берега подойти к нему было трудно. Я пошел вниз, надеясь разыскать более сухое место. По дну оврага, параллельно течению ручья, пролегалла неширокая проселочная дорога. На сырой глине я увидел отпечатки лошадиных подков и свежий конский навоз. Похоже было на то, что утром здесь прогоняли табун.

Наклонившись, чтобы поднять выпущенную из рук палочку, я заметил на дороге какую-то блестящую, втопанную в грязь вещичку. Я поднял ее и вытер. Это была сорванная с зацепки

жестяная красная звездочка, одна из тех непрочных, грубовато сделанных звездочек, которые красными огоньками горели в восемнадцатом году на папахах красноармейцев, на блузах рабочих и большевиков.

«Как она очутилась здесь?» — подумал я, внимательно оглядывая дорогу. И, опять наклонившись, заметил пустую гильзу от трехлинейной винтовки.

Позабыв даже выпить, я понесся обратно к оставшемуся товарищу. Товарищ почему-то не спал и стоял возле куста, осматриваясь по сторонам и, по-видимому, разыскивая меня.

— Красные! — крикнул я во все горло, подбегая к нему сбоку.

Он отпрыгнул согнувшись, как будто сзади него раздался выстрел, и обернулся ко мне с перекошенным от страха лицом.

Но, увидев только одного меня, он выпрямился и сказал сердито, пытаясь объяснить как-нибудь свой испуг:

— Черт... гаркнул под самое ухо...

— Красные,— гордо повторил я.

— Где красные? Откуда?

— Сегодня утром проходили. По всей дороге следы от подков, навоз совсем свежий... Гильза стреляная и это.— Я протянул ему звездочку.

Товарищ облегченно вздохнул:

— Ну, так бы и говорил.— И опять добавил, как бы оправдываясь: — А то кричит... Я черт знает что подумал.

— Идем скорей... идем по той же дороге. Дойдем до первой деревни, они, может быть, там еще отдыхают. Идем же,— торопил я,— чего раздумывать?

— Идем,— согласился он, как мне показалось, после некоторого колебания.— Да, да, конечно, идем.

Он провел рукой по шее, и опять передо мной мелькнули буквы на холщовой подкладке: Гр. А. К. К.

— Слушай,— спросил я,— что означают у тебя эти буквы?

— Какие еще буквы? — недовольно спросил он, наглухо застегиваясь.

— А на воротнике?

— Черт их знает. Это не мой костюм. Я купил его по случаю.

— А-а... А я бы никогда не сказал, что по случаю, — весело, шагая рядом с ним, говорил я. — Костюм как нарочно по тебе сидит. Мне раз мать купила штаны по случаю, так сколько, бывало, ни подтягивай, всё сваливаются.

Чем ближе мы подходили к незнакомой деревеньке, тем чаще и чаще останавливался мой товарищ.

— Нечего торопиться, — убеждал он, — вечером, в сумерках, удобнее подойти будет. В случае если отряда там нет, нас никто не заметит. Пройдем задом, да и только. А то сейчас чужому человеку в незнакомой местности опасно.

Я соглашался с ним, что в сумерках разведать безопаснее, но меня брало нетерпение скорее попасть к своим, и я еле сдерживал шаг.

Не доходя до деревеньки, мой спутник остановился у заросшей кустарником лощины, предложил свернуть с дороги и обсудить, как быть дальше. В кустах он сказал мне:

— Я так думаю, что вдвоем на рожон переть нечего. Давай — один останется здесь, а другой проберется огородами к деревне и разузнает. Меня что-то сомнение берет. Тихо уж очень, и собаки не лают. Красных там, может, и нет, а кулачье с винтовками найдется.

— Давай тогда вдвоем проберемся.

— Вдвоем хуже. Чудак! — И он дружески похлопал меня по плечу. — Ты останься, а я и один как-нибудь управлюсь, а то зачем тебе понапрасну рисковать? Ты ожидай меня здесь.

«Хороший парень, — подумал я, когда он ушел. — Станный немного, а хороший. Иной бы опасное на другого свалил или предложил жребий тянуть, а этот сам идти вызвался».

Вернулся он через час — раньше, чем я ожидал. В руках его

была увесистая, по-видимому только что срезанная и обструганная дубинка.

— Скоро ты! — крикнул я. — Ну что же?

— Нету, — еще издалека замотал он головой. — И нет и не было вовсе! Должно быть, красные завернули на другую дорогу, к Суглинкам, это недалеко отсюда.

— Да хорошо ли ты узнал? — переспросил я упавшим голосом. — Неужели так и нет?

— Так-таки и нет. Мне в крайней избе старуха сказала, да еще мальчишка в огороде попался, тот тоже подтвердил. Видно, брат, заночуем здесь, а завтра дальше вслед.

Я опустил на траву и задумался. И тут-то подкралось ко мне мое первое сомнение в правдивости слов моего спутника. Смutila меня его палка. Палка была тяжелая, дубовая, вырезанная налобком, то есть с шишкой на конце. Видно было, что он вырезал ее только что. До деревни отсюда около часа ходьбы. Если крадучись пробираться да порасспросить и вернуться, тут как раз в два часа еле-еле управишься, а он ходил никак не больше часа и за это время успел еще дубовую палку вырезать и обделать. А над нею одной с перочинным ножом возни не меньше получаса! Неужели он струсил, ничего не разузнал и просидел все время в кустах? Нет, не может быть, он же сам вызвался идти разузнать. Зачем же тогда было ему вызываться? Да он и не похож на труса. Конечно, страшно, нечего и говорить, но ему самому надо ведь как-то выбраться.

Натаскали охапку сухих листьев и улеглись рядом, укрывшись моим пальто. Так лежали молча с полчаса. Сырость от земли начинала холодить бок. «Листьев набрали мало», — подумал я и поднялся.

— Ты чего? — полусонным недовольным голосом спросил товарищ. — Чего тебе не спится?

— Сыро... Ты лежи, я сейчас еще охапки две подброшу...

Рядом листву мы уже подобрали, и я пошел в кусты поближе к дороге. Луна только еще всходила, и в темноте было трудно разобраться. Попадались под руку сучья и ветки. Тихий

стук донесся со стороны дороги. Кто-то не то шел, не то ехал. Бросив охапку и стараясь не задевать веток, я направился к дороге.

По сырой, мягкой земле неторопливо и почти бесшумно продвигалась крестьянская подвода. Разговаривали вполголоса двое.

— Да ведь как сказать,— спокойно говорил один.— Да ведь если разобраться, он, может, и правильно говорил.

— Командир-от? — переспросил другой.— Конечно, может, и правильно. Да кабы они тут постоянно стояли, а то нынче приехали, поговорили — и дальше. А там придут опять наши заправила и хотя бы мне, к примеру, скажут: «Ах, такой-разедакий, ты кулаков показывал, душа из тебя вон!» Красным что... Побыли, а сегодня опять подводы наряжают, а наши-то всегда около. Вот тут и почешу затылок!

— Подводы наряжают?

— А то как же. С вечера стучал Федор, солдат ихний, чтобы, значит, к двенадцати подводу.

Голоса стихли. Я стоял, не зная, что думать. Значит, правда: значит, красные все-таки в деревне. Значит, мой спутник обманул меня. Красные уезжают, а потом ищи их опять. Надо скорее. Но зачем он обманул меня?

Первою мыслью было броситься одному и бежать по дороге в деревню. Но тут я вспомнил, что пальто мое осталось на полянке. «Надо все-таки вернуться, успею еще. Да и этому сказать надо, хоть он и трус, а все-таки свой же».

Сбоку шорох. Я увидел, что мой товарищ выходит из-за кустов. Очевидно, он пошел вслед за мной и, так же спрятавшись, подслушивал разговор проезжавших мужиков.

— Ты что же это?.. — укоризненно и сердито начал было я.

— Идем! — вместо ответа возбужденно проговорил он.

Я сделал шаг в сторону дороги, он — за мной.

Сильный удар дубины сбил меня с ног. Удар был тяжел, хотя его и ослабила моя меховая шапка. Я открыл глаза. Опу-

стившись па корточки, мой спутник торопливо разглядывал при лунном свете вытащенный из кармана моих штанов документ.

«Вот что ему нужно было,— понял я.— Вот оно что: он вовсе не трус, он знал, что в деревне красные, и нарочно не сказал этого, чтобы оставить меня ночевать и обокрасть. Он даже и не повстанец, потому что сам боится кулаков, он — настоящий белый».

Я сделал попытку привстать, с тем чтобы отползти в кусты. Незнакомец заметил это, сунул документы в свою кожаную сумку и подошел ко мне.

— Ты не сдох еще? — холодно спросил он.— Собака, нашел себе товарища! Я бегу на Дон, только не к твоему собачьему Сиверсу, а к генералу Краснову.

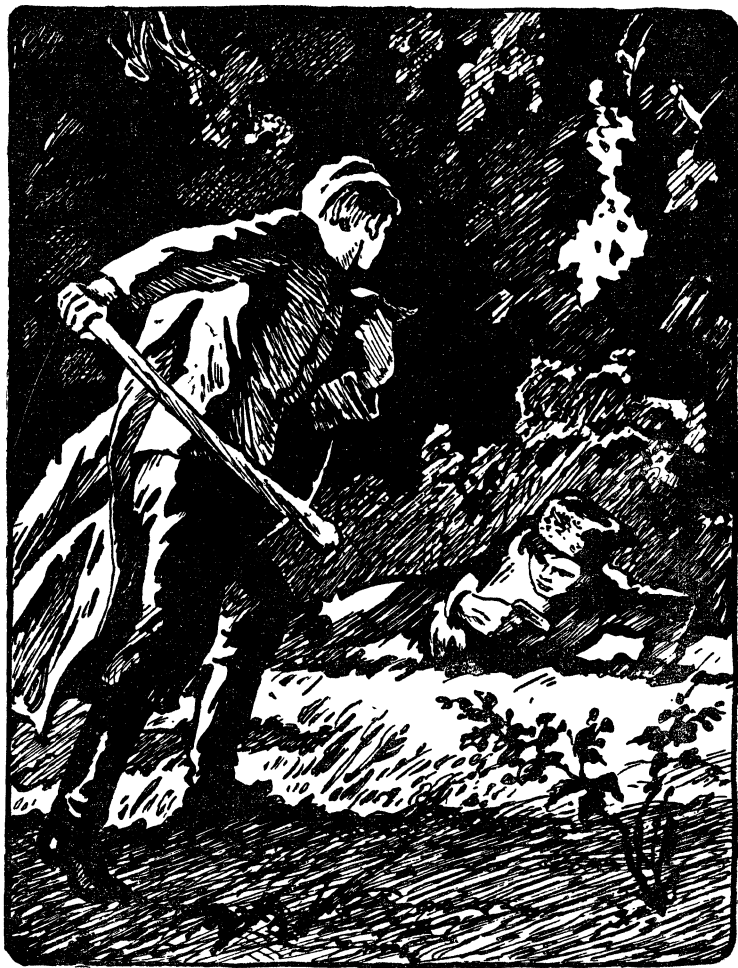
Он стоял в двух шагах от меня и помахивал тяжелой дубиной.

Тук-тук...— стукнуло сердце. Тук-тук...— настойчиво заколотилось оно обо что-то крепкое и твердое. Я лежал на боку, и правая рука моя была на груди. И тут я почувствовал, как мои пальцы осторожно, помимо моей воли, пробираются за пазуху, в потайной карман, где был спрятан маузер.

Если незнакомец даже и заметил движение моей руки, он не обратил на это внимания, потому что не знал ничего про маузер. Я крепко сжал теплую рукоятку и тихонько сдернул предохранитель. В это время мой враг отошел еще шага на три — то ли затем, чтобы лучше оглядеть меня, а вернее всего затем, чтобы с разбегу еще раз оглушить дубиной. Сжав задержавшиеся губы, точно распрямляя затекшую руку, я вынул маузер и направил его в сторону приготовившегося к прыжку человека.

Я видел, как внезапно перекосилось его лицо, слышал, как он крикнул, бросаясь на меня, и скорее машинально, чем по своей воле, я нажал спуск...

Он лежал в двух шагах от меня со сжатыми кулаками, вытянутыми в мою сторону. Дубинка валялась рядом.

Он стоял в двух шагах от меня и помахивал тяжелой дубиной.

«Убит», — понял я и уткнул в траву отупевшую голову, гудевшую, как телефонный столб от ветра.

Так, в полузабытьи, пролежал я долго. Жар спал. Кровь отлила от лица, неожиданно стало холодно, и зубы потихоньку выбивали дробь.

Я приводнялся, посмотрел на протянутые ко мне руки, и мне стало страшно. Ведь это уже всерьез! Все, что происходило в моей жизни раньше, было, в сущности, похоже на игру, даже побег из дома, даже учеба в боевой дружине со славными сормовцами, даже вчерашнее шатанье по лесу, а это уже всерьез. И страшно стало мне, пятнадцатилетнему мальчугану, в черном лесу рядом с по-настоящему убитым мною человеком... Голова перестала шуметь, и холодной росой покрылся лоб.

Подталкиваемый страхом, я поднялся, на цыпочках подкрavшись к убитому, схватил валявшуюся на траве сумку, в которой был мой документ, и задом, не спуская с лежащего глаз, стал пятиться к кустам. Потом обернулся и напролом через кусты побежал к дороге, к деревне, к людям — только бы не остаться больше одному.

Глава третья

У первой хаты меня окликнули:

— Кого черт несет? Эй, хлопец! Да стой же ты, балда этакая!

Из тени от стены хаты отделилась фигура человека с винтовкой и направилась ко мне.

— Куда несешься? Откуда? — спросил дозорный, поворачивая меня лицом к лунному свету.

— К вам... — тяжело дыша, ответил я. — Ведь вы товарищи... Он перебил меня:

— Мы-то товарищи, а ты кто?

— Я тоже... — отрывисто начал было я. И, почувствовав, что не могу отдышаться и продолжать говорить, молча протянул ему сумку.

— Ты тоже? — уже веселее, но еще с недоверием переспросил дозорный. — Ну, пойдем тогда к командиру, коли ты тоже!

Несмотря на поздний час, в деревне не спали. Ржали кони. Скрипели распахиваемые ворота — выезжали крестьянские подводы, и кто-то орал рядом:

— До-ку-кин!.. До-ку-кин!.. Куда ты, черт, делся?

— Чего, Васька, горланишь? — строго спросил мой конвоир, поравнявшись с кричавшим.

— Да Мишку ищу, — рассерженно ответил тот. — Нам сахар на двоих выдали, а ребята говорят, что его с караулом к эшелону вперед отсылают.

— Ну и отдаст завтра.

— Отдаст, дожидайся! Будет утром чай пить и сопьет зараз. Он на сладкое падкий!

Тут говоривший заметил меня и, сразу переменив тон, спросил с любопытством:

— Кого это ты, Чубук, поймал? В штаб ведешь? Ну, веди, веди. Там ему покажут. У, сволочь... — неожиданно выругал он меня и сделал движение, как бы намереваясь подтолкнуть меня концом приклада.

Но мой конвоир отпихнул его и сказал сердито:

— Иди, иди... Тебя тут не касается. Нечего на человека допрежь времени лаять. Вот кобель, ей-богу, истинный кобель!

Дзинь-дзинь!.. Дзик-дзак!.. — послышался металлический лязг сбоку. Человек в черной папахе, при шпорах, с блестящим волочившимся палахом, с деревянной кобурой маузера и нагайкой, перекинутой через руку, выводил коня из ворот.

Рядом шел горнист с трубой.

— Сбор, — сказал человек, занося ногу в стремя.

Та-та-ра-та... тата... — мягко и нежно запела сигнальная труба. — Та-та-та-та-а-а...

— Шебалов, — окрикнул мой провожатый, — погодь! Вот до тебя человека привел.

— На што? — не опуская занесенной в стремя ноги, спросил тот. — Что за человек?

— Говорит, что наш, свой, значит... и документы...

— Некогда мне, — ответил командир, вскакивая на коня. — Ты, Чубук, и сам грамотный, проверь... Коли свой, так отпусти, пусть идет с богом.

— Я никуда не пойду, — заговорил я, испугавшись возможности опять остаться одному. — Я и так два дня один по лесам бегал. Я к вам пришел. И я с вами хочу остаться.

— С нами? — как бы удивляясь, переспросил человек в черной папахе. — Да ты, может, нам и не нужен вовсе!

— Нужен, — упрямо повторил я. — Куда я один пойду?

— А верно ж! Если вправду свой, то куда он один пойдет? — вступился мой конвоир. — Нынче одному здесь прогулки плохие. Ты, Шебалов, не морочь человеку голову, а разберись. Когда врет, так одно дело; а если свой, так нечего от своего отпихиваться. Слазь с жеребца-то, успеешь.

— Чубук! — сурово проговорил командир. — Ты как разговариваешь? Кто этак с начальником разговаривает? Я командир или нет? Командир я, спрашиваю?

— Факт! — спокойно согласился Чубук.

— Ну, так тогда я и без твоих замечаний слезу.

Он соскочил с коня, бросил поводья на ограду и, громыхая палашом, направился в избу.

Только в избе, при свете сальной коптилки, я разглядел его как следует. Бороды и усов не было. Узкое, худощавое лицо его было коряво. Густые белесоватые брови сходились на переносице, из-под них выглядывала пара добродушных глаз, которые он нарочно щурил, очевидно для того, чтобы придать лицу надлежащую суровость. По тому, как долго он читал мой документ и при этом слегка шевелил губами, я понял, что он не особенно грамотен. Прочитав документ, он протянул его Чубуку и сказал с сомнением:

— Ежели не фальшивый документ, то, значит, настоящий. Как ты думаешь, Чубук?

— Ага,— спокойно согласился тот, набивая махоркой кривую трубку.

— Ну, а как ты сюда попал? — спросил командир.

Я начал рассказывать горячо и волнуясь, опасаясь, что мне не поверят. Но, по-видимому, мне поверили, потому что, когда я кончил, командир перестал щурить глаза и, обращаясь к Чубуку, проговорил добродушно:

— А ведь если не врет, то, значит, вправду наш паренек! Как тебе показалось, Чубук?

— Угу,— спокойно подтвердил Чубук, выколачивая пепел о подошву сапога.

— Ну, так что же мы будем с ним делать-то?

— А мы зачислим его в первую роту, и пускай ему Сухарев

даст винтовку, которая осталась от убитого Пашки, — подсказал Чубук.

Командир подумал, постучал пальцами по столу и приказал серьезно:

— Так сведи же его, Чубук, в первую роту и скажи Сухареву, чтобы дал он ему винтовку, которая осталась от убитого Пашки, а также патронов, сколько полагается. Пусть он внесет этого человека в списки нашего революционного отряда.

Дзинь-дзинь!.. Дзик-дзак!.. — лязгнул палаш, шпоры и маузер. Распахнув дверь, командир неторопливо спустился к коню.

— Идем, — сказал солидный Чубук и неожиданно потренил меня по плечу.

Снова труба сигналиста мягко, переливчато запела. Громче зафыркали кони, сильнее закрипели подводы. Почувствовав себя необыкновенно счастливым, я улыбался, шагая к новым товарищам. Всю ночь мы шли. К утру погрузились в ожидавший нас на каком-то полустанке эшелон. К вечеру прицепили ободраный паровоз, и мы покатали дальше, к югу, на помощь отрядам и рабочим дружинам, боровшимся с захватившими Донбасс немцами, гайдамаками и красновцами.

Наш отряд носил гордое название: «Особый отряд революционного пролетариата». Бойцов в нем оказалось немного, человек полтора. Отряд был пеший, но со своей конной разведкой в пятнадцать человек под командой Феди Сырцова. Всем отрядом командовал Шебалов — сапожник, у которого еще пальцы не зажили от порезов дратвой и руки не отмылись от черной краски. Чудной был командир! Ребята относились к нему с уважением, хотя и посмеивались над некоторыми его слабостями. Одной его слабостью была любовь к внешним эффектам: конь был убран красными лентами, шпоры (и где он их только выкопал, в музей, что ли?) были невероятной длины, изогнутые, с зубцами, — такие я видел только на картинках с изображением средневековых рыцарей; длинный никелированный палаш спускался до земли, а в деревянную покрывку маузера была вре-

зана медная пластинка с вытравленным девизом: «Я умру, но и ты, гад, погибнешь!» Говорили, что дома у него осталась жена и трое ребят. Старший уже сам работает. Дезертировав после Февраля с фронта, он сидел и тачал сапоги, а когда юнкера начали громить Кремль, надел праздничный костюм, чужие, только что сшитые на заказ хромовые сапоги, достал на Арбате у дружинников винтовку и с тех пор, как выражался он, «ударился навек в революцию».

Глава четвертая

Через три дня, не доезжая немного до станции Шахтной, отряд спешно выгрузился. Примчался откуда-то молодой парнишка-кавалерист, сунул Шебалову пакет и сказал, улыбаясь, точно сообщая какую-то приятную новость:

— А вчера уйму наших немцы у Краюшкова положили. Беда прямо, какая жара была!

Отряду была дана задача: минуя разбросанные по деревенькам части противника, зайти в тыл и связаться с действующим отрядом донецких шахтеров Бегичева.

— А что же связаться? — недовольно проговорил Шебалов, тыкая пальцем в карту. — Где я тот отряд искать буду? На-ка-ся, написали: между Олешкином и Сосновкой! Ты мне точно место дай, а то «связаться» да еще «между»...

Тут Шебалов выругал штабных начальников, которые ни черта не смыслят в деле, а только горазды приказы писать, и велел скликать ротных командиров. Однако, несмотря на ругань по адресу штабников, Шебалов был доволен тем, что получил самостоятельную задачу и не был подчинен какому-нибудь другому, более многочисленному отряду.

Командиров было трое: бритый и спокойный чех Галда, хмурый унтер Сухарев и двадцатитрехлетний весельчак, гармонист и плясун, бывший пастух Федя Сырцов. Все они расположились на полянке вокруг карты, посреди плотного кольца обступивших красноармейцев.

— Ну,— сказал Шебалов, приподнимая бумагу.— Согласно, значит, полученному мною приказу, приходится идти нам в неприятельский тыл, чтобы действовать вблизи отряда Бегичева, и должны мы выступить сегодня в ночь, минуя и не задевая встречных неприятельских отрядов. Понятно вам это?

— Ну, уж и не задевая! Как же это можно, чтобы не задевая? — с хитровой наивностью спросил Федя Сырцов.

— А так и не задевая,— настороженно повернув голову, ответил Шебалов и показал Феде кулак.— Я тебя, черта, знаю... Я тебе задену! Ты у меня смотри, чтоб без фокусов... Значит, в ночь выступаем,— продолжал он.— Подвод никаких, пулемет и патроны на выюки, чтобы ни шуму, ни грому. Ежели деревенька какая на пути — обходить осторожно, а не рваться до нее, как голодные собаки до падали. Это тебя, Федор, особенно касается. У тебя твои байбаки, ежели хутор хоть в стороне заметят, все им нипочем, так и прут на сметану.

— У мне тоже прут,— сознался чех Галда.— У мне прошлый рас расфедчики катку с сирой теста приносили. Я им говорил: «Защем притащили сирой», а они мне говорили: «На огонь пекать будем...»

Все рассмеялись, и даже Шебалов улыбнулся.

— Это за Дебальцевом еще,— засмеялся рядом со мной Васька Шмаков.— Это он про нас жалуется. Мы в разведку ходили, к казаку попали; богатый казак. Как нас из его халупы стегнули из винтовок, ну, да только все равно мы доперли до хутора, смотрим, а там никого уже. Печь топится, квашня на столе. Мы запалили хутор, квашню с собой забрали; потом вечером на кострах запекли. Вкусное тесто, сдобное... чистый кулич.

— Сожгли хутор? — переспросил я.— Разве можно хутор сжигать?

— Дочиста,— хладнокровно ответил Васька.— Как же нельзя, раз из него по нас хозяева стрельбу открыли? Они, казаки, вредные. Он богатый, ему што — новый строить начнет, чем гайдамачничать.

— А ежели еще больше обозлится и еще больше за это красных ненавидеть будет?

— Больше не будет,— серьезно ответил Васька.— Который богатый, тому больше ненавидеть уже некуда! У нас Петьку Кокшина поймали, так прежде, чем погубить, три дня плетью тиранили. А ты говоришь — больше... Куда же еще больше-то?

Перед ночным походом ребята варили в котелках кашу с салом, пекли на углях картошку, валялись на траве, чистили винтовки и отдыхали. В повозке у ротного Сухарева я увидел лишнюю старую шинель. Подол ее был прожжен, но шинель была еще крепкая и годная к носке. Я попросил ее у Сухарева.

— На што она тебе? — спросил он грубовато.— У тебя ж свое пальто, да еще драповое, мне шинелька самому нужна. Я из нее себе штаны сошью.

— А ты шей из моего,— предложил я,— честное слово... А то все ребята в шинелях, а я черный, как ворона.

— Ну-у!—Тут Сухарев с удивлением посмотрел на меня. Его мужиковатое, топорное лицо расплылось в недоверчивую улыбку.— Сменяешь? Конечно,— быстро заговорил он.— И на самом деле, какой же ты солдат в пальте? И виду никакого вовсе. Шинелька не смотри, что прожжена немного, ее обкоротить можно. А я тебе в придачу серую папаху дам, у меня осталась лишняя.

Мы обменялись с ним, оба довольные своей сделкой. Когда я в форме заправского красноармейца с закинутой за плечо винтовкой отходил от него, он сказал подошедшему Ваське:

— Обязательно, как будет случай, бабе отошлю. Ему на што оно? Стукнет пуля — вот тебе и все пальто спортила, а дома баба куда как рада будет!

Ночью с первого же попавшегося хутора Федя Сырцов добыл двух проводников. Двух, для того чтобы не попал отряд на чужую, вражью дорогу. Проводников разделили порознь, и когда на перекрестках один показывал, что надо брать влево, то спра-

шивали другого, и только в том случае, если направления сходились, сворачивали по указанному пути. Шли сначала лесом по два, поминутно натываясь на передних. Федя Сырцов еще заранее приказал обернуть копыта лошадей портянками. К рассвету свернули с дороги в рощу. Выбрались на поляну и решили отдыхать: дальше при свете двигаться было опасно. Возле дороги, в гуще малинника, оставили секрет, а к полудню западный ветер донес густые раскаты артиллерийской перестрелки.

Мимо прошел озабоченный Шебалов. Рядом упругой, крепкой походкой шагал Федя и быстро говорил что-то командиру. Остановились возле Сухарева.

До меня долетели слова:

— Разведка по оврагу.

— Конных?

— Конных нельзя, заметно слишком. Пошли трех своих, Сухарев.

— Чубук,— негромко, как бы спрашивая, сказал Шебалов,— ты за старшего пойдешь. С собой Шмакова возьми и еще выбери какого-нибудь понадежнее.

— Возьми меня, Чубук,— тихо попросил я.— Я буду очень надежным.

— Возьми Симку Горшкова,— предложил Сухарев.

— Меня, Чубук,— зашептал я опять,— возьми меня... Я буду самый надежный.

— Угу! — сказал Чубук и мотнул головой.

Я вскочил, едва не завизжав, потому что сам не верил в то, что меня возьмут на такое серьезное дело. Пристегнув подсумок и вскинув винтовку на плечо, остановился, смущенный пристальным, недоверчивым взглядом Сухарева.

— Зачем его берешь? — спросил он Чубука.— Он тебе все дело испортить может — возьми Симку.

— Симку? — переспросил, как бы раздумывая, Чубук и, чиркая спичкой, закурил.

«Дурак! — бледнея от обиды и ненависти к Сухареву, прошептал я про себя.— Как он может при всех так отзываться

обо мне? А не возьмут, так я нарочно сам проберусь... Нарочно до самой деревни, все разузнаю и вернусь. Пусть тогда Сухарев сдохнет от досады!»

Чубук закурил, хлопнул затвором, вложил в магазин четыре патрона, пятый дослал в ствол и, поставив на предохранитель, сказал равнодушно, точно не чувствуя, как важно для меня его решение:

— Симку? Что ж, можно и Симку.— Он поправил патрон-таш и, взглянув на мое побледневшее лицо, неожиданно улыбнулся и сказал грубовато: — Да что ж Симку... Он... и этот постареется, коли у него есть охота. Пошли, парень!

Я кинулся к опушке.

— Стой! — строго остановил меня Чубук.— Не жеребцуй, это тебе не на прогулку. Бомба у тебя есть? Нету? Возьми у меня одну. Погоди, да не суй ее в карман рукояткой, станешь вынимать, кольцо сдернешь. Суй запалом вниз. Ну, так. Эх ты,— добавил он уже мягко,— белая горячка!

Глава пятая

— Пробирайся по правому скату,— приказал Чубук.— Шмаков пойдет по левому, я — вниз посередке. Как что заметите, так мне знак подавайте.

Мы стали медленно продвигаться. Через полчаса на краю левого ската, чуть-чуть позади, я увидел Шмакова. Он шел согнувшись, немного выставив голову вперед. Обыкновенно добродушно-плутоватое, лицо его было сейчас серьезно и зло.

Овраг сделал изгиб, и я потерял из виду и Шмакова и Чубука. Я знал, что они где-то здесь, неподалеку, так же как и я, продвигаются, укрываясь за кусты, и сознание того, что, несмотря на кажущуюся разрозненность, мы крепко связаны общей задачей и опасностью, подкрепляло меня. Овраг расширился. Заросли пошли гуще. Опять поворот, и я пластом упал на землю.

По широкой, вымощенной камнем дороге, пролежавшей всего в сотне шагов от правого ската, двигался большой кавалерийский отряд. Воронье, на подбор сытые кони бодро шагали под всадниками; впереди ехали три или четыре офицера. Как раз напротив меня отряд остановился, командир вынул карту и стал рассматривать ее.

Пятясь задом, я полз вниз и обернулся, отыскивая взглядом Чубука, с тем чтобы скорее подать ему условный сигнал.

Было страшно, но все-таки успела промелькнуть горделивая мысль, что я недаром пошел в разведку, что не кто-нибудь другой, а я первый открыл неприятеля.

«Где же Чубук? — подумал я с тревогой, поспешно оглядываясь по сторонам. — Что же это он?» Я уже хотел скатиться вниз и разыскать его, как внимание мое привлек чуть шевелившийся куст на левом скате оврага.

С противоположного ската, осторожно высунувшись из-за ветвей, Васька Шмаков подавал мне рукой какие-то непонятные, но тревожные сигналы, указывая на дно оврага.

Сначала я думал, что он приказывает мне спуститься вниз, но, следуя взглядом по направлению его руки, я тихонько ахнул и поджал голову.

По густо разросшемуся дну оврага шел белый солдат и вел в поводу лошадь. То ли он искал водооя, то ли это был один из дозорных флангового разъезда, охраняющего движение колонны, но это был враг, вклинившийся в расположение нашей разведки. Я не знал теперь, что мне делать. Всадник скрылся за кустами. Мне виден был только Васька. Но Ваське, очевидно, с противоположной стороны было видно еще что-то, скрытое от меня.

Он стоял на одном колене, упершись прикладом в землю, и держал вытянутую в мою сторону руку, предупреждая, чтобы я не двигался, и в то же время смотрел вниз, приготовившись прыгнуть.

Топот, раздавшийся справа от меня, заставил меня обернуться. Кавалерийский отряд свернул на проселочную дорогу и взял

рысь. В тот же момент Васька широко махнул мне рукой и сильным прыжком прямо через кусты кинулся вниз. Я тоже. Скатившись на дно оврага, я рванулся вправо и увидел, что возле одного из кустов кубарем катаются два сцепившихся человека. В одном из них я узнал Чубука, в другом — неприятельского солдата.

Не помню даже, как я очутился возле них. Чубук был внизу, он держал за руки белого, пытавшегося вытащить из кобуры револьвер. Вместо того чтобы сшибить врага ударом приклада, я растерялся, бросил винтовку и потащил его за ноги, но он был тяжел и отпихнул меня. Я упал навзничь и, ухватившись за его руку, укусил ему палец. Белый вскрикнул и отдернул руку. Вдруг кусты с шумом раздвинулись, появился до пояса мокрый Васька и четким учебным приемом на скаку сбил солдата прикладом.

Откашливаясь и отплевываясь, Чубук поднялся с травы.

— Васька! — хрипло и отрывисто сказал он и показал рукой на щипавшего траву коня.

— Ага,— ответил Васька и, схватив тащившийся по земле повод, дернул его к себе.

— С собой,— так же быстро проговорил Чубук, указывая на оглушенного гайдамака.

Васька понял его.

— Вяжи руки!

Чубук поднял мою винтовку, двумя взмахами штыка перерезал ружейный ремень и крепко стянул им локти еще не очнувшегося солдата.

— Бери за ноги! — крикнул он мне.— Живее, шкура! — выругался он, заметив мое замешательство.

Перевалили пленника через спину лошади. Васька вскочил в седло, не сказав ни слова, стегнул коня нагайкой и помчался назад по неровному дну оврага.

— Сюда! — прохрипел мне багровый и потный Чубук, дергая меня за руку.— Кати за мной!

И, цепляясь за сучья, он полез наверх.

— Стой,— сказал он, останавливаясь почти у края,— сиди!

Только-только успели мы притаиться за кустами, как внизу показалось сразу пятеро всадников. Очевидно, это и было ядро флангового разбега. Всадники остановились оглядываясь; очевидно, они искали своего товарища. Громкие ругательства понеслись снизу. Все пятеро сорвали с плеч карабины. Один соскочил с коня и поднял что-то. Это была шапка солдата, впопыхах оставленная нами на траве. Кавалеристы тревожно заговорили, и один из них, по-видимому старший, протянул руку вперед.

«Догонят Ваську,— подумал я,— у него ноша тяжелая. Их пятеро, а он один».

— Бросай вниз бомбу! — услышал я приказание и увидел, как в руке Чубука блеснуло что-то и полетело вниз.

Тупой грохот ошелолил меня.

— Бросай! — крикнул Чубук и тотчас же рванул мою занесенную руку, выхватил мою бомбу и, щелкнув предохранителем, швырнул ее вниз.— Дура! — рывкнул он мне, совершенно оглушенному взрывами и ошарашенному быстрой сменой неожиданных опасностей.— Дура! Кольцо снял, а предохранитель оставил!

Мы бежали по свежевспаханному вязкому огороду. Белые, очевидно, не могли через кусты верхами вынестись по скату наверх и, наверно, выбирались спешившись. Мы успели добежать до другого оврага, завернули в одно из ответвлений, опять побежали по полю, затем попали в перелесок и ударились напрямик в чащу. Далеко, где-то сзади, слышались выстрелы.

— Не Ваську нагнали? — дрогнувшим, чужим голосом спросил я.

— Нет,— ответил Чубук прислушиваясь,— это так... после времени досаду срывают. Ну, понатужься, парень, прибавим еще ходу! Теперь мы им все следы запутаем.

Мы шли молча. Мне казалось, что Чубук сердится и презира-

*Васька вскочил в седло, не сказав ни слова, стегнул коня
нагайкой и помчался назад по неровному дну оврага.*

ет меня за то, что я, испугавшись, выронил винтовку и по-мальчишески нелепо укусил солдата за палец, что у меня дрожали руки, когда взваливали пленника на лошадь, и, главное, за то, что я растерялся и не сумел даже бросить бомбу. Еще стыднее и горше становилось мне при мысли о том, что Чубук расскажет обо мне в отряде и Сухарев обязательно поучительно вставит: «Говорил я тебе, не связывайся с ним; взял бы Симку, а то нашел кого!» Слезы обиды и злости на себя, на свою трусость вот-вот готовы были пролиться из глаз.

Чубук остановился, вынул кисет с махоркой, и, пока он набивал трубку, я заметил, что пальцы Чубука тоже чуть-чуть дрожат. Он закурил, затянулся несколько раз с такой жадностью, как будто пил холодную воду, потом сунул кисет в карман, потрепал меня по плечу и сказал просто и задорно:

— Что... живы, брат, остались? Ничего, Бориска, парень ты ничего. Как это ты его за руку зубами тяпнул! — И Чубук добродушно засмеялся. — Прямо как чистый волчонок тяпнул. Что ж, не всё одной винтовкой — на войне, брат, и зубы пригодиться могут!

— А бомбу... — виновато пробормотал я. — Как же это я ее с предохранителем хотел?

— Бомбу? — улыбнулся Чубук. — Это, брат, не ты один, это почти каждый непривыкший обязательно неладно кинет: либо с предохранителем, либо вовсе без капсюля. Я, когда сам молодой был, так же бросал. Ошалеешь, обалдеешь, так тут не то что предохранитель, а и кольцо-то сдернуть позабудешь. Так вроде бы как булыжником запустишь — и то ладно. Ну, пошли... Идти-то нам еще далеко!

Дальнейший путь до стоянки отряда мы прошли и легко и без усталости. На душе было спокойно и торжественно, как после школьного экзамена. Никогда ничего обидного больше Сухарев обо мне не скажет.

...Доскакавши до стоянки отряда, Васька сдал оглушенного пленника командиру. К рассвету белый очухался и показал на допросе, что полотно железной дороги, которое нам надо было пересекать, охраняет бронепоезд, на полустанке стоит немецкий батальон, а в Глуховке расквартирован белогвардейский отряд под командой капитана Жихарева.

Яркая зелень пахнула распустившейся черемухой. Отдохнувшие ребята были бодры и казались даже беззаботными. Вернулся из разведки Федя Сырцов со своими развеселыми кавалеристами и сообщил, что впереди никого нет и в ближайшей деревеньке мужики стоят за красных, потому что третьего дня вернулся в деревню бежавший в начале октября помещик и ходил с солдатами по избам, разыскивая добро из своего имения. Всех, у кого дома нашли барские вещи, секли на площади перед церковью жестче, чем в крепостное время, и потому приходу красных крестьяне будут только рады.

Напившись и закусив шматком сала, я поднялся и направился туда, где возле пленника толпилась кучка красноармейцев.

— Эгей! — приветливо крикнул мне встретившийся Васька Шмаков, вытирая рукавом шинели лицо, взмокшее после осушенного котелка кипятку. — Ты что же это, брат, вчера-то, а?

— Что вчера?

— Да винтовку-то кинул.

— А ты чего первый со ската прыгнул, а после меня на помощь прибежал? — задорно огрызнулся я.

— Я, брат, как сигнул, да прямо в болото, насилу ноги вытащил, оттого и после. А ловко мы все-таки... Я как слышал, что сзади дернули бомбой, ну, думаю, каюк вам с Чубуком. Ей-богу, так и думал — каюк. Прискакал к своим и говорю: «Влопались наши, должно, не выберутся». А сам про себя еще подумал: «Вот, мол... не хотел мне сумку сменять, а теперь она белым задаром достанется!» Хорошая у тебя сумка. — И он потрогал перекинутый через плечо ремень плоской сумочки, которую я захватил еще у убитого мною незнакомца. — Ну и наплевать на

твою сумку, если не хочешь сменять,— добавил он.— У меня прошлый месяц еще почище была, только продал ее, а то подумаешь какой, сумкой зазнался! — И он презрительно шмыгнул носом.

Я смотрел на Ваську и удивлялся: такое у него было глуповатое красное лицо, такие развихлястые движения, что никак не похоже было на то, что это он вчера с такой ловкостью полз по кустам, выслеживал белых, и с яростью стегал непослушного коня, когда мчался с прихваченным к седлу пленником.

Красноармейцы суетились, заканчивая завтрак, застегивали гимнастерки, оборачивали портянками отдохнувшие ноги. Вскоре отряд должен был выступить.

Я был уже готов к походу и поэтому пошел к опушке посмотреть на распутившиеся кусты черемухи. Шаги, раздавшиеся сбоку, привлекли мое внимание. Я увидел захваченного гайдамака, позади него трех товарищей и Чубука.

«Куда это они идут?» — подумал я, оглядывая хмурого расстрепанного пленника.

— Стой! — скомандовал Чубук, и все остановились.

Взглянув на белого и на Чубука, я понял, зачем сюда привели пленного; с трудом отдирая ноги, побежал в сторону и остановился, крепко ухватившись за ствол березки.

Позади коротко и деловито прозвучал залп.

— Мальчик,— сказал мне Чубук строго и в то же время с оттенком легкого сожаления,— если ты думаешь, что война — это вроде игры или прогулки по красивым местам, то лучше уходи обратно домой! Белый — это есть белый, и нет между нами и ними никакой средней линии. Они нас стреляют — и мы их жалеть не будем!

Я поднял на него покрасневшие глаза и сказал ему тихо, но твердо:

— Я не пойду домой, Чубук, это просто от неожиданности. А я красный, я сам шел воевать... — тут я запнулся и тихо, как бы извиняясь, добавил: — за светлое царство социализма.

Мир между Россией и Германией был давно уже подписан, но, несмотря на это, немцы наводнили своими войсками Украину, вперлись и в Донбасс, помогая белым формировать отряды. Огнем и дымом дышали буйные весенние ветры.

Наш отряд, подобно десяткам других партизанских отрядов, действовал в тылу почти самостоятельно, на свой страх и риск. Днями скрывались мы по полям и оврагам или отдыхали, раскинувшись у глухого хутора; ночами делали налеты на полустанки с небольшими гарнизонами. Выставляя засады на проселочную дорогу, нападали на вражеские обозы, перехватывали военные донесения и разгоняли фуражиров.

Но та поспешность, с которой мы убирались прочь от крупных неприятельских отрядов, и постоянное стремление уклониться от открытого боя казались мне сначала постыдными. На самом деле, прошло уже полтора месяца, как я был в отряде, а я еще не участвовал ни в одном настоящем бою. Перестрелки были. Набеги на сонных или отбившихся белых были. Сколько проводов было перерезано, сколько телеграфных столбов спилено — и не счесть, а боя настоящего еще не было.

— На то мы и партизаны, — ничуть не смущаясь, заявил мне Чубук, когда я высказал свое удивление по поводу такого некрасивого, на мой взгляд, поведения отряда. — Тебе бы, милый, как на картине, выстроиться в колонну, винтовки наперевес, и попер. Вот, мол, смотрите, какие мы храбрые! У нас сколько пулеметов? Один, да и к тому же всего три ленты. А вон у Жихарева четыре «максима» да два орудия. Куда же ты на них попрешь? Мы должны на другом брать. Мы, партизаны, как осы: маленькие, да колючие. Налетели, покусали, да и прочь. А храбрость такая, чтоб для показа, — она нам ни к чему сейчас; это не храбрость выходит, а дурость!

Многих ребят я узнал за это время. Ночами в караулах, вечером у костра, в полуденную ленивую жару под вишнями ме-

довых садов много услышал я рассказов о жизни своих товарищей.

Всегда хмурый, насупившийся Малыгин, с одним глазом — второй был выбит взрывом в шахте, — рассказывал:

— Про жизнь свою говорить мне нечего. Одним словом, серьезная была жизнь. Жизнь у меня за все последние двадцать годов на три равные части разделена была. В шесть утра встать. Башка трещит от вчерашнего; надел шматки, получил лампу и ухнул в шахту. Там, знай свое, забурил, вставил динамит и грохай. Грохаешь, грохаешь, оглохнешь, отупеешь — и к стволу на подъем. Выкинет тебя наверх, как черта, мокрого, черного. Это первая часть моей жизни. А потом идешь в казенку, взял бутылку — денег с тебя не спрашивают: контора заплатит. Потом в хозяйскую лавку; там показал бутылку, и выдают тебе оттуда без разговора два соленых огурца, ситного и селедки. Это уж на бутылку такая порция полагалась! Закусывайте на здоровье — контора вычтет. Вот тебе вторая часть моей жизни. А третья — ляжешь спать и спишь. Спал я крепко, пуще водки любил я спать — за сны любил. Что такое сон, до сего времени не понимаю. И с чего бы это такое странное привидеться может? Вот, например, снится мне один раз, что призывает меня штейгер и говорит: «Ступай, Малыгин, в контору и получи расчет». — «За что же, — говорю я ему, — господин штейгер, мне расчет?» — «А за то, — говорит, — тебе, Малыгин, расчет, что замышляешь ты на директоровой дочке жениться». — «Что вы, — говорю я ему, — господин штейгер, слуханное ли это дело, чтобы шахтер-запальщик на директоровой дочке женился? Где же, — говорю, — мне на директоровой, когда за меня и простая-то девка не каждая из-за выбитого глаза пойдет!» Тут смешалось все, спуталось, штейгер вдруг оказывается не штейгер, а будто жеребец директорский, запряженный в ихнюю коляску. Выходит из той коляски сам директор, вежливо кланяется мне и говорит: «Вот, запальщик Малыгин, возьми в жены мою дочку и приданого десять тысяч и штейгера, то есть жеребца, с коляской». Обомлел я от радости, только было хотел подойти, как уда-

рит меня директор тростью, да еще, да еще, а штейгер ну топтать копытами и ржать... «Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!.. Вот чего захотел!» И бьет и бьет копытами. Так злобно бил, что даже закричал я во сне на всю казарму. И кто-то взаправду в бок меня двинул, чтобы не орал и людей ночью не тревожил.

— Ну уж и сон! — засмеялся Федя Сырцов. — Видно, просто палил ты глаза на хозяйскую барышню, вот и приснилось. Мне так всегда: про что на ночь думаю, то и снится. Вот сапог третьего дня не успел я с убитого немца снять. Сапог хороший, шевровый, так каждую ночь он мне снится!

— Сапог!.. Сам ты сапог! — рассердившись, ответил Малыгин. — Я ее, дочку-то, один раз за год до того и видел всего. Лежал я пьяный в канаве. Идет она с мамашей пешком возле огородов по тропе, а лошади ихние рядом идут. Мамаша — важная барыня... седая, подошла ко мне и спрашивает: «Как вам не стыдно пить? Где у вас человеческий облик? Вспомнили бы бога». — «Извиняюсь, — говорю я, — облика действительно нет, оттого и пью».

Сжалилась тогда надо мною ихняя мамаша, сует мне в руки гривенник и наставляет: «Посмотрите, мужичок: природа кругом ликует, солнце светит, птички поют, а вы пьянствуете. Пойдите, купите себе содовой воды, протрезвитесь». Тут зло меня разобрало. «Я, — говорю ей, — не мужичок, а рабочий с ваших шахт. Природа пускай ликует, и вы ликуйте на доброе здоровье, а мне ликовать не с чего. Содовой же воды в жизни не пил, и если хотите сделать доброе дело — добавьте еще гривенник до полбутылки, а я за нашу приятную встречу с благодарностью опохмелюсь». — «Хам, — говорит мне тогда благородная женщина, — хам! Завтра я скажу мужу, чтобы вас отсюда, с рудников, уволили». Сели они с дочкой в коляску и уехали. Вот только и было у меня с ней разговору, а дочка вовсе, пока мы говорили, отвернувшись стояла, а ты говоришь — палил!

— Что ж во сне-то! — усмехнулся Федя Сырцов. — А хотите, я вам расскажу, какой со мной и с одной графиней случай был? Ей-богу, из-за этого случая я, можно сказать, и в револю-

цию ударился. Такой случай — ежели вам рассказать, то и ушами захлопаете.

Тут Федя тряхнул чубатой головой и зажмурил глаза, как кот, выбравшийся из хозяйской кладовой.

— Врать будешь, Федька? — подсаживаясь поближе, с любопытством и недоверием спросил Васька Шмаков.

— Это уже твое дело, хочешь — верь, хочешь — нет, документов я тебе предъявлять не буду.

Федя потянулся, покачал головой, как бы раздумывая, стоит ли еще рассказывать или нет, и, прищелкнув языком, начал решительно:

— Было это три года тому назад. А парень я — нечего говорить об этом — красивый был, лучше еще, чем сейчас. И такая судьба моя вышла, что пришлось мне наняться в подпаски при графской экономии. А у графа нашего жена была, звали ее Эмилия, и гувернантка Анна, то есть по-ихнему Жанет.

Вот однажды сиюю я возле стада у пруда и вижу: идут обе, зонтиками от солнца загораживаются. У графини белый зонтик, а у Жанет — красный. А была та Жанет похожа на сушеную тарань, тощая, очки на носу, и когда идет, бывало, по деревне, то платком нос прикрывает, чтобы, значит, от навозного духу голова не заболела. Надо вам сказать, что был у меня в стаде бык, настоящий симментал — порода такая, огромный. Как увидел мой бык красный зонтик да как попер полным ходом на Жанет! Я вскочил и во весь мах наперескок. Обе барыни закричали. Графиня — в кусты, а Жанет некуда деваться, и она со страху в воду сиганула. Симментал до нее рвется, а она, дура, нет, чтобы бросить зонтик, закрывается им от быка — тоже нашла защиту! — и визжит при этом что-то по-немецки там или по-французски — кто ее разберет. Я как ухну в воду, вырвал у нее зонтик да в морду симменталу. Он разъярился — за мной, я отплыл до середины и бросил зонтик, а сам на другой берег и в кусты. Тут пастухи набежали: крик, гам, быка загоняют, вытащили Жанет из тины, а с ней на берегу обморок случился.

Федька тяжело дышал, как будто только сейчас спасся от

быка, прищелкнул языком и хотел было продолжать, но в это время с крыльца хутора послышался окрик:

— Федор... Сыр-цов! Иди до командира.

— Сейчас,— отмахнулся недовольно Федя и, улыбнувшись, продолжал: — Пока Жанет отходила, подходит ко мне графиня Эмилия, белая, на глазах слезы и в груди волнение. «Юноша,— говорит,— кто ты?» — «А я,— говорю ей,— ваше сиятельство, подпасок, зовут меня Федором, а фамилия моя — Сырцов». Тогда вздохнула графиня и говорит мне: «Теодор,— это то есть, по-ихнему, Федор,— Теодор, подойди сюда ко мне поближе».

Что еще сказала Феде графиня и какое отношение имел этот случай к тому, что он впоследствии ушел к красным, в этот раз дослушать мне не пришлось, потому что рядом послышался звон шпор, и рассерженный Шебалов очутился за спиной.

— Федор,— сурово спросил он, останавливаясь и облакаясь на палаш,— ты слышал, что я тебя зову?

— Слышал,— буркнул Федя приподнимаясь.— Ну, что еще?

— Как это «ну, что еще»? Должен ты идти, когда тебя командир требует?

— Слушаю, ваше благородие! Чего изволите? — вместо ответа насмешливо огрызнулся Федя.

Но обыкновенно податливого и мягкого Шебалова на этот раз всерьез задело Федино замечание.

— Я тебе не ваше благородие,— серьезно и огорченно сказал он,— я тебе не благородие, и ты мне не нижний чин. Но я командир отряда и должен требовать, чтобы меня слушались. Мужики сейчас с Темлюкова хутора приходили.

— Ну? — Черные глаза Феде виновато и блудливо забегали по сторонам.

— Жаловались. Говорили: «Приезжали вот ваши разведчики. Мы, конечно, обрадовались: свои, мол, товарищи. Старший ихний, черный такой, сходку устроил за поддержку советской власти, про землю говорил и про помещиков. А мы пока слушали да резолюцию выносили, его ребята давай по погребам сме-

тану шарить да кур ловить». Что же это такое, Федор, а? Ты, может, ошибся малость, ты, может, лучше к гайдамакам пошел бы — у них это заведено, а у меня в отряде этакое безобразия не должно быть!

Федя презрительно молчал и, опустив глаза, постукивал копчиком нагайки о конец своего сапога.

— Я тебе последний раз говорю, Федор,— продолжал Шебалов, теребя пальцем красный темляк блистательного палаша.— Я тебе не благородие, а сапожник и простой человек, но, покуда меня назначили командиром, я требую твоего послушания. И последний раз перед всеми обещаю, что если и дальше так будет, то не посмотрю я на то, что хороший боец ты и товарищ, а выгоню из отряда!

Федя вызывающе посмотрел на Шебалова, повел взглядом по столпившимся вокруг красноармейцам и, не найдя ни в ком поддержки, за исключением трех-четырех кавалеристов, одобрительно улыбнувшихся ему, еще больше озлобился и ответил Шебалову с плохо скрываемой злобой:

— Смотри, Шебалов, ты не очень-то людьми расшвыривайся, нынче люди дороги!

— Выгоню,— тихо проговорил Шебалов и, опустив голову, неторопливо пошел к крыльцу.

У меня остался нехороший осадок от разговора Шебалова с Сырцовым. Я знал, что Шебалов прав, а все-таки был на стороне Феди. «Ну, скажи ему,— думал я,— а нельзя же грозить».

Федя у нас один из лучших бойцов, и всегда он веселый, задорный. Если нужно разузнать что-либо, сделать неожиданный налет на фуражиров, подобраться к охраняемому белыми помещицкому имению, всегда Федя найдет удобную дорогу, проберется скрытно кривыми оврагами, задами.

Любил Федя подкрасться тихо, чтобы не стучали подковы, чтобы не звякали шпоры, чтобы кони не ржали, а не то кулаком по лошадиной морде, чтобы всадники не шушукались, а не то без разговоров плетью по спине. Не ржали Федины приученные

кони, не шушукались приросшие к седлам всадники; сам Федя впереди разведки, немного пригнувшийся к косматой гриве своего иноходца, был похож на хищного ящера, скользящими изгибами подбирающегося к запутавшейся в траве жирной мухе.

Но зато, когда уже спохватится вражий караул и поднимет ошалелую тревогу, не успеет еще врасплох захваченный белый штаны натянуть, не успеет полусонный пулеметчик ленту заправить, как катится с треском винтовочных выстрелов, с грохотом разбрасываемых бомб, с гиканьем и свистом маленький упругий отряд. Тогда шум и грохот любил Федя. Пусть пули, выпущенные на скаку, летят мимо цели, пусть бомба брошена в траву и впустую разорвалась, заставив взметнуться чуть ли не на трубы крыш обалделых кур и жирных гусakov. Было бы побольше грома, побольше паники! Пусть покажется ошарашенному врагу, что неисчислимая сила красных ворвалась в деревеньку. Пусть задрожат пальцы, закладывающие обойму, пусть подавится перекошенною лентою наспех выкаченный пулемет и, главное, пусть вылетит из халупы один, другой солдат и, еще не разглядев ничего, еще не опомнившись от сна, выронит винтовку и заорет одурело и бессмысленно, шарахаясь к забору:

— Окру-жи-ли!.. Красные окружили!

И тогда-то бомбы за пояс, винтовки за спину — и пошли молчаливо работать холодные, до звона отточенные шашки распаленных удачей Фединых разведчиков. Вот каков был у нас Федя Сырцов. «И разве можно,— думал я,— из-за каких-то кур и сметаны выгонять такого неоцененного бойца из отряда?»

...Не успел я еще толком опомниться от размышлений по поводу ссоры Феде с Шебаловым, как с крыши хаты закричал Чубук, сидевший наблюдателем, что по дороге на хутор движется большой пеший отряд. Забегали, закружились красноармейцы. Казалось, никакому командиру не удастся привести в порядок эту взбудораженную массу. Никто не дожидался приказаний, и каждый заранее знал уже, что ему делать. Поодиночке, на ходу проверяя патроны в магазинах, дожевывая куски недоеденного

завтрака, низко пригибаясь, пробежали ребята из первой роты Галды к окраине хутора и, бухаясь наземь, образовывали все гуще и гуще заполнявшуюся цепочку. Подтягивали подпругн, взнуздывали, развязывали, а иногда и ударом клинка разрезали пути на ногах у коней разведчики. Пулеметчики стаскивали с тачанки «кольт» и ленты. Вслед за красным, потным Сухаревым побежали по тропке красноармейцы второй роты на опушку рощи. Еще минута, другая — и все стихло. Вот уже сошел с крыльца Шебалов, на ходу приказывая что-то Феде. И Федя мотнул головой: ладно, говорит, будет сделано. Вот уже захлопнулись ставни, и полез хозяин хутора с бабами, ребятишками и погреб.

— Стой,— сказал мне Шебалов.— Останься здесь. Лезай к Чубуку на крышу: что ему оттуда видно будет, передавай на опушку мне! Да скажи ему, чтобы поглядывал он вправо, на Хамурскую дорогу, не будет ли оттуда чего.

Раз, два, дзик, дзак... Крякнула лениво греющаяся на солнце утка; задрав перепачканный колесным дегтем хвост, беспечно-торжествующе заорал с забора оранжевый петух. Когда он смолк, тяжело хлопая крыльями, бултыхнулся и утонул в гуще пыльных лопухов, стало совсем тихо на хуторе, так тихо, что выплыло из тишины до сих пор неслышимое журчанье солнечного жаворонка и однотонный звон пчел, собиравших с цветов капли разогретого душистого меда.

— Ты чего? — не оборачиваясь, спросил Чубук, когда я залез на соломенную крышу.

— Шебалов прислал тебе на помощь.

— Ладно, сиди, да не высовывайся.

— Смотри вправо, Чубук,— передал я приказание Шебалова,— смотри, нет ли чего на Хамурской дороге.

— Сиди,— коротко ответил он и, сняв шапку, высунул из-за трубы свою большую голову.

Вражьего отряда не было видно: он скрылся в ложине, но вот-вот он должен был показаться опять.

Солома на крыше была скользкая, и, чтобы не скатиться

вниз, я, стараясь не ворочаться, носком расшвыривал себе уступ, на который можно было бы опереться. Голова Чубука была почти у моего лица. И тут я впервые заметил, что сквозь его черные жесткие волосы кое-где пробивается седина. «Неужели он уже старый?» — удивился я.

Отчего-то мне показалось странным, что вот Чубук уже пожилой, и седина, и морщины возле глаз, а сидит тут, рядом со мной, на крыше и, неуклюже раздвинув ноги, чтобы не сползти, высовывает из-за трубы большую взлохмаченную голову.

— Чубук! — окликнул я его шепотом.

— Что тебе?

— Чубук... А ты ведь старый уже, — сам не зная к чему, сказал я.

— Ду-ура... — рассерженно обернулся Чубук. — Чего ты языком барабанишь?

Тут Чубук опустил голову на солому и подался туловищем назад. Из лощины поднимался отряд. Я чувствовал, как беспокойство овладевает Чубуком. Он смущенно задышал и заворочался.

— Борис, смотри-ка!

— Вижу.

— Беги вниз и скажи Шебалову — вышли, мол, из лощины, но скажи ему — подозрительно что-то; сначала шли походной колонной, а пока в лощине были, развернулись повзводно. Ну, так вот, понял теперь: с чего бы им повзводно? Может быть, они знают уже, что мы на хutore? Крой скорей и обратно!

Я выдернул носок из ямки, вырытой в соломе, и, скатившись вниз, бухнулся на толстую свинью, с визгом шарахнувшуюся прочь. Разыскал Шебалова. Он стоял за деревом и смотрел в бинокль. Я передал ему то, что велел Чубук.

— Вижу, — ответил Шебалов таким тоном, точно я его обидел чем-то, — сам вижу.

Я понял, что он просто раздражен неожиданным маневром противника.

— Беги обратно, и не слезайте, а смотрите больше на фланг, на Хамурскую дорогу.

Добежав до пустого двора, я полез на сухой плетень, чтобы оттуда взобраться на крышу.

— Солдатик! — услышал я чей-то шепот.

Я испуганно обернулся, не понимая, кто и откуда зовет меня.

— Солдатик! — повторил тот же голос.

И тут я увидел, что дверь погреба приоткрыта и оттуда высунулась голова бабы, хозяйки хутора.

— Что,— спросила она шепотом,— идут?

— Идут,— ответил я также шепотом.

— А как... только с пулеметами или орудия есть? — Тут баба быстро перекрестилась.— Господи, хоть бы только с пулеметами, а то ведь из орудиев начисто разобьют хату.

Не успел я ей ответить, как раздался выстрел и невидимая пуля где-то высоко в небе запела звонко: тию-уу...

Голова бабы исчезла, дверка погреба захлопнулась. «Начинается»,— подумал я, чувствуя прилив того болезненного возбуждения, которое овладевает человеком перед боем, не тогда, когда уже грохочут выстрелы, злятся, звенят россыпи пулемет-

ных очередей и торжественно бухают ввязавшиеся в бой батареи, а когда еще ничего нет, когда все опасное еще впереди... «Ну,— думаешь,— почему же так тихо, так долго? Хоть бы скорей уже начиналось».

Тии-уу... — взвизгнуло второй раз.

Но ничего еще не начиналось. Вероятно, белые подозревали, но не знали наверное, занят ли хутор красными, и дали два выстрела наугад. Так командир маленькой разведки подбирается к охранению неприятеля, открывает огонь и, по ответному грохоту сторожевой заставы, по треску пулеметов определив силу врага, уходит на другой фланг, начинает пальбу пачками, заставляет неприятеля взбудоражиться и убегает поспешно к своим, никого не победив, никому не нанеся урона, но добившись цели и заставив неразгаданного противника развернуться и показать свои настоящие силы.

Молчал и не отзывался на выстрелы наш рассыпавшийся цепью отряд.

Тогда пятеро кавалеристов на вороных танцующих конях, играя опасностью, отделились от неприятеля и легкой рысью поспешили вперед. Не далее как в трехстах метрах от хутора кавалеристы остановились, и один из них навел на хутор бинокль.

Стекло бинокля, скользя по кромке ограды, медленно поползло вверх по крыше, к трубе, за которой спрятались мы с Чубуком.

«Хитры тоже, знают, где искать наблюдателя», — подумал я, пряча голову за спину Чубука и испытывая то неприятное чувство, которое овладевает на войне, когда враг помимо твоей воли подтягивает тебя биноклем к глазам или рядом скользит, расплавляя темноту, нащупывая колонну, луч прожектора, когда над головою кружит разведывательный аэроплан и некуда укрыться, некуда спрятаться от его невидимых наблюдателей.

Тогда собственная голова начинает казаться непомерно большой, руки — длинными, туловище — неуклюжим, громоздким. Досаждаешь, что некуда их приткнуть, что нельзя съежиться, свернуться в комочек, слиться с соломой крыши, с травой, как сливается с кучей хвороста серый взъерошенный воробей под пристальным взглядом бесшумно парящего коршуна.

— Заметили! — крикнул Чубук. — Заметили! — И, как бы показывая, что играть в прятки больше нечего, он открыто высунулся из-за трубы и хлопнул затвором.

Я хотел спуститься вниз и донести Шебалову. Но, вероятно, с опушки уже и сами поняли, что засада не удалась, что белые, не развернувшись в цепь, на хутор не пойдут, потому что из-за деревьев вдогонку кавалеристам полетели пули.

Развернутые взводы белых смешались и тонкими черточками ломаной стрелковой цепи поползли вправо и влево. Не доскакав до бугра, по которому рассыпались белые, задний всадник вместе с лошадью упал на дорогу.

Когда ветер отнес клубы поднявшейся пыли, я увидел, что только одна лошадь лежит на дороге, а всадник, припадая на ногу, низко согнувшись, бежит к своим.

Пуля, ударившись о кирпич трубы, обдала пылью осыпавшейся извести и заставила спрятать голову. Труба была хорошей мишенью. Правда, за пею нас не могли достать прямые выстрелы, но зато и мы должны были сидеть не высываясь. Если бы не приказание Шебалова следить за Хамурской дорогой, мы

спустились бы вниз. Беспорядочная перестрелка перешла в огневой бой. Разрозненные винтовочные выстрелы белых стихали, и начинали строчить пулеметы. Под прикрытием их огня неровная цепь передвигалась на несколько десятков шагов и ложилась опять. Тогда стихали пулеметы, и опять начиналась ружейная перестрелка. Так постепенно, с упорством, доказывавшим хорошую дисциплину и выучку, белые подвигались все ближе и ближе.

— Крепкие, черти,— пробормотал Чубук,— так и лезут в дамки. Не похоже что-то на жихаревцев. Уж не немцы ли это?

— Чубук! — закричал я.— Смотри-ка на Хамурскую, там возле опушки что-то движется.

— Где?

— Да не там... Правей смотри. Прямо через пруд смотри... Вот! — крикнул я, увидев, как на опушке блеснуло что-то, похожее на вспышку солнечного луча, отраженного в осколке стекла.

В воздухе послышалось странное звучание, похожее на хрипение лошади, которой перервало горло. Хрип превратился в гул. Воздух зазвенел, как надтреснутый церковный колокол; что-то грохнуло сбоку. В первое мгновение показалось мне, что где-то здесь, совсем рядом со мной, коричневая молния вырвалась из клубов дыма и черной пыли, воздух вздрогнул и упруго, как волна теплой воды, толкнул меня в спину. Когда я открыл глаза, то увидел, что в огороде сухая солома крыши взорванного сарая горит бледным, почти не видимым на солнце огнем.

Второй снаряд разорвался на грядках.

— Слазим,— сказал Чубук, поворачивая ко мне серое, озабоченное лицо.— Слазим, напоролись-таки; кажется, это не жихаревцы, а немцы. На Хамурской — батарея.

Первый, кто попался мне на опушке,— это маленький красноармеец, прозванный Хорьком.

Он сидел на траве и австрийским штыком распарывал рукав окровавленной гимнастерки. Винтовка его с открытым затво-

ром, из-под которого виднелась недовыброшенная стреляная гильза, валялась рядом.

— Немцы! — не отвечая на наш вопрос, крикнул он. — Сейчас сматываемся!

Я сунул ему свою жестяную кружку, чтобы он зачерпнул воды, и побежал дальше.

Собственно говоря, окровавленный рукав Хорька и его слова о немцах — это было последнее из того, что мог я впоследствии восстановить по порядку в памяти, вспоминая этот первый настоящий бой. Все остальное я помню хорошо, начиная с того момента, когда в овраге ко мне подошел Васька Шмаков и попросил кружку напиться.

— Что это ты в руке держишь? — спросил он.

Я посмотрел и смутился, увидев, что в левой руке у меня крепко зажат большой осколок серого камня. Как и зачем попал ко мне этот камень, я не знал.

— Почему на тебе, Васька, каска надета? — спросил я.

— С немца снял. Дай напиться.

— У меня кружки нет. У Хорька.

— У Хорька? — Тут Васька присвистнул. — Ну, брат, с Хорька не получишь.

— Как — не получишь? Я ему дал воды зачерпнуть.

— Пропала твоя кружка, — усмехнулся Васька, зачерпывая из ручья каской воду. — И кружка пропала, и Хорек пропал.

— Убит?

— Дó смерти, — ответил Васька, неизвестно чему усмехаясь. — Погиб солдат Хорек во славу красного оружия.

— И чего ты, Васька, всегда зубы скалишь? — рассердился я. — Неужели тебе нисколько Хорька не жалко?

— Мне? — Тут Васька шмыгнул носом и вытер грязной ладонью мокрые губы. — Жалко, брат, и Хорька жалко, и Никишина, и Серегу, да и себя тоже жалко. Мне они, проклятые, тоже вон как руку прохватили.

Он шевельнул плечом, и тут я заметил, что левая рука Васьки перевязана серою тряпкой.

— В мякоть... пройдет,— добавил он.— Жжет только.— Тут он опять шмыгнул носом и, прицелкнув языком, сказал задорно: — Да ведь и то разобрать, за что жалеть-то? Силой нас сюда никто не гнал, значит, сами знали, на што идем. Значит, нечего и жалиться!

Отдельные моменты боя запечатлелись в памяти; не мог я восстановить их только последовательно и связно. Помню, как, опустившись на одно колено, я долго перестреливался все с одним и тем же немцем, находившимся не далее как в двухстах шагах от меня. И потому, что, едва успев кое-как прицелиться, уже боялся, что он выстрелит раньше меня, я дергал за спуск и промахивался. Вероятно, он испытывал то же самое и поэтому также давал промахи. Помню, как взрывом снаряда опрокинуло наш пулемет. Его тотчас же подхватили и потащили на другое место.

— Забирай ленты! — крикнул Сухарев.— Помогайте же, черти!

Тогда, схватив один из валявшихся в траве ящичков, я потащил его. Помню потом, как будто бы Шебалов дернул меня за плечо и крепко выругал: за что, я не понял тогда.

Потом, кажется, пуля убила Никишина. Или нет... Никишина убило раньше, потому что он упал, когда еще я бежал с ящичком, и перед этим крикнул мне: «Ты куда же в обратную сторону тащишь? Ты тащи к пулемету!»

Под Федей застрелили лошадь.

— Федька плачет,— сказал Чубук.— Такой скаженный, уткнулся в траву и плачет. Я подошел к нему. «Брось,— говорю,— тут о людях плакать некогда». Как повернулся Федька, хват за наган. «Уйди,— говорит,— а не то застрелю и тебя». А глаза такие мутные. Я плюнул и ушел. Ну что с сумасшедшим разговаривать?! Непутевый этот Федька,— раскуривая трубку, продолжал Чубук.— Нет у меня веры в этого человека.

— Как — нет веры? — вступился я.— Он же храбрый, что дальше некуда.

— Мало ли что храбрый, а так, непутевый. Порядка не любит, партийных не признает. «Моя,— говорит,— программа: бей белых, докуда сдохнут, а дальше видно будет». Не нравится мне что-то такая программа. Это туман один, а не программа. Подует ветер, и нет ничего!

Убито было десять, раненых четырнадцать, из них шестеро умерли. Был бы лазарет, были бы доктора, медикаменты — многие из раненых выжили бы.

Вместо лазарета была поляна, вместо доктора — санитар германской войны Калугин, а из медикаментов только йод. Йода была целая жестяная баклага из-под керосина. Йод у нас не жалели. На моих глазах Калугин налил до краев деревянную суповую ложку и вылил йод на широкую рваную рану Лукоянову.

— Ничего,— успокаивал он.— Потерпи... Йод — он полезный. Без йода тебе, факт, конец был бы, а тут, глядишь, может, и обойдется.

Надо было уходить отсюда к своим, к северу, где находилась завеса регулярных частей Красной Армии; в патронах уже была нехватка. Но раненые связывали. Пятеро еще могли идти, трое не умирали и не выздоравливали. Среди них был Яшка Цыганенок. Появился этот Яшка у нас неожиданно.

Однажды, выступая в поход с хутора Архиповки, отряд выстроился развернутым фронтом вдоль улицы.

При расчете левофланговый красноармеец, теперь убитый маленький Хорек, крикнул:

— Сто сорок седьмой неполный!

До тех пор Хорек был всегда сто сорок шестым полным.

Шебалов заорал:

— Что врете! Пересчитать снова!

Снова пересчитали, и снова Хорек оказался сто сорок седьмым неполным.

— Пес вас возьми! — рассердился Шебалов. — Кто счет путает, Сухарев?

— Никто не путает, — ответил из строя Чубук, — тут же липкий человек объявился.

Поглядели. Действительно, в строю между Чубуком и Никишиным стоял новичок. Было ему лет восемнадцать-девятнадцать. Черный, волосы кудрявые, лохматые.

— Ты откуда взялся? — спросил удивленно Шебалов.

Парень молчал.

— А он встал тут рядом, — объяснил Чубук. — Я думал, нового какого ты принял. Пришел с винтовкой и встал.

— Да ты хоть кто такой? — рассердился Шебалов.

— Я... цыган... красный цыган, — ответил новичок.

— Кра-а-асный цы-га-ан? — вытаращив глаза, переспросил Шебалов и, вдруг засмеявшись, добавил: — Да какой же ты цыган, ты же еще цыганенок!

Он остался у нас в отряде, и за ним так и осталась кличка Цыганенок.

Теперь у Цыганенка была прохвачена грудь. Бледность просвечивала через кожу его коричневого лица, и запекшими-

ся губами он часто шептал что-то на чужом, непонятном наречии.

— Вот уж сколько служу... полгерманской отбубнил и теперь тоже,— говорил Васька Шмаков,— а цыганов в солдатах не видел. Татар видал, мордву видал, чувашин, а цыганов нет. Я так смотрю — вредный народ эти цыганы: хлеба не сеют, ремесла никакого, только коней воровать горазды да бабы их людей дурачат. И никак мне не понятно, зачем к нам его принесло. Свободы — так у них и так ее сколько хочешь! Землю им защищать не приходится. На что им земля? К рабочему тоже он касательства не имеет. Какая же, выходит, ему выгода, чтобы в это дело ввязываться? Уж какая-нибудь есть выгода, скрытая только!

— А может быть, он тоже за революцию, ты почему знаешь?

— В жисть не поверю, чтобы цыган да за революцию. И до переворота за краденых лошадей его били, и после за то же самое бить будут!

— Да, может, он после революции и красть вовсе не будет? Васька недоверчиво усмехнулся:

— Уж и не знаю, у нас на деревне и дубьем их били и дрючками, и то не помогало — всё они за свое. Так неужто их революция проймет?

— Дурак ты, Васька,— вставил молчавший доселе Чубук.— Ты из-за своей хаты да из-за своей коняки ни черта не видишь. По-твоему, вот вся революция только и кончится тем, что прирежут тебе барской земли да отпустят из помещичьего леса бревен штук двадцать задаром. Ну, да старосту председателем заменят, а жизнь сама какой была, такой и останется.

Глава седьмая

Через два дня Цыганенку стало лучше. Вечером, когда я подошел к нему, он лежал на охалке сухой листвы и, уставившись в черное звездное небо, тихонько напевал что-то.

— Цыганенок,— предложил я ему,— дай я около тебя костер разожгу, чай согрею, пить будем, у меня в баклаге молоко есть. Хочешь?

Я сбегал за водой, подвесил котелок на шомпол, перекинутый над огнем через два воткнутых в землю штыка, и, подсаживаясь к раненому, спросил:

— Какую это ты песню поешь, Цыганенок?

Он ответил не сразу.

— А пою я песню такую старую, в ней говорится, что нет у цыган родной земли и та ему земля родная, где его хорошо принимают. А дальше спрашивают: «А где же, цыган, тебя хорошо принимают?» И он отвечает: «Много я стран исходил, был у венгров, был у болгар, был у туретчины, много земель исходил я с табором и еще не нашел такой земли, где бы хорошо мой табор приняли».

— Цыганенок,— спросил я его,— а зачем ты у нас появился? Ведь вас же не забирают на службу.

Он сверкнул белками, приподнялся на локте и ответил:

— Я пришел сам, меня не нужно забирать. Мне надоело в таборе! Отец мой умеет воровать лошадей, а мать гадает. Дед мой воровал лошадей, а бабка гадала. И никто из них себе счастья не украл, и никто себе хорошей судьбы не нагадал. Надо по-другому...

Цыганенок оживился, приподнялся, но боль раны, очевидно, давала себя еще чувствовать, и, стиснув губы, он с легким стоном опустился опять на кучу листьев.

Вскипевшее молоко разом ринулось на огонь и загасило пламя.

Я не успел выхватить котелок с углей. Цыганенок неожиданно рассмеялся.

— Ты чего?

— Так.— И он задорно тряхнул головой.— Я вот думаю, что и народ весь эдак: и русские, и евреи, и грузины, и татары терпели старую жизнь, терпели, а потом, как вода из котелка, вспенились и кинулись в огонь. Я вот тоже... сидел, сидел,

не вытерпел, захватил винтовку и пошел хорошую жизнь искать.

— И найти думаешь?

— Один не нашел бы... а все вместе должны бы... потому — охота большая.

Подожел Чубук.

— Садись с нами чай пить,— предложил я.

— Некогда,— отказался он.— Пойдешь со мной, Борис?

— Пойду,— быстро ответил я, не спрашивая даже о том, куда он меня зовет.

— Ну, так допивай скорее, а то нас подвода ждет.

— Какая подвода, Чубук?

Он отозвал меня и объяснил, что отряд к рассвету снимается, соединится недалеко отсюда с шахтерским отрядом Бегичева и вместе они будут пробираться к своим. Трех тяжело раненных брать с собой нельзя: пробираться придется мимо белых и немцев.

Отсюда недалеко пасека. Там место глухое, хозяин свой и согласился приютить у себя раненых на время, пока поправятся. Оттуда Чубук привел подводы, и сейчас надо, пока темно, раненых переправить туда.

— А еще с нами кто?

— Больше никого. Вдвоем мы. Я бы и один управился, да лошадь норовистая попала. Придется одному под уздцы вести, а другому за товарищами присматривать. Так пойдешь, значит?

— Пойду, пойду, Чубук. Я с тобой, Чубук, всегда и всюду пойду. А оттуда куда, назад?

— Нет. Оттуда мы прямой дорогой вброд через речку, там со своими и встретимся. Ну, трогаем.— И Чубук пошел к голове лошади.— Винтовка моя, смотри, чтобы не выпала,— слышался из темноты его голос.

Телега легонько дернула, в лицо брызнули капли росы, упавшие с задетого колесом куста, и черный поворот скрыл от наших глаз догорающие костры, разбросанные собиравшимся в поход отрядом.

Дорога была плохая: ямы, выбоины, то и дело попадались разлапавшиеся по земле корни. Темь была такая, что ни лошади, ни Чубука с телеги видно не было. Раненые лежали на охапках свежего сена и молчали.

Я шел позади и, чтобы не оступиться, придерживался свободной от винтовки рукой за задок телеги. Было тихо. Если бы не однотонное посвистывание полуночной пигалицы, можно было бы подумать, что темнота, окружавшая нас, мертва. Все молчали. Только изредка, когда колеса проваливались в ямы или натыкались на пень, раненый Тимошкин тихонько стонал.

Жиденький, наполовину вырубленный лесок казался сейчас непроходимым, густым и диким. Затянувшееся тучами небо черным потолком повисло над просекой. Было душно, и казалось, что мы ощупью движемся каким-то длинным извилистым коридором.

Мне вспомнилось почему-то, как давно-давно, года три тому назад, в такую же теплую ночь мы с отцом возвращались с вокзала домой прямой тропой через перелесок. Так же вот свиристела пигалица, так же пахло переспелыми грибами и дикой малиной.

На вокзале, провожая своего брата Петра, отец выпил с ним несколько рюмок водки. То ли от этого, то ли оттого, что чересчур сладко пахло малиной, отец был особенно возбужден и разговорчив. Дорогой он рассказывал мне про свою молодость и про свое ученье в семинарии. Я смеялся, слушая рассказы о его школьной жизни, о том, что их драли розгами, и мне казалось нелепым и невероятным, чтобы такого высокого, крепкого человека, как мой отец, кто-то когда-то мог драть.

— Это ты у одного писателя вычитал,— возражал я.— У него есть про это книга. «Очерки бursы» называется. Так ведь то давно было, бог знает когда!

— А я, думаешь, недавно учился? Тоже давно.

— Ты в Сибири, пап, жил. А в Сибири страшно: там каторжники. Мне Петька говорил, что там человека в два счета убить могут и некому пожаловаться.

Отец засмеялся и начал мне объяснять что-то. Но что он хотел объяснить мне, я так и не понял тогда, потому что по его словам выходило как-то так странно, что каторжники вовсе не каторжники, и что у него даже знакомые были каторжники, и что в Сибири много хороших людей, во всяком случае больше, чем в Арзамасе.

Но все это я пропускал мимо ушей, как и многие другие разговоры, смысл которых я начинал понимать только теперь.

«Нет... никогда, никогда в прошлую жизнь я не подозревал и не думал, что отец мой был революционером. И вот то, что я сейчас с красными, то, что у меня винтовка за плечами,— это не потому, что у меня был отец революционер, а я его сын. Это вышло как-то само собой. Я сам к этому пришел»,— подумал я. И эта мысль заставила меня загордиться. Ведь, правда, на самом деле, сколько партий есть, а почему же я все-таки выбрал самую правильную, самую революционную партию?

Мне захотелось поделиться этой мыслью с Чубуком. И вдруг мне показалось, что возле головы лошади никого нет и конь давно уже наугад тащит телегу по незнакомой дороге.

— Чубук! — крикнул я испугавшись.

— Ну! — послышался его грубоватый, строгий голос.— Чего орешь?

— Чубук,— смутился я,— далеко еще?

— Хватит,— ответил он и остановился. — Поди-ка сюда, встань и шинельку раздвинь, закурю я.

Трубка летящим светлячком поплыла рядом с головой лошади. Дорога разгладилась, лес раздвинулся, и мы пошли рядом.

Я сказал Чубуку, о чем думал, и ожидал, что он с похвалой отзовется о моем уме и дальнорзости, которые толкнули меня к большевикам. Но Чубук не торопился хвалить. Он выкурил по крайней мере полтрубки и только тогда сказал серьезно:

— Бывает и так. Бывает, что человек и своим умом дойдет... Вот Ленин, например. Ну, а ты, парень, навряд ли...

— А как же, Чубук? — тихо и обиженно спросил я. — Ведь я же сам.

— Сам... Ну конечно, сам. Это тебе только кажется, что сам. Жизнь так повернулась, вот тебе и сам! Отца у тебя убили — раз. К людям таким попал — два. С товарищами поссорился — три. Из школы тебя выгнали — четыре. Вот ежели все эти события откинуть, то остальное, может, и сам додумал. Да ты не сердись, — добавил он, почувствовав, очевидно, мое огорчение. — Разве с тебя кто спрашивает больше?

— Значит, выходит, Чубук, что я нарочно... что я не красный? — дрогнувшим голосом переспросил я. — А это все неправда, и я в разведку всегда с тобой, я и поэтому ведь на фронт ушел, чтобы защищать... а, значит, выходит...

— Ду-ура! Ничего не выходит. Я тебе говорю — обстановка... а ты — «я сам, я сам». Скажем, к примеру: отдали бы тебя в кадетский корпус — глядишь, из тебя и калединский юнкер вышел бы.

— А тебя?

— Меня? — Чубук усмехнулся. — За мной, парень, двадцать годов шахты. А это никакой юнкерской школой не вышибешь!

Мне было несказанно обидно. Я был глубоко оскорблен словами Чубука и замолчал. Но мне не молчалось.

— Чубук... так, значит, меня и в отряде не нужно, раз я такой, что и юнкером бы... и калединцем...

— Дура! — спокойно и как бы не замечая моей злости, ответил Чубук. — Зачем же не нужно? Мало что, кем ты мог бы быть. Важно, кто ты есть. Я тебе только говорю, чтобы ты не задавался. А так... что же, парень ты хороший. Мы тебя, погоди, посмотрим еще немного, да и в партию примем. Ду-ура! — совсем уже ласково добавил он.

Я ведь знал, что Чубук любит меня, но чувствовал ли Чубук, как горячо, больше чем кого бы то ни было в ту минуту, любил я его? «Хороший Чубук, — думал я. — Вот он и коммунист, и двадцать лет в шахте, и волосы уже седеют, а всегда он со мною... И ни с кем больше, а со мной. Значит, я заслуживаю. И еще

больше буду заслуживать. Когда будет бой, я нарочно не буду нагибаться, и если меня убьют, то тоже ничего. Тогда матери напишут: «Сын ваш был коммунист и умер за великое дело революции». И мать заплачет и повесит на стену мой портрет рядом с отцовским, а новая, светлая жизнь пойдет своим чередом мимо той стены».

«Жалко только, что попы наврали,— подумал я,— и нет у человека никакой души. А если б была душа, то посмотрела бы, какая будет жизнь. Должно быть, хорошая, очень интересная будет жизнь».

Телега остановилась. Чубук поспешно сунул руку в карман и сказал тихо:

— Как будто бы стучит что-то впереди. Дай-ка винтовку.

Лошадей с ранеными отвели в кусты. Я остался возле телеги, а Чубук исчез куда-то. Вскоре он вернулся:

— Молчок теперь... Четверо казаков верхами. Дай мешок... лошади морду закрою, а то не заржала бы еще некстати.

Топот подков приближался. Недалеко от нас казаки сменили рысь на шаг. Краешек луны, выскочив в прореху разорванной тучи, озарил дорогу. Из-за кустов я увидел четыре папахи. С казаками был офицер; на его плече вспыхнул и погас золотой погон. Мы выждали, пока топот стихнет, и тронулись дальше.

Уже рассветало, когда мы подъехали к маленькому хутору. На стук телеги вышел к воротам заспанный пасечник — длинный рыжий мужик с вдавленной грудью и острыми, резко выпиравшими из-под расстегнутой ситцевой рубахи плечами. Он повел лошадь через двор, распахнул калитку, от которой тянулась еле заметная, поросшая травой дорога.

— Туда поедем... У болотца в лесу клуныя, там им спокойнее будет.

В небольшом, забитом сеном сарае было свежо и тихо. В дальнем углу были постелены дерюги. Две овчины, аккуратно сложенные, лежали вместо подушек у изголовья. Рядом стояли ведро воды и берестовый жбан с квасом. Перетащили раненых.

Топот подков приближался.

— Кушать, может, хотят? — спросил пасечник. — Тогда под головами хлеб и сало. А хозяйка коров подоит, молока принесет.

Нам надо было уходить, чтобы не разойтись у брода со своими. Но, несмотря на то что мы сделали для раненых все, что могли, нам было как-то неловко перед ними. Неловко за то, что мы оставляем их одних, без помощи в чужом, враждебном краю.

Тимошкин, должно быть, понял это.

— Ну, с богом! — сказал он побелевшими, потрескавшимися губами. — Спасибо, Чубук, и тебе, парень, тоже. Может быть, приведет еще судьба — встретимся.

Более других утомленный, Самарин открыл глаза и приветливо кивнул головой. Цыганенок молчал, облокотившись на руки, серьезно смотрел на нас и чему-то слабо улыбался.

— Так всего хорошего, ребята, — проговорил Чубук, —правляйтесь лучше. Хозяин надежный, он вас не оставит. Будьте живы, здоровы...

Повернувшись к выходу, Чубук громко кашлянул и, опустив глаза, на ходу стал выколачивать о приклад трубку.

— Дай вам счастья и победы, товарищи! — звонко крикнул вдогонку Цыганенок. Звук его голоса заставил нас остановиться и обернуться с порога. — Пошли вам победы над всеми белыми, какие только есть на свете, — так же четко и ясно добавил Цыганепок и тихо уронил черную голову на мягкую овчину.

Глава восьмая

Рыжий от загара песчаный берег таял в воде, искрившейся на отмелях солнечной рябью. У брода наших не было.

— Прошли, должно быть, — решил Чубук. — Это нам все равно... Тут недалеко отсюда кордон должен быть брошенный, и возле него отряд привал сделает.

— Давай выкупаемся, Чубук, — предложил я. — Мы скоренько! Вода, посмотри, какая те-е-пляя.

— Тут купаться нехорошо. Место открытое.

— Ну и что ж, что открытое?

— Как — что? Голый человек — это не солдат. Голого всякий и с палкой забрать может. Казак, скажем, к броду подъедет, заберет винтовку, и делай с ним что хочешь. Был такой случай у Хопра. Не то что двое, а весь отряд человек в сорок купаться полез. Наскочили пятеро казаков и открыли по реке стрельбу. Так что было-то!.. Которых побило, которые на другой берег убегли. Так нагишом и бродили по лесу. Села там богатые... Кулачье. Куда ни сунешься, всем сразу видно — раз голый, значит, большевик.

Все-таки уговорил я его. Мы отошли от брода в кусты и наскоро выкупались. Реку переходили, нацепив на штыки винтовок связанные ремнем узелки со штанами и сапогами. После купания винтовка стала легче и подсумок не давил бок. Бодро зашагали краем рощи по направлению к избушке. Избушка была заброшена, стекла выставлены, даже котел из плиты был выломан. Видно было, что, перед тем как оставить ее, хозяева вывезли все, что только было можно.

Чубук настороженно, сощурив глаза, обошел избу кругом, заложил два пальца в рот и продолжительно свистнул. Долго металось эхо по лесу, рассыпалось и перекатывалось и, измельчав, запуталось, заглохло в чаще однотонно шумливой листвы. Ответа не было.

— Неужели же мы опередили их? Что ж, придется подождать.

В стороне от дороги выбрали тень под кустом и легли. Было жарко. Свернув в скатку шинель, я подложил ее под голову и, чтобы не мешалась, снял кожаную сумку. За время походов и почевок на сырой земле сумка пообтерлась и выгорела.

В сумке этой у меня лежали перочинный нож, кусок мыла, игла, клубок ниток и подобранная где-то середина из энциклопедического словаря Павленкова.

Словарь — такая книга, которую можно перечитывать без конца: все равно всего не запомнишь. Именно поэтому-то я и по-

сил его с собой и часто в отдых, во время отсиживания где-нибудь в логоу или чаще леса, доставал измятые листки и начинал перечитывать по порядку все, что попадалось. Были там биографии мопахов, генералов, королей, рецепты лака, философские термины, упоминания о давнишних войнах, история какого-то доселе неслыханного мной государства Коста-Рика и тут же рядом способ добывания удобрения из костей животных. Много самых разнообразных, нужных и ненужных сведений от буквы З до Р, на которой был оборван словарь, получил я за чтением этого словаря.

Несколько дней тому назад, перед тем как идти на пост, заторопившись, я сунул в эту же сумку кусок черного хлеба. И сейчас я увидел, что позабытый кусок раскрошился и залепил мякишем листки. Я вытряхнул все содержимое на траву и стал ладонью прочищать стенку сумки. Нечаянно мой палец задел за отогнувшийся край кожаной подкладки.

Повернув сумку к солнцу, я заглянул в нее и увидел, что изпод отставшей кожи виднеется какая-то белая бумага.

Любопытство овладело мной: я надорвал подкладку побольше и вытащил тоненький сверток каких-то бумажек. Развернул одну: посредине герб с позолоченным двуглавым орлом, ниже золотыми буквами вытиснено: «Аттестат».

Был выдан этот аттестат воспитаннику 2-й роты имени графа Аракчеева кадетского корпуса Юрию Ваальду в том, что он успешно окончил курс учения, был отличного прилежания, поведения и переводится в следующий класс.

«Вот оно что!» — понял я, вспоминая убитого мною лесного незнакомца и его черную гимнастерку, на которой нарочно были срезаны пуговицы, и вытисненные на подкладке ворота буквы: Гр. А. К. К.

Другая бумага — было письмо, написанное по-французски, с недавней датой. И хотя школа оставила у меня самое слабое воспоминание об этом языке, все же, посидев с полчаса, по отдельным словам, дополняя провалы строчек догадками, я понял, что письмо это содержит рекомендацию и адресовано какому-то пол-

ковнику Коренькову с просьбой принять участие в судьбе кадеты Юрия Ваальда.

Я хотел показать эти любопытные бумаги Чубуку, но тут я увидел, что Чубук спит. Мне было жалко будить его: он не отдыхал еще со вчерашнего утра. Я сунул бумаги обратно в сумку и стал читать словарь.

Прошло около часа. Через шорох ветра к трескотне птиц примешался далекий чужой шум. Я встал и приложил ладонь к уху — топот и голоса слышались все ясней и ясней.

— Чубук! — дернул я его за плечо. — Вставай, Чубук, наши идут!

— Наши идут! — машинально повторил Чубук, приподнимаясь и протирая глаза.

— Ну да... рядом уже. Идем скорей.

— Как же это я заснул? — удивился Чубук. — Прилег только и заснул.

Глаза его были еще сонные и жмурились от солнца, когда, вскинув винтовку, он зашагал за мной.

Голоса раздавались почти рядом. Я поспешно выскочил из-за избушки и, подбрасывая шапку, заорал что-то, приветствуя подходящих товарищей.

Куда упала шапка, я так и не видел, потому что сознание страшной ошибки оглушило меня.

— Назад! — каким-то хриплым, рычащим голосом крикнул сзади Чубук.

Тах... тах... тах...

Три выстрела почти одновременно жახнули из первых рядов колонны. Какая-то невидимая сила рванула из рук и расщепила приклад моей винтовки с такой яростью, что я едва устоял на ногах. Но этот же грохот и толчок вывели меня из оцепенения. «Белые», — понял я, бросаясь к Чубуку. Чубук выстрелил.

Целый час мы были под угрозой быть пойманными рассыпавшейся облавой. Все-таки вывернулись. Но еще долго после того, как смолкли голоса преследовавших, шли мы наугад, мокрые, раскрасневшиеся. Пересохшими глотками жадно вдыхали

влажный лесной воздух и цеплялись ноющими, точно отдавленными подошвами ног за пни и кочки.

— Будет,— сказал Чубук, бухаясь на траву,— отдохнем. Ну и врезались же мы с тобой, Бориска! А все я... Заснул. Ты заорал: «Наши, наши!» — я не разобрал спросонья, думаю, что ты разузнал уже, и про себе.

Тут только я посмотрел на свою винтовку. Ложе было разбито в щепы, и магазинная коробка исковеркана.

Я подал Чубуку винтовку. Он повертел ее и отбросил в траву.

— Палка,— презрительно сказал он,— это уж теперь не винтовка, а дубинка, свиней ею только глушить. Ну ладно. Хорошо, хоть сам-то цел остался. Шинелька где? Тоже нету. И я свою скатку бросил. Вот какие дела, брат!

Хотелось бы еще отдохнуть, долго лежать не двигаясь, снять сапоги и расстегнуть ворот рубахи, но сильнее, чем усталость, мучила жажда, а воды рядом нигде не было.

Поднялись и тихонько пошли дальше. Перешли поле; под горой внизу приткнулись плотно сдвинутые домики деревеньки, и белые мазанки коричневыми соломенными крышами похожи были отсюда на кучу крупных березовых грибов. Спуститься туда мы не решились. Перешли поле и опять очутились в роще.

— Дом,— прошептал я, останавливаясь и показывая пальцем на краешек красной железной крыши.

Опасаясь нарваться на какую-нибудь засаду, мы осторожно подобрались к высокой изгороди. Ворота были наглухо заперты. Не лаяли собаки, не кудахтали куры, не топтались в хлеву коровы — все было тихо, точно все живое нарочно притаилось при нашем приближении. Мы обошли кругом усадьбы — прохода нигде не было.

— Залезай мне на спину,— приказал Чубук,— заглянешь через забор, что там есть.

Через забор я увидел пустой, поросший травой двор, вытопанные клумбы, из которых кое-где подымались помятые георгины и густо-синие звездочки анютиных глазок.

— Ну? — спросил Чубук нетерпеливо. — Да слезай же! Что я тебе, каменный?

— Нету никого, — ответил я прыгивая. — Передние окна забиты досками, а сбоку вовсе рамы нету — видать сразу, что брошенный дом. А колодец во дворе есть.

Отодвинув неплотно прибитую доску, мы полезли через дыру во двор. В заплесневелой яме колодца чернильным наплывом отсвечивала глубокая вода, но зачерпнуть было нечем. Под навесом, среди сваленной кучи хлама, Чубук разыскал ржавое, худое ведро. Пока мы его подтягивали, воды оставалось на донышке. Тогда заткнули дыру пучком травы и зачерпнули второй раз. Вода была чистая, студеная, и пить ее пришлось маленькими глотками. Ополоснули потные, пыльные лица и пошли к дому. Передние окна были заколочены, но зато сбоку дверь, выходившая на веранду, была распахнута и отвисло держалась на одной нижней петле. Осторожно ступая по скрипучим половицам, пошли в комнаты.

На полу, усыпанном соломой, обрывками бумаги, тряпками, стояло несколько пустых дощатых ящиков, сломанный стул и буфет с дверцами, расщепленными чем-то тупым и тяжелым.

— Мужики усадьбу грабили, — тихо сказал Чубук. — Ограбили все нужное и бросили.

В следующей комнате лежала беспорядочная груда запыленных книг, покрытых рогожей, испачканной известкой. Тут же в общей куче валялся надорванный портрет полного господина, поперек пышного белого лба которого пальцем, обмакнутым в чернила, было коряво выведено неприличное слово.

Было странно и интересно пробираться из комнаты в комнату заброшенного, разграбленного дома. Каждая мелочь: разбитый цветной горшок, позабытая фотография, поблескивающая в мусоре пуговица, рассыпанные, растоптанные фигурки шахмат, затерявшийся от колоды король пик, сиротливо прятавшийся в осколках разбитой японской вазы, — все это напоминало о людях, о хозяевах, о непохожем на настоящее прошлом спокойных обитателей этой усадьбы.

За стеной что-то мягко стукнуло, и этот стук, слишком неожиданный среди мертвого тления заброшенных комнат, заставил нас вздрогнуть.

— Кто там? — зычно разбивая тишину, спросил Чубук, поднимая винтовку.

Большой рыжий кот широкими крадущимися шагами шел нам навстречу. И, остановившись в двух шагах, он с злобным, голодным мяуканьем уставился на нас холодными зелеными глазами. Я хотел погладить его, но кот попятился назад и одним махом, не прикасаясь даже к подоконнику, вылетел на заглохшую клумбу и исчез в траве.

— Как он не сдох?

— Чего ему сдыхать? Он мышей жрет, по духу слышно, что здесь мышей до черта.

Нудным, хватающим за сердце скрипом заныла какая-то далекая дверь, и послышалось неторопливое шарканье: как будто кто-то тер сухой тряпкой об пол. Мы переглянулись. Это были шаги человека.

— Кого тут еще черт носит? — тихо проговорил Чубук, подталкивая меня за простенок и бесшумно свертывая предохранитель винтовки.

Донеслось легкое покашливание, захрустел отодвигаемый дверью ком бумаги, и в комнату вошел невысокий, плохо выбритый старичок в потертой пижаме голубого цвета и туфлях, обутых на босу ногу. Старичок с удивлением, но без страха посмотрел на нас, вежливо поклонился и сказал равнодушно:

— А я слушаю... кто это внизу ходит? Думаю, может, мужички пришли, ан нету. Глянул в окно — телег не видно.

— Кто ты есть за человек? — с любопытством спросил Чубук, закидывая винтовку за плечо.

— Позвольте спросить мне прежде, кто вы? — так же тихо и равнодушно поправил старичок. — Ибо если вы сочли нужным нанести визит, то будьте добры представиться хозяину. Впрочем... — тут он немного склонил голову и пыльными серыми гла-

зами скользнул по Чубуку,— я и сам догадываюсь: вы — красные.

Тут нижняя губа хозяина дрогнула, будто кто-то дернул ее книзу. Блеснул желтым огоньком и потух золотой зуб, смахнули ожившие веки пыль с его серых глаз. Широким жестом хлебосольного хозяина старичок пригласил нас за собой:

— Прошу пожаловать.

Недоумевая, мы переглянулись и мимо разгромленных комнат пошли к узенькой деревянной лестнице, ведущей наверх.

— Я, видите ли, наверху принимаю,— точно извиняясь, говорил на ходу хозяин.— Внизу, знаете, беспорядок, не убрано, убирать некому, все куда-то провалились, и никого не дозовешься. Сюда пожалуйте.

Мы очутились в небольшой светлой комнате. У стены стоял старый сломанный диван с вывороченным нутром, вместо простыни покрытый рогожей, а вместо одеяла — остатком красивого, но во многих местах прожженного ковра. Тут же стоял трехногий письменный стол, а над столом висела клетка с канарейкой. Канарейка, очевидно, давным-давно сдохла и лежала в кормушке кверху лапками. Со стены глядело несколько пыльных фотографий. Очевидно, кто-то помог хозяину перетащить негодные остатки разбитой мебели и обставить эту комнату.

— Прошу садиться,— сказал старик, указывая на диван.— Живу, знаете ли, один, гостей давненько уж никого не видел. Мужички заезжают иногда, продукты привозят, а вот порядочных людей давно не видел. Был у меня как-то ротмистр Шварц. Знаете, может быть?.. Ах, впрочем, извините, ведь вы же красные.

Не спрашивая нас, хозяин полез в буфет, достал оттуда две недобитые тарелки, две вилки — одну простую, кухонную, с деревянным черенком, другую — вычурно изогнутую, десертную, у которой не хватало одного зубца, потом достал каравай черного хлеба и полкружка украинской колбасы.

Поставив на кособокую фитильную керосинку залепленный

жирной сажей чайник, он вытер руки о полотенце, не стиранное бог знает с какого времени, снял со стены причудливую трубку, с которой беззубо скалился резной козел с человеческой головой, набил трубку махоркой и сел на драное, зазвеневшее выпершими пружинами кресло. Во время всех этих приготовлений мы сидели молча на диване.

Чубук тихонько толкнул меня и, хитро улыбнувшись, постукал незаметно пальцем о свой лоб.

Я понял его и тоже улыбнулся.

— Давненько уже не видал я красных,— сказал хозяин и тут же поинтересовался: — Каково здоровье Ленина?

— Ничего, спасибо, жив-здоров,— серьезно ответил Чубук.

— Гм, здоров...

Старичок помешал проволокой жерло чадившей трубки и вздохнул.

— Да и то сказать, с чего им болеть?— Он помолчал и потом, точно отвечая на наш вопрос, сообщил: — А я вот прихварываю понемногу. По ночам, знаете, бессонница. Нету прежнего душевного равновесия. Встану иногда, пройдуся по комнатам — тишина, только мыши скребутся.

— Что это вы пишите? — спросил я, увидев на столе целую кипу исписанных бисерным почерком листочков.

— Так,— ответил он.— Соображения по поводу текущих событий. Набрасываю план мирового переустройства. Я, знаете, философ и спокойнозираю на все возникающее и проходящее. Ни на что не жалуюсь... нет, ни на что.

Тут старичок встал и, мельком заглянув в окно, сел опять на свое место.

— Жизнь пошумит, пошумит, а правда останется. Да, останется,— слегка возбуждаясь, повторил старик.— Были и раньше бунты, была пугачевщина, был пятый год, так же разрушались, сжигались усадьбы. Проходило время, и, как птица Феникс из пепла, возникало разрушенное, собиралось разрозненное.

— То есть, что же это? На старый лад все повернуть думаете? — настороженно и грубовато спросил Чубук.

При этом прямом вопросе старичок съежился и, заискивающе улыбаясь, заговорил:

— Нет, нет... что вы! Я не к тому. Это ротмистр Шварц хочет, а я не хочу. Вот предлагал он мне возратить все, что мужички у меня позаимствовали, а я отказался. На что оно мне, говорю. Время не такое, чтобы возвращать. Пусть лучше они мне понемногу на прожитие продуктов доставляют и пусть на доброе здоровье моим добром пользуются.

Тут старичок опять приподнялся, постоял у окна и быстро обернулся к столу:

— Что же это я... Вот и чайник вскипел. Прошу к столу, кушайте, пожалуйста.

Упрашивать нас было не к чему: хлебные корки захрустели у нас в зубах, и запах вкусной чесночной колбасы приятно защекотал ноздри.

Хозяин вышел в соседнюю комнату, и слышно было, как возится он, отодвигая какие-то ящики.

— Забавный старик,— тихо заметил я.

— Забавный,— вполголоса согласился Чубук,— а только... только... что это он все в окошко поглядывает?

Тут Чубук обернулся, пристально осмотрел комнату, и внимание его привлекла старая дерюга, разостланная в углу. Он нахмурился и подошел к окну.

Вошел хозяин. В руках он держал бутылку и полой пижамы стирал с нее налет пыли.

— Вот,— проговорил он, подходя к столу.— Прошу. Ротмистр Шварц заезжал и не допил. Позвольте, я вам в чай коньячку. Я и сам люблю, но для гостей... для гостей...— Тут старичок выдернул бумагу, которой было закупорено горлышко, и дополнил жидкостью наши стаканы.

Я протянул руку к стакану, но тут Чубук быстро отошел от окна и сказал мне сердито:

— Что это ты, милый? Не видишь, что ли, что посуды не хватает? Уступи место старику, а то расселся. Ты и потом успеешь. Садись, папаша, вместе выпьем.

Я посмотрел на Чубука, удивляясь тому грубому тону, которым он обратился ко мне.

— Нет, нет!— И старик отодвинул стакан.— Я потом... вы же гости.

— Пей, папаша,— повторил Чубук и решительно подвинул стакан хозяину.

— Нет, нет, не беспокойтесь,— упрямо отказался старик и, неловко отодвигая стакан, опрокинул его.

Я сел на прежнее место, а старик отошел к окну и задернул грязную ситцевую занавеску.

— Пошто задерживаешь?— спросил Чубук.

— Комары,— ответил хозяин.— Комары одолели. Место тут низкое... столько расплодилось, проклятых.

— Ты один живешь?— неожиданно спросил Чубук.— Как же это один?.. А чья это вторая постель у тебя в углу?— И он показал на дерюгу.

Не дожидаясь ответа, Чубук поднялся, отдернул занавеску и высунул голову в окно. Вслед за ним приподнялся и я.

Из окна открывался широкий вид на холмы и рощицы. Ныряя и выплывая, убегала вдаль дорога; у края приподнятого горизонта на фоне покрасневшего неба обозначались четыре прыгающие точки.

— Комары!— грубо крикнул Чубук хозяину и, смерив презрительным взглядом его съезжившуюся фигуру, добавил:— Ты, как я вижу, и сам комар. Идем, Борис!

Когда по лесенке мы сбежали вниз, Чубук остановился, вынул коробку и, чиркнув спичкой, бросил ее на кучу хлама. Большой ком сухой бумаги вспыхнул, и пламя потянулось к валявшейся на полу соломе. Еще минута, другая, и вся замусоренная комната загорелась бы. Но тут Чубук с неожиданной решимостью растоптал огонь и потянул меня к выходу.

— Не надо, — как бы оправдываясь, сказал он.— Все равно наше будет.

Минут через десять мимо кустов, в которых мы спрятались, промчались четверо всадников.

— На усадьбу скачут,—пояснил Чубук.—Я, как увидел в углу постеленную дерюгу, понял, что старик не один живет, а еще с кем-то. Видел ты, он все к окну подходил? Пока мы внизу по комнатам лазили, он послал за белыми кого-то. Так же и с чаем. Подозрительным мне что-то этот коньяк показался: может, разбавил его каким-нибудь крысомором? Не люблю я и не верю разграбленным, но гостеприимным помещикам! Кем он не прикидывайся, а все равно про себя он мне первый враг.

Ночевали мы в сенокосном шалаше. В ночь ударила буря, хлынул дождь, а мы были рады. Шалаш не протекал, и в такую погоду можно было безопасно отоспаться. Едва начало светать, Чубук разбудил меня.

— Теперь караулить друг друга надо,—сказал он.—Я уже давно возле тебя сижу. Теперь прилягу маленько, а ты посторожи. Неравно как пойдет кто. Да смотри не засни тоже!

— Нет, Чубук, я не засну.

Я высунулся из шалаша. Под горой дымилась речка. Вчера мы попали по пояс в грязное вязкое болотце, за ночь вода обсохла, и тина липкой коростой облепила тело.

«Искупаться бы,—подумал я.—Речка рядышком, только под горку спуститься».

С полчаса я сидел и караулил Чубука. И все не мог отвязаться от желания сбегать и искупаться. «Никого нет кругом,—думал я,—кто в эту рань пойдет, да тут и дороги никакой около не видно. Не успеет Чубук на другой бок перевернуться, как я уже и готов».

Соблазн был слишком велик, тело зудело и чесалось. Скинув никчемный патронташ, бегом покатился под гору.

Однако речка оказалась совсем не так близко, как мне казалось, и прошло, должно быть, минут десять, прежде чем я был на берегу. Сбросив черную ученическую гимнастерку, еще ту, в которой я убежал из дому, сдернув кожаную сумку, сапоги и штаны, я бултыхнулся в воду. Сердце екнуло. Забарахтался. Сразу стало тепло. У-ух, как хорошо! Поплыл тихонько на середину. Там, на отмели, стоял куст. Под кустом запуталось что-то: не то

тряпка, не то упущенная при полоскании рубаха. Раздвинул ветки и сразу отпрянул назад. Зацепившись штаниной за сук, вниз лицом лежал человек. Рубаха на нем была порвана, и широкая рваная рана чернела на спине. Быстрыми саженками, точно опасаясь, что кто-то вот-вот больно укусит меня, поплыл назад.

Одеваясь, я с содроганием отворачивал голову от куста, буйно зеленевшего на отмели. То ли вода ударила крепче, то ли, раздвигая куст, я нечаянно отцепил покойника, а только он выплыл, его перевернуло течением и понесло к моему берегу.

Торопливо натянув штаны, я начал надевать гимнастерку, чтобы скорей убежать прочь. Когда я просунул голову в ворот, тело расстрелянного было уже рядом, почти у моих ног.

Дико вскрикнув, я невольно шагнул вперед и, оступившись, едва не полетел в воду. Я узнал убитого. Это был один из трех раненых, оставленных нами на пасеке: это был наш Цыганенок.

— Эгей, хлопец! — услышал я позади себя окрик. — Подойди-ка сюда.

Трое незнакомых направлялись прямо ко мне. Двое из них были с винтовками. Бежать мне было куда — спереди они, сзади река.

— Ты чей? — спросил меня высокий чернобородый мужчина.

Я молчал. Я не знал, кто эти люди — красные или белые.

— Чей? Тебя я спрашиваю! — уже грубее переспросил он, хватая меня за руку.

— Да что с ним разговаривать! — вставил другой. — Сведем его на село, а там без нас спросят.

Подъехали две телеги.

— Дай-ка кнут-то! — закричал чернобородый одному из мужиков-подводчиков, робко жавшемуся к своей лошади.

— Для че? — недовольно спросил другой. — Для че кнутом? Ты ве-ди к селу, там разберут.

— Да не драть. Руки ему перекручу, а то вон как смотрит — того и гляди, что стреканет.

Ловким вывертом закинули мне локти назад и легонько толкнули к телеге:

— Садись!

Сытые кони дернули и быстрой рысцой понесли к большому селу, сверкавшему белыми трубами на зеленом пригорке.

Сидя в телеге, я еще надеялся на то, что мои провожатые — партизаны одного из красных отрядов, что на месте все выяснится и меня сразу же отпустят.

В кустах недалеко от села постовой окликнул:

— Кто едет?

— Свои... староста, — ответил чернобородый.

— А-а-а!.. Куда ездил?

— Подводы с хутора выгонял.

Коня рванулись и понеслись мимо постового. Я не успел рассмотреть ни его одежды, ни его лица, потому что все мое внимание было приковано к его плечам. На плечах были погоны.

Глава девятая

Солдат на улице еще не было видно — вероятно, спали.

Возле церкви стояло несколько двуколок, крытый фургон с красным крестом, а около походной кухни заспанные кашевары кололи на растопку лучину.

— В штаб везти? — спросил возница у старосты.

— Можно и в штаб. Хотя их благородие спят еще. Не стоит из-за такого мальчика тревожить. Вези пока в холодную.

Телега остановилась возле низкой каменной избушки с решетчатыми окнами. Меня подтолкнули к двери. Наспех прощупав мои карманы, староста снял с меня кожаную сумку. Дверь захлопнулась, хрустнула пружина замка.

В первые минуты острого, причинявшего физическую боль страха я решил, что погиб окончательно и бесповоротно, что нет

никакой надежды на спасение. Взойдет солнце выше, проснется его благородие, о котором упоминал староста, вызовет, и тогда смерть, тогда конец.

Я сел на лавку и, опустив голову на подоконник, заоченел в каком-то тупом бездумье. В виски молоточками стучала кровь, и мысль, как неисправная граммофонная пластинка, повторяла, сбиваясь все на одно и то же: «Конец, конец, конец...» Потом, на-вертевшись до одури, от какого-то неслышного толчка острое сознания попало в нужную извилинку мозга, и мысли в бурной стремительности понеслись безудержной чередой.

«Неужели никак нельзя спастись? И так нелепо попался! Может быть, можно бежать? Нет, бежать нельзя. Может быть, на село идут красные и успеют отбить? А если не нападут? Или нападут уже потом, когда будет поздно? Может быть... Нет, ничего не может быть, ничего не выходит».

Мимо окна погнали стадо. Тесно сгрудившись, колыхались овцы, блеяли и позвякивали колокольцами козы, щелкал бичом пастух. Маленький теленок бежал, подпрыгивая, и смешно пытался на ходу ухватить вымя коровы.

Эта мирная деревенская картина заставила еще больше почувствовать тяжесть положения, к чувству страха примешивалась и даже подавила его на короткое время злая обида: вот... утро такое... все живут. И овцы, и везде жизнь как жизнь, а ты умирай!

И, как это часто бывает, из хаоса сумбурных мыслей, нелепых и невозможных планов выплыла одна необыкновенно простая и четкая мысль, именно та самая, которая, казалось бы, естественней всего и прежде всего должна была прийти на помощь.

Я так крепко освоился с положением красноармейца и бойца пролетарского отряда, что позабыл совершенно о том, что моя принадлежность к красным как бы подразумевалась сама собой и не требовала никаких доказательств, и доказывать или отрицать казалось мне вообще таким никчемным, как объяснять постороннему, что волосы мои белые, а не черные.

«Постой,— сказал я себе, радостно хватаясь за спасительную нить.— Ну ладно... я красный. Это я об этом знаю, а есть ли какие-нибудь признаки, по которым могли бы узнать об этом они?»

Поразмыслив немного, я пришел к окончательному убеждению, что признаков таких нет. Красноармейских документов у меня не было. Серую солдатскую папаху со звездочкой я потерял, убегая от кордона. Тогда же бросил я и шинель. Разбитая винтовка валялась в лесу на траве, патронташ перед тем, как идти купаться, я оставил в шалаше. Гимнастерка у меня была черная, ученическая. Возраст у меня был не солдатский. Что же еще остается?

Ах, да! Маленький маузер, спрятанный на груди, и еще что? Еще история о том, как я попал на берег речки. Но маузер можно запихать под печь, а историю... историю можно и выдумать.

Чтобы не запутаться, решил не усложнять обстоятельств выдумыванием нового имени и новой фамилии, возраста и места рождения. Я решил остаться самим собой, то есть Борисом Гориковым, учеником пятого класса Арзамасского реального училища, отправившимся с дядей (чтобы не сбиться, дядю настоящего вспомнил) в город Харьков к тетке (адрес тетки остался у дяди). По дороге я отстал от дяди, меня ссадили с поезда за проезд без пропуска и документов (они у дяди). Тогда я решил пройти вдоль полотна, чтобы сесть на поезд со следующей станции. Но тут красные кончились и начались белые. Если спросят, чем жил, пока шел, скажу, что подавали по деревням. Если спросят, зачем направился в Харьков, раз не знаю адреса тетки, скажу, что надеялся узнать в адресном столе. Если скажут: «Какие же, к черту, могут быть сейчас адресные столы?» — удивлюсь и скажу, что могут, потому ж на что Арзамас худой город, и то там есть адресный стол. Если спросят: «Как же так дядя надеялся пробраться из красной России в белый Харьков?» — скажу, что дядя у меня такой пройдоха, что не только в Харьков, а хоть за границу проберется. А я вот... нет, не пройдоха, не могу никак. На этом месте нужно будет заплакать. Не особе-

но, а так, чтобы печаль была видна. Вот и все пока, остальное будет видно на месте.

Вынул маузер. Хотел было сунуть его под печь, но раздумал. Даже если отпустят, отсюда его уж не вытащишь. Комната имела два окна: одно выходило на улицу, другое — в узенький проулок, по которому пролегал тропка, заросшая по краям густой крапивой. Тогда я поднял с полу обрывок бумаги, завернул маузер и бросил небольшой сверток в самую гущу крапивы. Только что успел я это сделать, как на крыльце застучали. Привезли еще троих: двух мужиков, скрывших лошадей при обходе за подводами, и парнишку, уж не знаю зачем укравшего запасную возвратную пружину с двуколки у пулеметчика. Парнишка был избит, но не охал, а только тяжело дышал, точно его прогнали бегом.

Между тем улица села оживилась. Проходили солдаты, ржали кони, звякали котелки возле походной кухни. Показались связисты, разматывавшие на рогульки телефонный провод. Четко, в ногу, под командой важного унтера прошел мимо не то караул к разводу, не то застава к смене.

Опять щелкнул замок, просунулась голова солдата. Остановившись у порога, солдат вытащил из кармана смятую бумажку, заглянул в нее и крикнул громко:

— Который тут Ваалд, что ли? Выходи.

Я посмотрел на своих соседей, те на меня — никто не подымался.

— Ваалд... Ну, кто тут?

«Ваалд Юрий!» — ужаснулся я, вспомнив про бумаги, которые нашел в подкладке и о которых позабыл среди волнений последнего времени. Выбора у меня не было. Я встал и нетвердо направился к двери.

«Ну да, конечно,— понял я.— Они нашли бумаги и принимают меня за того... за убитого. Ой, как это скверно! Какой хороший и простой был мой первый плап, и как легко мне теперь сбиться и запутаться. А отказаться от бумаг нельзя. Сразу же возникнет подозрение — где достал документы, зачем?» Выле-

тоска из головы вся тщательно придуманная история с поездкой к тете, с пройдохой-дядей... Нужно уж что-то сообразить новое, но что сообразишь? Тут уж придется, видно, на месте. Выпрямился и попробовал улыбнуться. Но как трудно иногда быть веселым, как невольно, точно резиновые, сжимаются и вздрагивают насильно растянутые в улыбку губы!

С крыльца штаба спускался высокий пожилой офицер в погонах капитана. Рядом, с видом собаки, которой дали пинка, шагал староста. Заметив меня, староста остановился и развел руками: извините, мол, ошибка вышла.

Офицер сказал старосте что-то резкое, и тот, подобострастно кивнув головой, побежал вдоль улицы.

— Здравствуй, военнопленный,— немного насмешливо, но совсем не сердито сказал капитан.

— Здравия желаю, господин капитан! — ответил я так, как учили нас в реальном на уроках военной гимнастики.

— Ступай,— отпустил офицер моего конвоира и подал мне руку.— Ты как здесь? — спросил он, хитро улыбаясь и доставая папироску.— Родину и отечество защищать? Я прочел письмо к полковнику Коренькову, но оно ни к чему тебе теперь, потому что полковник уже месяц как убит.

«И очень хорошо, что убит»,— подумал я.

— Пойдем ко мне. Как же это ты, братец, не сказался старосте? Вот и пришлось тебе посидеть. Попал к своим, да сразу и в кутузку.

— А я не знал, кто он такой. Погоню у него нет, мужик мужиком. Думал, что красный это. Тут ведь, говорят, шатаются,— выдал я из себя и в то же время подумал, что офицер, кажется, хороший, не очень наблюдательный, иначе бы он по моему неестественному виду сразу догадался, что я не тот, за кого он меня принимает.

— Знавал я твоего отца,— сказал капитан.— Давненько, в седьмом году на маневрах в Озерках у вас был. Ты тогда еще совсем мальчуганом был, только смутное какое-то сходство осталось. А ты не помнишь меня?

— Нет, — как бы извиняясь, ответил я, — не помню. Маневры помню чуть-чуть, только тогда у нас много офицеров было.

Если бы я не имел того «смутного сходства», о котором упоминал капитан, и если бы у него появилось хоть маленькое подозрение, он двумя вопросами об отце, о кадетском корпусе мог бы вконец угробить меня.

Но офицер и не подозревал ничего. То, что я не открылся старосте, казалось очень правдоподобным, а воспитанники кадетских корпусов на Дон бежали тогда из России табунами.

— Ты, должно быть, есть хочешь? Пахомов! — крикнул он раздувавшему самовар солдату. — Что у тебя приготовлено?

— Куренок, ваше благородие. Самовар сейчас вскипит... да попадья квашню вынула, лепешки скоро будут готовы.

— Куренок! Что нам на двоих куренок? Ты давай еще чего-нибудь.

— Смалец со шкварками можно, ваше благородие, со вчерашними варениками разогреть.

— Давай вареники, давай куренка, да скоренько!

Тут в соседней комнате занял вызов телефонного аппарата.

— Ваше благородие, ротмистр Шварц к телефону просит.

Уверенным, спокойным баритоном капитан передавал распоряжения ротмистру Шварцу.

Когда он положил трубку, кто-то другой, по-видимому также офицер, спросил у капитана:

— Что Шварц знает нового об отряде Бегичева?

— Пока ничего. Заходили вчера двое красных на Кустаревскую усадьбу, а поймать не удалось. Да! Виктор Ильич, напишите донесение, что, по агентурным сведениям Шварца, отряд Шебалова будет пытаться проскочить мимо полковника Жихарева в районе завесы красных. Нужно не дать им соединиться с Бегичевым... Ну-с, молодой человек, пойдем завтракать. Покушайте, отдохните, а тогда будем решать, как и куда вас следует пристроить.

Только что мы успели сесть за стол, денщик поставил плошку с дымящимися варениками, куренка, который по размерам

походил скорее на здорового петуха, и шипящую сковородку со шкварками, только что успел я протянуть руку за деревянной ложкой и подумать о том, что судьба, кажется, благоприятствует мне, как возле ворот послышался шум, говор и ругательства.

— До вас, ваше благородие,—сказал вернувшийся денщик,—красного привели с винтовкой. На Забеленном лугу в шалаше поймали. Пошли пулеметчики сено покосить, глянули, а он в шалаше спит, и винтовка рядом и бомба. Ну, навалились и скрутили. Завести прикажете?

— Пусть приведут... Не сюда только. Пусть в соседней комнате подождут, пока я позавтракаю.

Опять затопали, застучали приклады.

— Сюда! — крикнул за стеной кто-то.— Садись на лавку да шапку-то сыми, не видишь — иконы!

— Ты руки прежде раскрути, тогда гавкай!

Вареник заглодел в моем полураскрытом рту и плюхнулся обратно в миску. По голосу в пленном я узнал Чубука.

— Что, обжегся? — спросил капитан.— А ты не наваливайся очень-то. Успеешь, наешься.

Трудно себе представить то мучительное, напряженное состояние, которое охватило меня. Чтобы не внушать подозрения, я должен был казаться бодрым и спокойным. Вареники глиняными комьями размазывались по рту. Требовалось чисто физическое усилие для того, чтобы протолкнуть кусок через сжимавшееся горло. Но капитан уверен в том, что я сильно голоден, да и я сам еще до завтрака сказал ему об этом. И теперь я должен был через силу есть. Тяжело ворочая одеревеневшими челюстями, машинально нанизывая лоснящиеся от жира куски на вилку, я был подавлен и измят сознанием своей вины перед Чубуком. Это я, несмотря на его предупреждения, самовольно ушел купаться. Это я виноват в том, что его захватили в плен двое пулеметчиков. Я виноват в том, что самого дорогого товарища, самого любимого мной человека взяли сонным и привели во вражеский штаб.

— Э-э, брат, да ты, я вижу, совсем спишь,— как будто бы

издалека донесся до меня голос капитана.— Вилку с вареником в рот, а сам глаза закрыл. Ляг поди на сено, отдохни. Пахомов, проводи!

Я встал и направился к двери. Теперь нужно было пройти через комнату телеграфистов, в которой сидел пленный Чубук. Это была тяжелая минута. Нужно было, чтобы удивленный Чубук ни одним жестом, ни одним восклицанием не выдал меня. Нужно было дать понять, что я попытаюсь сделать все возможное для того, чтобы спасти его.

Чубук сидел, низко опустив голову. Я кашлянул. Чубук поднял голову и быстро откинулся назад.

Но, уже прежде чем коснуться спиной стены, он пересилил себя, смял и заглушил невольно вырвавшийся взглас. Как бы сдерживаясь от кашля, я приложил палец к губам, и по тому, как Чубук быстро сощурил глаз и перевел взгляд с меня на шагавшего вслед за мной денщика, я догадался, что Чубук все-таки ничего не понял и считает меня также арестованным по подозрению, пытающимся оправдаться. Его подбадривающий взгляд говорил мне: «Ничего, не бойся. Я тебя не выдам».

Вся эта молчаливая сигнализация была такой короткой, что ее никто не заметил. Покачиваясь, я вышел во двор.

— Сюда пожалуйста,— указал мне денщик на небольшой сарайчик, примыкавший к стене дома.— Там сено снутри и одеяло. Дверцу только закройте за собой, а то поросюки набегут.

Глава десятая

Уткнувшись головой в кожаную подушку, я притих. «Что же делать теперь? Как спасти Чубука? Что должен сделать я для того, чтобы помочь ему убежать? Я виноват, я должен изворачиваться, а я сижу, ем вареники, и Чубук должен за меня расплачиваться».

Но придумать ничего я не мог.

Голова нагрелась, щеки горели, и понемногу лихорадочное,

возбужденное состояние овладело мной. «А честно ли я поступаю? Не должен ли я пойти и открыто заявить, что я тоже красный, что я товарищ Чубука и хочу разделить его участь?» Мысль эта своей простотой и величием ослепила меня. «Ну да, конечно,— шептал я,— это будет, по крайней мере, искуплением моей невольной ошибки». Тут я вспомнил давно еще прочитанный рассказ из времен французской революции, когда отпущенный на честное слово мальчик вернулся под расстрел к вражескому офицеру. «Ну да, конечно,— торопливо убеждал и уговаривал себя я,— я встану сейчас, выйду и все скажу. Пусть видят тогда и солдаты и капитан, как могут умирать красные. И когда меня поставят к стенке, я крикну: «Да здравствует революция!» Нет... не это. Это всегда кричат. Я крикну: «Проклятие палачам!» Нет, я скажу...»

Все больше и больше упиваясь сознанием мрачной торжественности принятого решения, все более разжигая себя, я дошел до того состояния, когда смысл поступков начинает терять свое настоящее значение.

«Встаю и выхожу.— Тут я приподнялся и сел на сено.— Так что же я крикну?»

На этом месте мысли завертелись яркой, слепящей каруселью, какие-то нелепые, никчемные фразы вспыхивали и гасли в сознании, и, вместо того чтобы придумать предсмертное слово, уж не знаю почему, я вспомнил старого цыгана, который играл на свадьбах в Арзамасе на флейте. Вспомнил и многое другое, никак не связанное с тем, о чем я пытался думать в ту минуту.

«Встаю...» — подумал я. Но сено и одеяло крепким, вязущим цементом обволокли мои ноги.

И тут я понял, почему я не поднимаюсь. Мне не хотелось подниматься, и все эти раздумья о последней фразе, о цыгане — все было только поводом к тому, чтобы оттянуть решительный момент. Что бы я ни говорил, как бы я ни возбуждал себя, мне окончательно не хотелось идти открываться и становиться к стенке. Сознавшись себе в этом, я покорно лег опять на подушку

и тихо заплакал над своим ничтожеством, сравнивая себя с великим мальчиком из далекой французской революции.

Деревянная стена, к которой было привалено сено, глухо вздрогнула. Кто-то изнутри задел ее чем-то твердым: не то прикладом, не то углом скамейки. За стеной слышались голоса.

Проворной ящерицей я подполз вплотную, приложил ухо к бревнам и тотчас же поймал середину фразы капитана:

— ...поэтому нечего чушь пороть. Хуже себе делаешь. Сколько пулеметов в отряде?

— Хуже уж некуда, а влиять мне нечего,— ответил Чубук.

— Пулеметов сколько, спрашиваю?

— Три... два «максима», один кольт.

«Нарочно говорит,— понял я.— У нас в отряде всего только один кольт».

— Так. А коммунистов сколько?

— Все коммунисты.

— Так-таки все? И ты коммунист?

Молчание.

— И ты коммунист? Тебя спрашиваю!

— Да что зря спрашивать? Сам билет в руках держит, а спрашивает.

— Мо-ол-чать! Ты, как я смотрю, кажется, идейный. Стой прямо, когда с тобой офицер разговаривает. Это ты в усадьбе был?

— Я.

— С тобой еще кто?

— Товарищ... Еврейчик один.

— Жид? Куда он делся?

— Убег куда-то... в другую сторону.

— В какую сторону?

— В противоположную.

Что-то стукнуло, двинулась табуретка, и баритон протяжно заговорил:

— Я тебе дам «в противоположную»! Я тебя сейчас самого пошлю в противоположную.

— Чем бить, распорядились бы лучше скорей, да и делу конец,— тише прежнего донесся голос Чубука.— Наши бы, если вас, ваше благородие, поймали, дали бы раза два в морду — и в расход. А вы, глядите-ка, всего плетьюгой исполосовали, а еще интеллигентный.

— Что-о?.. Что ты сказал? — высоким, срывающимся голосом закричал капитан.

— Я говорю, нечего человека зря валандать!

Вмешался прежний голос:

— Господин командир полка, к аппарату!

Минут десять за стеной молчали. Потом с крыльца уже слышался голос денщика Пахомова:

— Ординарец! Мусабеков!.. Ибрагипка!..

— Ну-у? — донесся из малинника ленивый отклик.

— И где ты, черт, делся? Седлай жеребца капитану.

За стенкой опять баритон:

— Виктор Ильич! Я в штаб... Вернусь, вероятно, ночью. Позвоните Шварцу, чтобы он срочно связался с Жихаревым. Жихарев донес, что отряды Бегичева и Шебалова соединились возле разлома.

— А с этим что?

— Этого... этого можно расстрелять. Или нет — держите его до моего возвращения. Мы еще поговорим с ним. Пахомов,— повышая тон, продолжал капитан,— лошадь готова? Поддай-ка мне бинокль. Да! Когда этот мальчик проснется, накормишь его. Мне обед оставлять не надо. Я там пообедаю.

Мелькнули через щели черные папахи ординарцев. Мягко захлопали по пыли подковы. Через ту же щель я увидел, как конвоиры повели Чубука к избе, в которой я сидел утром.

«Капитан вернется поздно,— подумал я,— значит, в следующий раз Чубука выведут для допроса ночью».

Робкая надежда легким, прохладным дуновением освежила мою голову.

Я здесь на свободе... Никто меня ни в чем не подозревает, больше того: я гость капитана. Я могу беспрепятственно ходить

где хочу, и, когда начнет темнеть, я, как бы прогуливаясь, пойду по тропке, которая пролегает возле окошка, выходящего на зады. Подниму маузер и суну его через решетку. Солдаты придут ночью за Чубуком. Он выйдет на крыльцо и, пользуясь тем, что они будут считать его безоружным, сможем убить и того и другого, прежде чем хоть один из них успеет вскинуть винтовку. Ночи теперь темные; два шага отскочил — и пропал. Только бы удалось просунуть маузер, а это сделать нетрудно. Избушка каменная, решетки крепкие, и поэтому часовой, не опасаясь побега через окно, сидит у крыльца и сторожит дверь; только изредка подойдет он к углу, посмотрит и опять отойдет.

Я вышел из сарайчика. Чтобы скрыть следы слез, вылил себе на голову полный ковш холодной воды. Денщик подал мне кружку квасу и спросил, хочу ли я обедать. От обеда я отказался, пошел на улицу и сел на завалинку.

Решетчатое окошко, за которым сидел Чубук, черной дырой уставилось на меня с противоположной стороны широкой улицы.

«Хорошо, если бы Чубук заметил меня,— подумал я.— Это ободрит его, он поймет, что раз я здесь на свободе, то постараюсь спасти его. Как заставить его выглянуть? Крикнуть нельзя, рукой помахать — часовой заметит... Ага! Вот как. Так же, как когда-то в детстве я вызывал Яшку Цуккерштейна в сад или на пруд».

Сбегал в комнату, снял со стены небольшое походное зеркальце и вернулся на завалинку. Сначала я занимался рассматриванием прыщика, вскочившего на лбу, потом как бы нечаянно пустил солнечного зайчика на крышу противоположного дома и оттуда незаметно перевел светлое пятно в черный провал окна. Часовому, сидевшему на крыльце, был невидим острый луч, ударивший через окно во внутреннюю стену избы. Тогда, не двигая зеркала, я закрыл стекло, открыл опять, и так несколько раз.

Расчет мой, основанный на том, что арестованный заинтересуется причиной вспышек в затемненной комнате, оправдался. В следующую минуту в окне под лучами моего солнечного прожектора возник силуэт человека. Сверкнув несколько раз, чтобы

Чубук проследил направление луча, я отложил зеркало и, встав во весь рост, как бы потягиваясь, поднял руку вверх, что на языке военной сигнализации всегда означало: «Внимание! Будьте готовы!»

К крыльцу подошли два стройных юнкера в запыленных бескозырках, с карабинами, ловко перекинутыми наискосок за спину, и спросили капитана. К ним вышел замещавший капитана младший офицер. Юнкера отдали честь, и один протянул пакет:

— От полковника Жихарева.

С завалинки я услышал жужжание телефона: младший офицер настойчиво вызывал штаб полка. Четыре солдата, присланные от рот для связи, выскочили из штабной избы и мерным солдатским бегом понеслись в разные концы села. Еще через несколько минут распахнулись ворота околицы, и десять черных казаков легкой стайкой выпорхнули за деревню. Быстрота и четкость, с которой выполнялись передаваемые штабом распоряжения, неприятно поразили меня.

Вышколенные юнкера и вымуштрованные казаки, из которых состоял сводный отряд, были не похожи на наших храбрых, но горластых и плохо дисциплинированных ребят.

Солнце еще только близилось к закату, а мне уже не сиделось. По приготовлениям и отдельным фразам я понял, что в ночь отряд будет выступать. Чтобы скоротать до темноты время, а заодно получше осмотреться, я пошел вдоль села и вышел на пруд, в котором казаки купали лошадей. Лошади фыркали, чавкали копытами, увязавшими в вязком, глинистом дне. Взмаламученная затхлая вода теплыми струйками стекала с их лоснящейся, жирной кожи.

На берегу бородатый голый казак с крестом на шее рубил пашкой кусты густого ракитника.

Занося шашку, казак поджимал губы, а когда опускал ее, то из груди его вылетал короткий вздох, производивший тот самый неопределенный звук, который вырывается у мясников, разделяющих топором коровью тушу: бых... бых...

Под острым блестящим клинком толстые сучья валились, как трава. Попади ему сейчас под замах вражья рука — не будет руки. Попади ему красноармейская голова — разрубит наискосок, от шеи до плеча.

Видел я следы казачьих пашек: как будто бы не на скаку, не узким лезвием пашки нанесен гибельный удар, а на плахе топором спокойно, хорошо нацелившегося заплечных дел мастера.

Заслышав звон колокола, призывавшего ко всеобщей, казак кончил рубить. Серой суконной портянкой вытер разгоревшийся клинок, вложил его в ножны и, тяжело дыша, перекрестился.

Меж картофельных гряд узенькой тропкой дошел я до родника. Ледяная вода с веселым журчаньем стекала со старой, покрытой мхом колоды. Заржавленная икона, врезанная в подгнивший крест, тускло глядела выцветшими глазами. Под иконой слабо обозначалась вырезанная ножом надпись:

«Все иконы и святые — ложь».

Начинало темнеть. «Еще полчаса, — подумал я, — и можно будет пробираться к каменной избушке». Я решил выйти на конец села, пересечь большую дорогу и оттуда тропкой пробраться к решетчатому окну. Я хорошо знал место, на которое упал маузер. Белая обертка бумаги немного просвечивала сквозь крапиву. Я решил, не останавливаясь, поднять сверток, сунуть его через решетку и идти дальше как ни в чем не бывало.

Завернув за угол, я очутился на пустыре. Здесь я увидел кучу солдат и неожиданно лицом к лицу столкнулся с капитаном.

— Что ты тут ходишь? — удивившись, спросил он. — Или ты тоже пришел посмотреть? Тебе ведь еще в диковинку.

— Вы разве уже приехали? — заплетающимся языком глупо выдавил я из себя, не понимая еще, о чем это он говорит.

Слова команды, раздавшиеся сбоку, заставили нас обернуться. И то, что я увидел, толкнуло меня судорожно вцепиться в обшлаг капитанского рукава.

В двадцати шагах, в стороне, пять солдат с винтовками, взятыми наизготовку, стояли перед человеком, поставленным

...Чубук выпрямился и, презрительно покачав головой, плюнул.

к глиняной стене нежилой мазанки. Человек был без шапки, руки его были стянуты назад, и он в упор смотрел на нас.

— Чубук,— прошептал я зашатавшись.

Капитан удивленно обернулся и, как бы успокаивая, положил мне руку на плечо. Тогда, не спуская с меня глаз и не обращая внимания на команду, по которой солдаты взяли винтовки к плечу, Чубук выпрямился и, презрительно покачав головой, плюнул.

Тут так сверкнуло, так грохнуло, что как будто бы моей головой ударили по большому турецкому барабану.

И, зашатавшись, обдирая хлястик капитанского обшлага, я повалился на землю.

— Кадет,— строго сказал капитан, когда я опомнился,— это еще что такое? Баба... тряпка! Незачем было лезть смотреть, если не можешь. Так нельзя, батенька,— уже мягче добавил он,— а еще в армию прибежал.

— С непривычки это,— зажигая спичку и закуривая, вставил поручик, командовавший солдатами.— Вы не обращайтесь на это внимания. У меня в роте телефонистик один из кадетов. Сначала по ночам маму звал, а теперь такой аховый. А этот-то хорош,— понижая голос, продолжал офицер.— Стоял, как на часах, не коверкался. И ведь еще плюнул!

Глава одиннадцатая

В ту же ночь, захватив свой маузер и сунув в карман бомбу, валявшуюся в капитанской повозке, с первого же пятиминутного привала я убежал.

Всю ночь безостановочно, с тупым упрямством, не сворачивая с опасных дорог, пробирался я к северу. Черные тени кустарников, глухие овраги, мостики — все то, что в другое время заставило бы меня насторожиться, ждать засады, обходить стороной, проходил я в этот раз напролом, не ожидая и не веря в то, что может быть что-нибудь более страшное, чем то, что произошло за последние часы. Шел, стараясь ни о чем не думать,

ничего не вспоминать, ничего не желая, кроме одного только: скорей попасть к своим.

Следующий день, с полудня до глубоких сумерек, проспал я, как под хлороформом, в кустах запущенной лощины; ночью поднялся и пошел опять. По разговорам в штабе белых я знал, где приблизительно мне нужно искать своих. Они должны были быть уже недалеко. Но напрасно до полуночи кружил я тропками, проселочными дорогами — никто не останавливал меня.

Ночь, как трепыхающаяся птица, билась в разноголосом звоне неумолчных пташек, в кваканье лягушек, в жужжанье комаров. В шорохах пышной листвы, в запахах ночных фиалок и лесной осоки беспокойной совой кричала раззолоченная звездами душная ночь.

Отчаяние стало овладевать мной. Куда идти, где искать? Вышел к подошве холма, поросшего сочным дубняком, и, обессиленный, лег на поляну, поросшую душистым диким клевером. Так лежал я долго, и чем дольше думал, тем крепче черной пивкой всасывалось сознание той ошибки, которая произошла. Это на меня плюнул Чубук, на меня, а не на офицера. Чубук не понял ничего, он ведь не знал про документы кадета, я забыл сказать ему про них. Сначала Чубук думал, что я тоже в плену, но когда увидел меня сидящим на завалинке, а особенно потом уже, когда капитан дружески положил мне руку на плечо, то, конечно, Чубук подумал, что я перешел на сторону белых. Ничем иным Чубук не мог объяснить себе той заботливости и того внимания, которые были проявлены ко мне белым офицером. Его плевок, брошенный в последнюю минуту, жег меня, как серная кислота. И еще горше становилось от сознания, что поправить дело нельзя, объяснить и оправдаться не перед кем и что Чубука уже больше нет и не будет ни сегодня, ни завтра, никогда...

Злоба на самого себя, на свой непоправимый поступок в шалаше туже и туже скручивала грудь. И никого кругом не было, не с кем было поделиться, поговорить. Тишина. Только гам птиц да лягушиное кваканье.

К злобе на самого себя примешивалась ненависть к проклятой, выматывающей душу тишине. Тогда, обозленный, раскаивающийся и оскорбленный, в бессмысленной ярости вскочил я, выхватил из кармана бомбу, дернул предохранитель и сильным взмахом бросил ее на зеленый луг, на цветы, на густой клевер, на росистые колокольчики.

Бомба разорвалась с тем грохотом, которого я хотел, и с далекими, распугивающими тишину перегудами и перекатами ошалелого эха.

Я прямо зашагал вдоль опушки.

— Эй, кто там идет? — услышал я вскоре из-за кустов.

— Я иду, — ответил я не останавливаясь.

— Что за я?.. Стрелять буду!

— Стреляй! — с непонятной вызывающей злобой крикнул я, вырывая маузер из-за пазухи.

— Стой, шальной! — раздался другой голос, показавшийся мне знакомым и обращавшийся к невидимому для меня спутнику. — Васька, стой же ты, черт! Да ведь это же, кажется, наш — Бориска.

У меня хватило здравого смысла опомниться и не бабахнуть в бойца нашего отряда, шахтера Малыгина.

— Да откуда ты взялся? А мы тут недалеко. Послали нас разузнать: бомбой кто-то грохнул. Уж не ты ли?

— Я.

— Чего ты разошелся так? И бомбами швыряешься и на рожон прешь. Ты уж не пьяный ли?

Все рассказал я товарищам: как попал к белым, как был захвачен и погиб славный Чубук, только о последнем плевке Чубука не сказал я никому. И тогда же выложил заодно обо всем, что слышал в штабе о планах белых, о расположении, о том, что отряды Жихарева и Шварца постараются нагнать наших.

— Что же, — сказал Шебалов, опираясь на потемневший и поцарапанный в походах палаш, — слов нету, жалко Чубука.

Был Чубук первый красноармеец, лучший боец и товарищ. Что и говорить... Большую оплошку сделал ты, парень... Да, большую.— Тут Шебалов вздохнул.— Ну, а как мертвого все равно не воротить, нечего мне тебе говорить, да и ты сам не нарочно, а с кем беды не бывает.

— С кем беды не бывает,— подхватило несколько голосов.

— Ну, а вот за то, что узнал ты про Жихарева, что торопишься ты сообщить об этом товарищам,— за это тебе вот моя рука и спасибо!

...Круто завернув вправо, большими ночными переходами далеко ушли мы от ловушки, расставленной Жихаревым, и, минуя крупные села, сбивая на пути мелкие разъезды белых, соединившиеся отряды Шебалова и Бегичева, вышли через неделю к своим регулярным частям, державшим завесу на участке станции Поворино.

В те же дни я стал кавалеристом. На стоянке подошел ко мне Федя Сырцов, хлопнул по плечу своей маленькой цепкой пи-терней.

— Борис,— спросил он,— верхом ездил когда?

— Ездил,— ответил я,— в деревне только у дядьки, да и то без седла. А что?

— Раз без седла ездил, в седле и подавно сумеешь. Хочешь ко мне в конную?

— Хочу,— ответил я и недоверчиво посмотрел на Федю.

— Ну, так вместо Бурдюкова будешь. Его коня возьмешь.

— А Гришка где?

— Шебалов выгнал.— И Федя выругался.— Вовсе из отряда выгнал. Гришка на обыске у попа надел на палец колечко да и забыл снять. И колечко-то дрянь, ему в мирное время пятерка — красная цена. Так поди ж ты поговори с Шебаловым! Выгнал, черт, попову сторону взял.

Я хотел было возразить Феде, что вряд ли Шебалов станет держать попову сторону и что, вероятно, Гришка Бурдюков не нечаянно позабыл снять кольцо. Но тут мне показалось, что Феде не понравится это разъяснение, он, чего доброго, раздумает

братъ меня в конную разведку, и я смолчал. А в конную давно уже мне хотелось.

Пошли к Шебалову.

Шебалов неохотно согласился отпустить меня из первой роты. Поддержал неожиданно хмурый Малыгин.

— Пусти его,— сказал он.— Парень молодой, проворный. Да и так он ходит все, без Чубука скучает. Они ведь всегда на пару, а теперь не с кем ему!

Шебалов отпустил, но, исподлобья посмотрев на Федю, сказал ему не то шутя, не то серьезно:

— Ты, Федор, смотри... не спортъ у меня парня! Ты не вихляй глазами-то, серьезно я тебе говорю!

Вместо ответа Федя задорно подмигнул мне: ладно, дескать, сами не маленькие.

Через месяц я уже, как заправский кавалерист, подражая Феде, ходил, расставляя в стороны ноги, перестал путаться в шпорах и все свободное время проводил возле тощего пегого жеребца, который достался мне после Бурдюкова.

Я сдружился с Федей Сырцовым, хотя Федя вовсе не был похож на расстрелянного Чубука. Если правду сказать, то с Федей я себя чувствовал даже свободнее, чем с Чубуком. Чубук был похож на отца, а не на товарища. Станет иногда выговаривать или стыдить, стоишь и злишься, а язык не поворачивается сказать ему что-нибудь резкое. С Федей же можно было и поругаться и помириться, с ним было весело даже в самые тяжелые минуты. Капризный только был Федя. Иной раз заладит свое, так ничем его не сшибешь.

Глава двенадцатая

Однажды Шебалов приказал Феде:

— Седлай, Федор, коней и направляйся в деревеньку Выселки. Второй полк по телефону разведать просил, нет ли там белых. У нас своего провода к ним не хватает, приходится раз-

говаривать через Костырево, а они думают прямо через Выселки к нам связь протянуть.

Федя заартачился. Погода дождливая, скверная, а до Выселок надо было через болото километров восемь такой грязью переть, что раньше чем к ночи оттуда вернуться и думать было нечего.

— Кто на Выселках есть? — возмутился Федя. — Зачем там белые окажутся? Выселки вовсе в стороне, кругом болота. Если белым нужно, то они по большаку попрут, а не на Выселки.

— Тебя не спрашивают! Сказано тебе отправиться — отправляйся, — оборвал его Шебалов.

— Мало ли что сказано! Ты, может, чертову бабушку разыскивать пошлешь меня! Так я и послушался! Нехай пехотинцы идут. Я лошадей хотел перековать, а кроме того, табаку фельдшер два ведра напарил, от чесотки коням растирку сделать нужно, а ты... на Выселки!

— Федор, — устало сказал Шебалов, — ты мне хоть разбейся, а приказа своего я не отменю.

Шлепая по грязи, ругаясь и отплеываясь, Федя заорал нам, чтобы мы собирались. Никому из нас не хотелось по дождю и слякоти тащиться из-за каких-то телеграфистов на Выселки. Ругали ребята Шебалова, обзывали телеграфистов шкурами, пустозвонами, нехотя седлали мокрых лошадей и нехотя, без песен, тронулись к окраине деревушки.

Вязкая, жирная глина тупо чавкала под ногами. Ехать можно было только шагом. Через час, когда мы были только еще на полдороге, хлынул ливень. Шинели разбухли, вода струйками сбегала с шапок. Дорога раздваивалась.

В полукилометре направо, на песчаной горке, стоял хутор в пять или шесть дворов. Федя остановился, подумал и дернул правый повод.

— Отогреемся, тогда поедем дальше, — сказал он. — А то на дожде и закурить нельзя.

В большой, просторной избе было тепло, чисто прибрано и

пахло чем-то очень вкусным, не то жареным гусем, не то свиной.

— Эге! — тихонько шепнул Федя, шмыгнув носом. — Хутор-то, я вижу, еще того, еще не объединенный.

Хозяин попался радушный. Мигнул здоровой девке, и та, задорно глянув на Федю, плюхнула на стол деревянные миски, высыпала ложки и, двинув табуретом, сказала, усмехаясь:

— Что ж стали-то? Садитесь.

— А что, хозяин, — спросил Федя, — далеко ли отсюда еще до Выселок?

— В лето, когда сухо, — ответил старик, — тогда мы прямой тропкой через болото ходим. Тут вовсе не далеко, полчаса ходьбы всего. Ну, а сейчас там не пройдешь, завязнуть недолго. А так по дороге, по которой вы ехали, часа два проедешь. Тоже скверная дорога, особенно у мостика через ключ. Верхами ничего, а с телегой плохо. Зять у меня нынче вернулся оттуда, так оглоблю сломал.

— Сегодня оттуда? — спросил Федя.

— Сегодня, с утра еще.

— Что там, не слыхать белых?

— Да нет, не слыхать пока.

— Пес его, Шебалова, задери. Говорил я ему, что нету. Раз с утра не было, значит, и сейчас нету. Весь день такой дождина, кого туда понесет? Давай раздевайся, ребята. Не за каким чертом лезть дальше. Только ноги коням вывертывать.

— Ладно ли, Федька, будет? — спросил я. — А что Шебалов скажет?

— Что Шебалов? — ответил Федя, решительно сбрасывая тяжелую, перепачканную глиной шинельку. — Скажем Шебалову, что были, мол, и никого нету!

За обедом на столе появилась бутылка самогонки. Федя разлил по чашкам, налил и мне.

— Пейте, — сказал он чокаясь. — Выпьем за всемирный пролетариат, за итальянскую революцию! Пошли, господа, чтобы на наш век революции хватило и белые не переводились! Дай им

доброе здоровья, хоть порубать есть кого, а то скучно было бы без них жить на свете. Ну, дергаем!

Заметив, что я не решаюсь поднять чашку, Федя при-
свистнул:

— Фью!.. Да ты что, Борис, али не пил еще никогда? Ты, я вижу, не кавалерист, а красная девушка.

— Как не пил! — горячо покраснев, соврал я и лихо опроки-
нул чашку в рот.

Пахучая едкая жидкость обволокла горло и ударила в нос.

Я наклонил голову и ожесточенно впился губами в размяк-
лый соленый огурец.

Вскоре мне стало весело. Вытащил Федя из кожаного чехла свой баян и заиграл что-то такое, от чего сразу стало хорошо на душе. Потом пили еще, пили и за здоровье красных бойцов, ко-
торые бьются с белыми, и за наших товарищей коней, которые
носят нас в смертный бой, и за наши пашки, чтобы не тупились,
не осекались и беспощадно белые головы рубили, и за многое
другое еще в тот вечер пили.

Больше всех пил и меньше всех пьянел Федя. Черные пряди
волос прилипли к его взмокшему лбу; он яростно растягивал
мехи баяна и мягким тенором выводил:

Как за Доном за рекою красные гуляют...

А мы нестройно, но с воодушевлением подхватывали:

Э-эй-эй, гуляй, красные гуляют...

И опять Федя заливался, качая головой, и жмурил влажные
глаза:

Им товарищ — острый нож,
Шашка-ли-хо-дей-ка...

А мы с хвастливым, беспашбашным молодечеством вторили
речитативом:

Шашка-ли-хо-дей-ка...

И разом дружно:

И-эх! Пра-а-падем мы ни за грош...
Жизнь наша — ко-пей-ка-а-а-а-а...

Напоследок Федя взял такую высокую ноту, что перекрыл и наши голоса и свой баян, опустил голову, раздумывая над чем-то, потом тряхнул кудрями так яростно, точно его укусила в шею пчела, и, стукнув кулаком по столу, потянулся опять к чашке.

Уезжали мы уже поздно вечером. Долго не мог я попасть ногой в стремя, а когда взобрался на коня, то показалось мне, что сижу не в седле, а на качелях. Голову мутило и кружило. Накрапывал мелкий дождь, кони слушались плохо, ряды путались, задние наезжали на передних. Долго шатало меня по седлу, и наконец я приник к гриве коня, как неживой.

Утром болела голова. Вышел на двор. Было противно за вчерашнее. В торбе у коня овса не было. Вернувшись вчера, я рассыпал овес спяну в грязь. Зато у Федькина жеребца в кормушке было навалено доверху. Я взял ведро и отсыпал своему коню. В сенях встретил двоих разведчиков; оба злые, глаза мутные, посоловелые.

«Неужели же у меня такое лицо?» — испугался я и пошел умываться. Мылся долго. Потом вышел на улицу. За ночь ударили заморозки, и на затвердевшую глину развороченной дороги западали редкие крупинки первого снега. Нагнал меня сзади Федя Сырцов и заорал:

— Ты что, сукин кот, из моей кормушки своему жеребцу отсыпал? Я тебя за эдакие дела по морде бить буду!

— Сдачи получишь, — огрызнулся я. — Что, твоему коню лопнуть, что ли? Ты зачем себе лишний четверик при дележке забрал?

— Не твое дело, — брызгая слюной и ругаясь, подскочил ко мне Федя, размахивая плетью.

— Убери плетъ, Федька! — взбеленившись, заорал я, зная его самодурские замашки. — Ей-богу, если хоть чуть заденешь, я тебе плашмя клинком по башке заеду!

— А, ты вот как!

Тут Федька разъярился вконец, и уж не знаю, чем бы копчился наш разговор, если бы не появился из-за угла Шебалов.

Шебалова Федя не любил и побаивался, а потому со злостью

жиганул плетью по спине вертевшуюся под ногами собачонку и, погрозив мне кулаком, ушел.

— Поди сюда,— сказал мне Шебалов.

Я подошел.

— Что вы с Федькой то в обнимку ходите, то собачитесь? Зайдем-ка ко мне в хату.

Притворив за собой дверь, Шебалов сел и спросил:

— На Выселках и ты с Федькой был?

— Был,— ответил я и смутился.

— Не ври! Никто из вас там не был. Где прошатались это время?

— На Выселках,— упрямо повторил я, не сознаваясь.

Хоть я и был зол на Федьку, но не хотел его подводить.

— Ну ладно,— после некоторого раздумья сказал Шебалов и вздохнул.— Это хорошо, что на Выселках, а я, знаешь, засомневался что-то, Федьку не стал и спрашивать: он соврет — недорого возьмет. Байбаки его тоже как на подбор. Мне со второго полка звонили. Ругаются. «Мы,— говорят,— послали телефонистов в Выселки, поверили вам, а их оттуда как жажнули!» Я отвечаю им: «Значит, уж опосля белые пришли», а сам думаю: «Пес этого Федьку знает, вернулся он что-то поздно, и вроде как водкой от него несет».

Тут Шебалов замолчал, подошел к окну, за которым белой россыпью отсеивался первый неустойчивый снежок, прислонился лбом к запотевшему стеклу и так простоял молча несколько минут.

— Беда мне прямо с этими разведчиками,— сказал он обращаясь.— Слов нету, храбрые ребята, а непутевые! И Федька этот тоже — никакой в нем дисциплины. Выгнал бы — заменить нечем.

Шебалов посмотрел на меня дружелюбно; белесоватые наспившиеся брови его разошлись, и от серых, всегда прищуренных для строгости глаз, точно кругами, как после камня, брошенного в воду, расплылась по морщинкам необычная для него смущенная улыбка, и он сказал искренне:

— Знаешь, ведь беда как трудно отрядом командовать! Это не то что сапоги тачать. Сижу вот целыми ночами... к карте привыкаю. Иной раз в глазах зарядит даже. Образования нет ни простого, ни военного, а белые упорные. Хорошо ихним капитанам, когда они ученые и всегда на военном деле сидят, а я ведь приказ даже по складам читаю. А тут еще ребята у нас такие. У тех дисциплина. Сказано — сделано! А у нас не привыкли еще, за всем самому надо глядеть, все самому проверять. В других частях хоть комиссары есть, а я просил-просил — нету, отвечают: «Ты пока и так обойдешься, ты и сам коммунист». А какой же я коммунист?..— Тут Шебалов запнулся.— То есть, конечно, коммунист, но ведь образования никакого.

В дверь ввалились грузный Сухарев и чех Галда.

— Я солдат в расфедку даль, я солдат... к пулеметшик даль... Я солдат... на кухню, а он нишего не даль,— возмущенно говорил крючконосый Галда, показывая пальцем на красного, злого Сухарева.

— Он на кухню дал,— кричал Сухарев,— картошку чистить, а я ночную заставу только к полудню снял! Он к пулеметчикам дал, а у меня из второго взвода с утра ребята мост артиллеристам чинить помогали. Нет, как ты хочешь, Шебалов. Пусть он людей для связи даст, а я не дам!

Сжались белесоватые брови, сощурились дымчатые глаза, и не осталось и следа смущенной, добродушной улыбки на сером, обветренном лице Шебалова.

— Сухарев,— строго сказал он, опираясь на свой палаши и оглушительно звякнув своими рыцарскими шпорами,— ты не дурри! У тебя одну ночь не поспали, ты и разохался. Ты же знаешь, что я нарочно Галде передохнуть даю, что ему особая задача будет. Он ночью на Новоселово пойдет.

Тут Сухарев разразился тремя очередями бесприцельной брани: крючконосый Галда, путая русские слова с чешскими, замахал руками, а я вышел.

Мне было стыдно за то, что я соврал Шебалову. «Шебалов,— думал я,— командир. Он не спит ночами, ему трудно. А мы... мы

вон как относимся к своему делу. Зачем я соврал ему, что наша разведка была в Выселках? Вот и телефонистов из соседнего полка подвели. Хорошо еще, что никого не убило. А ведь это уж нечестно, нечестно перед революцией и перед товарищами».

Пробовал было я оправдаться перед собой тем, что Федя — начальник и это он приказал переменить маршрут, но тотчас же поймал себя на этом и обозлился: «А водку пить тоже начальник приказал? А старшего командира обманывать тоже начальник заставил?»

Из окна высунулась растрепанная Федина голова, и он крикнул негромко:

— Бориска!

Я сделал вид, что не слышал.

— Борька! — примирительно повторил Федя. — Брось кобениться. Иди оладьи есть. Иди... У меня до тебя дело... Жри! — как ни в чем не бывало сказал Федя, подвигая ко мне сковородку, и с беспокойством заглянул мне в лицо. — Тебя зачем Шебалов звал?

— Про Выселки спрашивал, — прямо ответил я. — Не были вы, говорит, там вовсе!

— Ну, а ты?

Тут Федя заерзал так, точно его вместе с оладьями посадили на горячую сковородку.

— Что я? Надо было сознаться. Тебя только, дурака, пожалел.

— Но-но... ты не очень-то, — заносчиво завел было Федя, но, вспомнив, что он еще не все выпытал у меня, подвинулся и спросил с тревожным любопытством: — А еще что он говорил?

— Еще говорил, что трусы вы и шкурники, — нагло уставившись на Федю, соврал я. — «Побоялись, — говорит, — на Выселки сунуться да отсиделись где-то в логоу. Я, — говорит, — давно замечаю, что у разведчиков слабеть стало».

— Врешь! — разозлился Федя. — Он этого не говорил.

— Поди спроси, — злорадно продолжал я. — «Лучше, — гово-

рит,— вперед пехоту на такие дела посылать, а то разведчики только и горазды, что погребца со сметаной разведывать».

— Вре-ешь! — совсем взбеленился Федор.— Он, должно быть, сказал: «Байбаки, от рук отбились, порядку ни черта не признают», а про то, что с разведчиками слабó стало, он ничего не говорил.

— Ну и не говорил,— согласился я, довольный тем, что довел Федьку до бешенства. — Хоть и не говорил, а хорошо, что ли, на самом деле? Товарищи надеются на нас, а мы вот что. Соседний полк из-за тебя в обман ввели. Как на нас теперь другие смотреть будут? «Шкурники,— скажут,— и нет им никакой веры. Сообщили, что нет на Выселках белых, а телефонисты попили провод разматывать — их оттуда стеганули».

— Кто стеганул? — удивился Федя.

— Кто? Известно, белые.

Федя смутился. Он ничего еще не знал про телефонистов, попавших из-за него в беду, и, очевидно, это больно задело его. Он молча ушел в соседнюю комнату.

И по тому, что Федя, сняв свой хриплый баян, заиграл печальный вальс «На сопках Маньчжурии», я понял, что у Феди дурное настроение.

Вскоре он резко оборвал игру и, нацепив свою обитую серебром кавказскую пашку, вышел из хаты.

Минут через пятнадцать он появился под окном.

— Вылетай к коню! — хмуро приказал он через стекло.

— Ты где был?

— У Шебалова. Вылетай живей!

Немного спустя наша разведка легкой рысцей протрусила мимо полевого караула по слегка подмерзшей, корявой дороге.

На том перекрестке, где мы свернули вчера на хутор, Федя остановился и, отозвав в сторону двух самых ловких, долго говорил им что-то, указывая пальцем на дорогу, и наконец, выругав и того и другого, чтобы крепче поняли приказание, вернулся к нам и велел сворачивать на хутор. На хуторе, ни одним словом не напоминая хозяину о вчерашнем, Федя стал расспрашивать его о прямой дороге через болото в Выселки.

— Не проехать вам, товарищи,— убеждал хозяин.— Коней только потопите. Целую неделю дождь шел, там и пешком-то не всякий проберется, а не то что верхами.

Когда вернулись двое высланных вперед разведчиков и донесли, что Выселки заняты белыми и на дороге застава, Федя, не обращая внимания на увещевания хозяина, приказал ему собираться. Хозяин пуще забожился, что пройти через болото никак невозможно. Хозяйка заплакала. Краснощекая девка, дочь, та, что вчера весело перемигивалась с Федей, рассерженно огрызнулась на него за то, что он наследил сапогами на полу. Но Федю ничто не пробиало, и он стоял на своем. Я хотел было спросить насчет его планов; он в ответ не выругался даже, а только взглянул на меня искоса и зло усмехнулся.

Вскоре мы выехали из хутора. Хозяин на плохонькой лошадке ехал впереди, рядом с Федей. Сразу свернули в березняк. Под ногами лошадей из упругого, разбухшего мха выдавливалась мутная вода. Дорога все ухудшалась. Глубже вязли лошади; мшистые кочки почерневшими островками кое-где высывались из залитого водой луга.

Спешились и пошли дальше. Так шли до тех пор, пока не очутились возле старой гати, о которой предупреждал нас хозяин. Перед нами была узкая полоска, покрытая густой жижей всплывших прутьиков и перегнившей соломы.

— Н-да,— пробурчал Федя, искоса поглядывая на прихмурившихся товарищей,— дорожка!..

— Потопнем, Федька!

— А недолго и потонуть,— поддакнул старик провожатый.— Гать худая, настилка сгнила, тут и в хорошую-то погоду кое-как, а не то что в эдакую мократину.

— Тут кони ни вплавь, ни вброд. Чисто чертова каша.

— Но! — подбодрил Федя, искусственно улыбаясь.— Расхлебаем и чертову!

Он дернул за повод упиравшегося жеребца и первый ухнул по колено в пахнущую гнилью жижу. За ним медленно по двое потянулись и мы. Вода, кое-где покрытая паутиной утреннего льда, заливала за голенища сапог. Невидимая тоненькая настилка колебалась под ногами. Было жутко ступать наугад, и казалось мне, что вот-вот под ногой не окажется никакой опоры и я провалюсь в вязкую, засасывающую ямину.

Кони храпели, упрямылись и вздрагивали. Откуда-то из тумана, точно с того света, донесся Федин вопрос:

— Эй, там, все целы?

— Ну, ребята, кажется, зашли, что дальше некуда. Воротиться бы лучше,— стуча от холода зубами, пробормотал рыжий горнист.

Внезапно из тумана вынырнул Федя.

— Ты мне, Пашка, панику не наводи,— тихо и сердито предупредил он.— А будешь ныть, так лучше заворачивай и езжай один назад. Папаша,— обратился он к старику,— лошади у меня по брюхо. Долго еще?

— Тут-то недолго. Сейчас — как взъём — посуше пойдет, да место-то перед этим самое гиблое. Вот если пройдем сейчас, то, значит, уже кончено, пройдем и дальше.

Вода дошла до пояса. Остановившись, старик снял шапку и перекрестился.

— Теперичка, как я пойду, так вы по одному за мной вровень, а то тут оступиться можно.

Старик нахлобучил шапку и полез дальше. Шел он тихо, часто останавливался и нащупывал шестом невидимый под водой настил.

Коченея от морозного ветра, подмоченные снизу водой болота, сверху—всосавшимся в одежду туманом, растянувшись по одному, за полчаса прошли мы не больше ста метров. Руки у меня посипели и колени дрожали.

«Черт Федька! — думал я. — То вчера по грязной дороге ехать не хотел, а сегодня в трясину завел».

Донеслось спереди тихое ржанье. Туман разорвался, и на бугре мы увидели Федю, уже сидящего верхом на коне.

— Тише, — шепотом сказал он, когда мы, мокрые, продрогшие, столпились вокруг него. — Выселки за кустами, в сотне шагов. Дальше сухо.

С гиканьем, с остервенелым свистом ворвалась в деревеньку наша продрогшая кавалерия с той стороны, откуда нас белые никак не могли ожидать. Расшвыривая бомбы, пронеслись мы к маленькой церкви, возле которой находился штаб белого отряда.

В Выселках мы захватили десять пленных и один пулемет. Когда, усталые, но довольные, возвращались мы большой дорогой к своим, Федя, ехавший рядом со мною, засмеялся зло и задорно:

— Шебалов-то!.. Утерли мы ему нос... То-то удивится!

— Как утерли? — не понял я. — Он сам рад будет.

— Рад, да не больно. Досада его возьмет, что все-таки хоть не по его вышло, а по-моему, и вдруг такая нам удача.

— Как не по его, Федька? — почувяв что-то недоброе, переспросил я. — Ведь тебя же Шебалов сам послал.

— Послал, да не туда. Он в Новоселово послал. Галду там дожидаться. А я взял да и завернул на Выселки. Пусть не собачится за вчерашнее. Ну, да ему теперь крыть нечем. Раз мы пленных и пулемет захватили, то ему ругаться уж не придется.

«Удача-то удачей, — думал я, поживаясь, — а все-таки как-то не того. Послали в Новоселово, а мы — в Выселки. Хорошо еще, что все так кончилось. Вдруг бы не пробрались мы через болото, тогда что? Тогда и оправдываться нечем!»

Еще не доезжая до села, где стоял наш отряд, заметили какое-то необычайное в нем оживление. По окраине бежали, рассыпаясь в цепь, красноармейцы. Несколько всадников проскакало мимо огородов.

И вдруг разом от села застрочил пулемет. Рыжий горнист Пашка, тот самый, который советовал повернуть с болота назад, грохнулся на дорогу.

— Сюда! — заорал Федя, повертывая коня в ложину.

Прозвенела вторая очередь, и двое задних разведчиков, не успевших соскочить в овраг, полетели на землю.

Нога у одного застряла в стремени, конь испугался и потащил раненого за собой.

— Федька, — деревеня, пробормотал я, — что ты? Наш колът шпарит. Ведь наши не ожидают тебя с этой стороны. Мы же должны быть в Новоселове.

— А я вот им зашпарю! — злобно огрызнулся Федор, соскакивая с коня и бросаясь к захваченному нами у белых пулемету.

— Федька, что ты, сумасшедший?! По своим хочешь? Ведь они же не знают, а ты знаешь!

Тогда, тяжело дыша, остервенело ударив нагайкой по голенищу хромового сапога, Федька поднялся, вскочил на коня и открыто вылетел на бугор. Несколько пуль завизжало над его головой, но как ни в чем не бывало Федька во весь рост стал на стременах и, надев шапку на острие штыка, поднял ее высоко над своей головой.

Еще несколько выстрелов раздалось со стороны села, потом все стихло. Наши обратили внимание на сигнализацию одиноко стоявшего под пулями всадника.

Тогда, махнув нам рукой, чтобы мы не двигались раньше времени, Федька, пришпорив жеребца, карьером понесся по селу. Обождая немного, вслед за ним выехали и мы. На окраине нас встретил серый, окаменевший Шебалов. Дымчатые глаза его потускнели, лицо осунулось, палаш был покрыт грязью и запачканные шпоры звенели глухо. Остановив разведку, он приказал всем отправляться по квартирам. Потом, скользнув усталым взглядом по всадникам, велел мне слезть с коня и сдать оружие. Молча, перед всем отрядом, соскользнул я с седла, отстегнул шапку и передал ее вместе с карабином нахмурившемуся кривому Малыгину.

Дорого обошелся отряду смелый, но самовольный набег разведки на Выселки. Не говоря уже о трех кавалеристах, попавших по ошибке под огонь своего же пулемета, была разбита в Новоселове не нашедшая Феде вторая рота Галды, и сам Галда был убит. Обозлились тогда красноармейцы нашего отряда и сурового суда требовали над арестованным Федей.

— Эдак, братцы, нельзя. Будет! Без дисциплины ничего не выйдет. Эдак и сами погибнем и товарищей погубим. Не для чего тогда и командиров назначать, если всяк будет делать по своему.

Ночью пришел ко мне Шебалов. Я рассказал ему начистоту, как было дело, сознался, что из чувства товарищества к Феде соврал тогда, когда меня спрашивали в первый раз, были мы или нет на Выселках. И тут же поклялся ему, что ничего не знал про Федькин самовольный поступок, когда повел он нас вместо Новоселова на Выселки.

— Вот, Борис,— сказал Шебалов,— ты уже раз соврал мне, и если я поверю тебе еще один раз, если я не отдам тебя под суд вместе с Федором, то только потому, что молод ты еще. Но смотри, парень, чтобы поменьше у тебя было эдаких ошибок! По твоей ошибке погиб Чубук, через вас же наварались на белых телефонисты. Хватит с тебя ошибок! Я уж не говорю про этого черта Федьку, от которого беды мне было, почитай, больше, чем пользы. А теперь пойдь ты опять в первую роту к Сухареву и встань на свое старое место. Я и сам, по правде сказать, маху дал, что отпустил тебя к Федору. Чубук, тот... да, возле того было тебе чему поучиться... А Федор что?.. Ненадежный человек! А вообще, парень, что ты то к одному привяжешься, то к другому? Тебе надо покрепче со всеми сойтись. Когда один человек, он и заблудиться и свихнуться легко может.

В ту же ночь, выбравшись через окно из хаты, в которой он сидел, захватив коня и четырех закадычных товарищей, усакал Федя по первому пушистому снегу куда-то через фронт на юг. Говорили, что к батьке Махно.

Красные по всему фронту перешли в наступление.

Наш отряд подчинен был командиру бригады и занимал небольшой участок на левом фланге третьего полка.

Недели две прошло в тяжелых переходах. Казаки отступали, задерживаясь в каждом селе и хуторе.

Все эти дни у меня были заполнены одним желанием — загладить свою вину перед товарищами и заслужить, чтобы меня приняли в партию.

Но напрасно вызывался я в опасные разведки. Напрасно, стиснув зубы, бледнея, вставал во весь рост в цепи, в то время, когда многие даже бывалые бойцы стреляли с колена или лежа.

Никто не уступал мне своей очереди на разведку, никто не обращал внимания на мое показное геройство.

Сухарев даже заметил однажды вскользь:

— Ты, Гориков, эти Федькины замашки брось!.. Нечего перед людьми бахвалиться... Тут похрабрей тебя есть, и те без толку башкой в огонь не лезут.

«Опять Федькины замашки,— подумал я, искренне огорчившись.— Ну, хоть бы дело какое-нибудь дали. Сказали бы: выполнишь — все с тебя снимется, будешь опять по-прежнему друг и товарищ».

Чубука нет. Федька у Махно. Да и не нужен мне Федька. Дружбы особой нет ни с кем. Мало того, косятся даже ребята. Уж на что Малыгин всегда, бывало, поговорит, позовет с собой чай пить, расскажет что-нибудь — и тот теперь холодней стал. Один раз я слышал из-за дверей, как сказал он обо мне Шебакову:

— Что-то скучный ходит. По Федору, что ли, скучает? Небось, когда Чубук из-за него пропал, он не скучал долго!

Краска залила мне лицо.

Это была правда: я как-то скоро освоился с гибелью Чубука, но неправда, что я скучал о Федоре,— я ненавидел его.

Я слышал, как Шебалов звенел шпорами, шагая по земляному полу, и ответил не сразу:

— Это ты зря говоришь, Малыгин! Зря... Парень он не спорченный. С него еще всякое смыть можно. Тебе, Малыгин, сорок, тебя не переделаешь, а ему шестнадцатый... Мы с тобой — сапоги стоптанные, гвоздями подбитые, а он — как заготовка: на какую колодку натянешь, такая и будет. Мне вот Сухарев говорит: у него Федькины замашки, любит-де в цепи вскочить, храбростью без толку похвастаться. А я ему говорю: «Ты, Сухарев, бородатый... а слепой. Это не Федькины замашки, а это просто парень хочет оправдаться, а как — не знает».

На этом месте Шебалова вызвал постучавший в окно верховой. Разговор был прерван.

Мне стало легче.

Я ушел воевать за «светлое царство социализма». Царство это было где-то далеко; чтобы достичь его, надо было пройти много трудных дорог и сломать много тяжелых препятствий.

Белые были главной преградой на этом пути, и, уходя в армию, я еще не мог ненавидеть белых так, как ненавидел их шахтер Малыгин или Шебалов и десятки других, не только боровшихся за будущее, но и сводивших счеты за тяжелое прошлое.

А теперь было уже не так. Теперь атмосфера разбушевавшейся ненависти, рассказы о прошлом, которого я не знал, неоплаченные обиды, накопленные веками, разожгли постепенно и меня, как горящие уголья раскаляют случайно попавший в золу железный гвоздь.

И через эту глубокую ненависть далекие огни «светлого царства социализма» засияли еще заманчивее и ярче.

В тот же день вечером я выпросил у нашего каптера лист белой бумаги и написал длинное заявление с просьбой принять меня в партию.

С этим листом я пошел к Шебалову. Шебалов был занят: у него сидели наш завхоз и ротный Пискарев, назначенный взамен убитого Галды.

Я присел на лавку и долго ждал, пока они кончат деловой

разговор. В продолжение этого разговора Шебалов несколько раз поднимал голову, пристально глядя на меня, как бы пытаясь угадать, зачем я пришел.

Когда завхоз и ротный ушли, Шебалов достал полевую книжку, сделал какую-то заметку, крикнул посыльному, чтобы тот бежал за Сухаревым, и только после этого обернулся ко мне и спросил:

— Ну... ты что?

— Я, товарищ Шебалов... к вам, товарищ Шебалов...— ответил я, подходя к столу и чувствуя, как легкий озноб пробежал по моему телу.

— Вижу, что ко мне! — как-то мягче добавил он, вероятно угадав мое возбужденное состояние.— Ну, выкладывай, что у тебя такое.

Все то, что я хотел сказать Шебалову, перед тем как просить его поручиться за меня в партию, все заготовленное мною длинное объяснение, которым я хотел убедить его, что я хотя и виноват за Чубука, виноват за обман с Федькой, но, в сущности, я не такой, не всегда был таким вредным и впредь не буду,— все это вылетело из моей памяти.

Молча я подал ему исписанный лист бумаги.

Мне показалось, что легкая улыбка соскользнула из-под его белесоватых ресниц на потрескавшиеся губы, когда он углубился в чтение моего пространного заявления.

Он дочитал только до половины и отодвинул бумагу.

Я вздрогнул, потому что понял это как отказ. Но на лице Шебалова я не прочел еще отказа. Лицо было спокойное, немного усталое, и в зрачках дымчатых глаз отражались перекладины разрисованного морозными узорами окна.

— Садись,— сказал Шебалов.

Я сел.

— Что же ты, в партию хочешь?

— Хочу,— негромко, но упрямо ответил я.

Мне казалось, что Шебалов спрашивает только для того, чтобы доказать всю невыполнимость моего желания.

— И очень хочешь?

— И очень хочу,— в тон ему ответил я, переводя глаза на угол, завешанный пыльными образами, и окончательно решив, что Шебалов надо мною смеется.

— Это хорошо, что ты очень хочешь,— заговорил опять Шебалов, и только теперь по его тону я понял, что Шебалов не смеется, а дружески улыбается мне.

Он взял карандаш, лежавший среди хлебных крошек, рассыпанных по столу, подвинул к себе мою бумагу, подписал под ней свою фамилию и номер своего билета.

Сделав это, он обернулся ко мне вместе с табуреткой, шпорами и палахом и сказал совсем добродушно:

— Ну, брат, смотри теперь. Я теперь не только командир, а как бы крёстный папаша... Ты уж не подведи меня...

— Нет, товарищ Шебалов, не подведу,— искренне ответил я, с ненужной поспешностью сдергивая со стола лист.— Я ни за что ни вас, ни кого из товарищей не подведу!

— Погоди-ка,— остановил он меня.— А вторую-то подпись надо... Кого бы еще в поручители?... А-а! — весело воскликнул он, увидев входящего Сухарева.— Вот как раз кстати.

Сухарев снял шапку, отряхнул снег, неуклюже вытер о мешок огромные сапожищи и, поставив винтовку к стене, спросил, прислоняя к горячей печке заочеченные руки:

— Зачем звал?

— Звал за делом. Насчет караула... На кладбище надо будет ребят в церковь определить... Не замерзать же людям... Сейчас поп придет, тогда сговоримся. А теперь вот что...— Тут Шебалов хитро усмехнулся и мотнул головой на меня: — Как у тебя парень-то?

— Что как? — осторожно спросил Сухарев, ухмыляясь во все свое красное, обветренное лицо.

— Ну... солдат какой? Ну, аттестуй его мне по форме.

— Солдат ничего,— подумав, ответил Сухарев.— Службу хорошо справляет. Так ни в чем худом не замечен. Только шальной маленько. Да с ребятами после Федьки не больно сходится.

Сухарев снял шапку, отряхнул снег... и, поставив винтовку к стене, спросил: — Зачем звал?

Сердиты у нас дюже ребята на Федьку, чтоб его бомбой разорвало.

Тут Сухарев высморкался, вытер нос полкой шинели; лицо еще больше покраснело, и он продолжал сердито:

— Чтоб ему гайдамак башку ссек! Такого командира, как Галда, загубил! А какой ротный был! Разве же ты найдешь еще такого ротного, как Галда? Разве ж Пискарев... это ротный?.. Это чурбан, а не ротный... Я ему сегодня говорю: «Твои дозоры для связи... Я вчера лишних десять человек в караул дал», а он...

— Ну, ну! — прервал Шебалов. — Это ты мне не разводил. Это ты теперь Галду хвалишь, а раньше, бывало, всегда с ним собачился. Какие еще там десять лишних человек. Ты мне очки не втирай. Ну да ладно, об этом потом... Ты вот что скажи... Парень в партию просится. Поручишься за него? Что глаза-то уставил? Сам же говоришь: и боец хороший и не замечен ни в чем, а что насчет прошлого, — ну, об этом не век помнить!

— Оно-то так! — почесывая голову и растягивая слова, согласился Сухарев. — Да ведь только черт его знает!

— Черт ничего не знает! Ты ротный, да еще партийный. Ты лучше черта должен знать, годится твой красноармеец в коммунисты или нет.

— Парень ничего, — подтвердил Сухарев, — форт только любит. Из цепи без толку вперед лезет. А так ничего.

— Ну, не назад же все лезет. Это еще полбеда! Так как же, смотри сам... Подписываешь ты или нет?

— Я-то бы подписал, этот парень ничего, — повторил осторожно Сухарев. — А еще кто подпишет?

— Еще я. Давай садись за стол, вот заявление.

— Ты подписал!.. — говорил Сухарев, забирая в медвежью лапу карандаш. — Это хорошо, что ты... Я же говорю, парень — золото, драли его только мало!

Уже несколько дней шли бои под Новохоперском. Были втянуты все дивизионные резервы, а казаки все еще крепко держали позиции.

На четвертый день с утра наступило затишье.

— Ну, братцы! — говорил Шебалов, подъезжая к густой цепи отряда, рассыпавшегося по оголенной от снега вершине пологого холма. — Сегодня после обеда общее наступление будет... Всей дивизией ахнем.

Пар валил от его посеребренного инеем коня. Ослепительно сверкал на солнце длинный тяжелый палаш, красная макушка черной шебаловской папахи ярко цвела среди холодного снежного поля.

— Ну, братцы, — опять повторил Шебалов звенящим голосом, — сегодня день такой... серьезный день. Выбьем сегодня — тогда до Богучара белым зацепки не будет. Постарайтесь же напоследок, не оконфузьте перед дивизией меня, старика!

— Что пристариваешься? — хриплым, простуженным голосом гаркнул подходивший Малыгин. — Я, чать, постарше тебя, и то за молодого схожу.

— Ты да я — сапоги стоптанные, — повторил Шебалов свою обычную поговорку. — Бориска, — окликнул он меня приветливо, — тебе сколько лет?

— Шестнадцатый, товарищ Шебалов, — гордо ответил я, — с двадцать второго числа уже шестнадцатый пошел!

— «Уже!» — с деланным негодованием передразнил Шебалов. — Хорошо «уже!» Мне вот уже сорок седьмой стукнул. А-а! Малыгин, ведь это что такое — шестнадцатый! Что, брат, он увидит, того нам с тобой не видать...

— С того свету посмотрим, — хрипло и с мрачным задором ответил Малыгин, кутая горло в рваный офицерский башлык с галуном.

Шебалов тронул шпорами продрогшего коня и поскакал вдоль линии костров.

— Бориска, иди чай пить... Мой кипяток — твой сахар! — крикнул Васька Шмаков, снимая с огня закопченный котелок.

— У меня, Васька, сахару тоже нет.

— А что у тебя есть?

— Хлеб есть, да дам яблоки мороженые.

— Ну, кати сюда с хлебом, а то у меня вовсе ничего нет! Голая вода.

— Гориков! — крикнул меня кто-то от другого костра. — Поди-ка сюда.

Я подошел к кучке споривших о чем-то красноармейцев.

— Вот ты скажи, — спросил меня Гришка Черкасов, толстый рыжий парень, прозванный у нас псаломщиком. — Вот послушайте, что вам человек скажет. Ты географию учил?.. Ну, скажи, что отсюда дальше будет...

— Куда дальше? На юг дальше Богучар будет.

— А еще?

— А еще... Еще Ростов будет. Да мало ли! Новороссийск, Владикавказ, Тифлис, а дальше Турция. А что тебе?

— Много еще! — смущенно почесывая ухо, протянул Гришка. — Эдак нам полжизни еще воевать придется... А я слышал, что Ростов у моря стоит. Тут, думаю, все и кончится!

Посмотрев на рассмеявшихся ребят, Гришка хлопнул руками о бедра и воскликнул растерянно:

— Братцы, а ведь много еще воевать придется!

Разговоры умолкли.

По дороге из тыла карьером несли всадник. Навстречу ему выехал рысью Шебалов. Оружие на фланге ударило еще два раза...

— Первая рота, ко мне-е! — протяжно закричал Сухарев, поднимая и разводя руки.

Несколько часов спустя из белых сугробов поднялись залегающие цепи. Навстречу пулеметам и батареям, под картечью, по колено в снегу двинулся наш рассыпанный и окровавленный отряд для последнего, решающего удара. В тот момент, когда пере-

довые части уже врывались в предместье, пуля ударила мне в правый бок.

Я пошатнулся и сел на мягкий истоптанный снег. «Это ничего,— подумал я,— это ничего. Раз я в сознании — значит, не убит... Раз не убит — значит, выживу».

Пехотинцы черными точками мелькали где-то далеко впереди.

«Это ничего,— подумал я, придерживаясь рукой за куст и прислоняя к ветвям голову.— Скоро придут санитары и заберут меня».

Поле стихло, но где-то на соседнем участке еще шел бой. Там глухо гудели тучи, там взвилась одинокая ракета и повисла в небе огненно-желтой кометой.

Струйки теплой крови просачивались через гимнастерку. «А что, если санитары не придут и я умру?» — подумал я, закрывая глаза.

Большая черная галка села на грязный снег и мелкими шажками зачастила к куче лошадиного навоза, валявшегося неподалеку от меня. Но вдруг галка настороженно повернула голову, искоса посмотрела на меня и, взмахнув крыльями, отлетела прочь.

Галки не боятся мертвых. Когда я умру от потери крови, она прилетит и сядет, не пугаясь, рядом.

Голова слабела и тихо, точно укоризненно, покачивалась. На правом фланге глуше и глуше гудели взрывающиеся снежные сугробы, ярче и чаще вспыхивали ракеты.

Ночь выслала в дозор тысячи звезд, чтобы я еще раз посмотрел на них. И светлую луну выслала тоже. Думалось: «Чубук жил, и Цыганенок жил, и Хорек... Теперь их нет, и меня не будет». Вспомнил, как один раз сказал мне Цыганенок: «С тех пор я пошел искать светлую жизнь».— «И найти думаешь?» — спросил я. Он ответил: «Один не нашел бы, а все вместе должны найти... Потому — охота большая».

— Да, да! Все вместе,— ухватившись за эту мысль, прошептал я,— обязательно все вместе.— Глаза сомкнулись, и

долго молча думал я о чем-то незапоминаемом, но хорошем-хорошем.

— Бориска! — услышал я прерывающийся шепот.

Открыл глаза. Почти рядом, крепко обняв расщепленный снарядом ствол молоденькой березки, сидел Васька Шмаков.

Шапки на нем не было, а глаза были уставлены туда, где впереди, сквозь влажную мглу густых сумерек, золотистой россыпью мерцали огни далекой станции.

— Бориска,— долетел до меня его шепот,— а мы все-таки заняли.

— Заняли,— ответил я тихо.

Тогда он еще крепче обнял молодую сломанную березку, посмотрел на меня спокойной последней улыбкой и тихо уронил голову на вздрогнувший куст.

Мелькнул огонек... другой... Послышался тихий, печальный звук рожка. Шли санитары.

1929 г.

ПУСТЬ СВЕТИТ

Рассказ

*

Отец запаздывал, и за стол к ужину сели трое: босой парень Ефимка, его маленькая сестренка Валька и семилетний братишка по прозвищу Николашка-баловашка. Только что мать пошла доставать кашу, как внезапно погас свет.

Мать из-за перегородки закричала:

— Кто балуется? Это ты, Николашка? Смотри, идоленок, до-
балуешься!

Николашка обиделся и сердито ответил:

— Сама не видит, а сама говорит. Это не я потушил, а, на-
верное, пробки перегорели.

Тогда мать приказала:

— Пойди, Ефимка, притащи из сеней лестницу. Да поставь сначала сахарницу на полку, а то эти граждане в темноте разом сахар захапают.

Вышел Ефим в сени, смотрит: что за беда? И на улице темно, и на станции темно, и кругом темно. А тут еще небо в черных тучах и луна пропала.

Забежал Ефим в комнату и сказал:

— Зажигайте, мама, копилку. Это не пробки перегорели, а, наверное, что-нибудь на заводе случилось.

Мать пошла в чулан за керосином, а Ефимка, разыскивая сапоги, торопливо полез под кровать. Левый сапог нашелся, а правый никак.

— Наверное, это вы опять куда-нибудь задевали? — спросил он у притихших ребятишек.

— Это Валька задевала, — сознался Николашка. — Она стащила сапог за печку, воткнула в него веник и говорит, что это будет сад.

— Ефимка, а Ефимка, — тревожным шепотом спросил Николашка, — что это такое на улице жужукает?

— Я вот вам пожужукаю, — ответил Ефимка. И, выкинув из сапога березовый веник, он с опаской сунул руку внутрь голенища, потому что уже однажды эта негодница Валька, поливая свой сад, вкатила ему в сапог целую кружку колодезной воды. — Я вот ей хворостиной пожужукаю!

Но тут и он замолчал, потому что услышал сквозь распахнутое окно какое-то странное то ли жужжание, то ли гудение. Он натянул сапоги и выскочил из комнаты. В сенях столкнулся с матерью.

— Ты куда? — вскрикнула мать и крепко вцепилась в его руку мокрыми от керосина пальцами.

— Пусти, мамал — Ефимка рванулся и выбежал на крыльцо.

Оглянувшись, он торопливо затянул ремень, надел кепку и быстро побежал темной улицей через овражек, через мостик в гору — в ту сторону, где стоял их небольшой стекольный завод.

...В сенях что-то стукнуло. Кто-то впотьмах шарил рукой по двери.

— Кто там? — спросила мать, а Валька и Николашка подвинулись к ней поближе.

— Не спишь, Маша? — слышался дребезжащий старческий голос.

И тогда мать узнала, что это соседка Марфа Алексеевна.

— Какой тут сон, — быстро заговорила обрадованная мать. — И свету нет, и аэроплан гудит, и самого нет. А тут еще Ефимка так и рванулся из рук, как будто бы его кипятком ошпарили.

— Комсомольцы, — с грустью проговорила бабка.

Слышно было, как отодвинула она табуретку и положила руку на клеенчатый стол.

— Вот так и у меня Верка, как потух свет да услыхала она, что гудит, кинулась сразу к двери. Я ей говорю: «Куда ты, дура?.. Ну мужики, ну парнишки... А ты ведь еще девчонка... Шестнадцать годов». А она постояла, подумала. «Бабуня, — говорит, — не сердись. Это белый аэроплан. Это тревога. У нас сбор... У меня там товарищи». Схватила в сенях с гвоздя сумку да, как кошка, прыгнула. Вот, Маша! Только я ее и видела.

— Сумку-то какую взяла? — спросила мать.

— А бог ее знает! Недавно притащила, сначала в комнате повесила. Да я сказала: «Убери, Верка, в сени, а то вся квартира карболкой пропахнет».

— Это военно-санитарная сумка, — вставил Николашка. — Это когда пробьет человека пулей или рванет его бомбой, вот тогда из этой сумки достают и завязывают. Я уже все узнал.

— Ты да не узнаешь! — вздохнула мать и, услышав, как загромыхал он табуреткой, спросила: — Ну и куда ты, Николашка, лезешь? Ну и что тебе не сидится? Только Валька задремала, а он — грох... грох...

— Мама, — отодвигаясь от подоконника, уже тише спросил Николашка, — а что это такое далеко бубухает: бубух да бубух?

— Где, паршивец, бубухает? — тихо переспросила вздрогнувшая мать.

И от этих глупых Николашкиных слов руки ее ослабли, а маленькая спящая Валька показалась ей тяжелой, как большой камень.

Она подвинулась к окошку.

И точно, как порывы шального ветра, как отголоски уже недалекой грозы, что-то вздрагивало, затихало, но это был не ветер и не гроза, это глухо и часто бабахали боевые орудия.

Чем ближе подбегал Ефим к заводу, тем чаще и чаще попадались ему торопящиеся люди, хлопали калитки, гроыхали ворота и тарахтели телеги. Поднимаясь в гору, он нагнал комсомолку Верку.

— Бежим скорее, Верка. Ты не знаешь, где это бабахают?

— Погоди, Ефим! Подержи-ка сумку. Я чулок поправлю. Я уже спать собралась, вдруг — гудит. Насилу от бабки вырвалась.

— Что чулок, — ответил Ефим, забирая пахнувшую лекарствами сумку. — Что чулок! У меня и вовсе один сапог на босу ногу. Скорей бежим, Верка.

У поворота они столкнулись с двумя. Один был незнакомый, длинный, с винтовкой, другой — без винтовки, с наганом.

И тот, который с наганом, был член ревкома Семен Собакин.

— Стойте, — приказал Собакин. — Вы куда? На сбор? Там пока и без вас обойдутся. Бегите скорее на перекресток Малаховской дороги. Сейчас пойдут подводы для беженцев. Сидите, дежурьте и считайте. Пятнадцать подвод сразу на Верхние бугры, и пусть ждут у школы. Десять — по Спасской в самый конец. А все остальные к ревкому.

— Дай винтовку, Собакин, — попросил Ефим. — Раз я дежурный, то давай винтовку.

— Дай ему, Степа, — обернулся Собакин к своему длинному сутулому товарищу.

— Не дам, — удивленно и спокойно ответил товарищ. — Вот еще мода!

— Дай, а я на сборе сейчас же скажу, чтобы тебе другую выдали.

— Не дам! — уже сердито ответил товарищ. — Другая то ли еще будет, то ли нет. А эта на месте. — И, хлопнув ладонью по прикладу, он ловко закинул винтовку через плечо.

— Ну, хоть штык дай, — рассердился торопящийся Собакин.

— Это дам, — согласился товарищ.

И, сняв с пояса, он протянул Ефиму тяжелый немецкий штык в блестящих ободранных ножнах.

— Как бритва, — добродушно сказал он нахмутившемуся Ефиму. — Сам своими руками целый час точил.

...Они добежали до перекрестка темной и пустой дороги.

— Сядем под кустом, — тихо сказал Ефим. — Заодно я в сапог травы натолкаю, а то как бы и вовсе не сбить ногу без портянки.

Свернули и сели. Ефим сдернул сапог и, ощутив рукою траву, спросил:

— А что, Верка, нет ли у тебя в сумке широкого бинта или марли? Тут не трава, а кругом сухая полынь.

— Вот еще, Ефимка! И бинт есть и марля есть, только я не дам: это для раненых, а не на твои портянки.

— Пожалела, дуреха, — рассердился Ефим и, осторожно ступая, пошел в кусты.

Он ожег руку об крапиву. Наколел пятку колючкой. Наконец, нащупав большой лопух, он сел на землю и стал завертывать босую ногу в широкие пыльные листья.

Он обул сапог и задумался. Еще только позавчера он спокойно шел по этой дороге. Вот так же булькал ручей. Вот так же тихо насвистывала пичужка. Но не грохали тогда орудия. Не полыхало на черном небе зарево, и не гудел издали тяжелый церковный колокол: доон!.. доон!..

— Казаки, — пробормотал он, вспомнив клубные плакаты, — белые казаки.

И вдруг, как будто бы только сейчас впервые за весь вечер, он по-настоящему понял, что это уже не те безвредные намале-

ванные казаки, что были приляпаны вместе с плакатами на стенах ревкома и в клубе, а что это мчатся живые казаки на быстрых конях, с тяжелыми пашками и с плетеными нагайками.

Он вскочил и пошел к Верке.

— Верка,— сказал он, крепко сжимая ее руку,— ты что? Ты не бойся. Скоро пойдем на сбор, там все наши.

— Дай ножик, Ефимка. Почему ты так долго?

— На, возьми,— и Ефим протянул ей холодный маслянистый клинок немецкого штыка.

В темноте что-то хрустнуло и разорвалось.

— Бери,— сказала Верка.— Завернешь ногу, лучше будет. Слышишь, стучит? Это, кажется, наши подводы едут.

— Вот глупая! — выругался Ефим, почувствовав, как вместе с клинком она сунула ему в руку что-то теплое и мягкое.— Вот дура. И зачем ты, Верка, свой шерстяной платок разрежала?

— Бери, бери. На что он мне такой длинный? А то собьешь ногу... Нам же хуже будет

Пятнадцать подвод пошли на Верхние бугры. Десять — до конца Спасской. Но последние подводы сильно запаздывали. И только к полуночи позабытые всеми Ефим и Верка вернулись к ревкому.

Орудия гремели уже где-то совсем неподалеку. Вблизи загорелась старая деревня Щуповка. Свет опять погас. Захлопывались ставни, запирались ворота, и улицы быстро пустели.

— Вы что тут шатаетесь? — закричал появившийся откуда-то Собакин.

— Собакин! Чтоб ты сдох! — со злобой крикнул побелевший Ефимка.— Кто шатается? Где отряд? Где комсомольцы?

— погоди,— переводя дух, ответил узнавший их Собакин.— Отряд уже ушел. Вы с подводами? Берите две подводы и катайте скорее на Песочный проулок. Там остались женщины и ребята. Сейчас Соломон Самойлов прибежал. Все уехали, а они

остались. Оттуда поезжайте прямо к новому мосту. За мостом сбор. Дальше — на Кожуховку. А там наши.

Собакин быстро кинулся прочь и уже откуда-то из темноты крикнул Ефиму:

— Смотри... ты... боевой! Вы отвечать будете, если беженцы с проулка не попадут на место.

— Верка,— пробормотал Ефим,— а ведь это наши остались. Это Самойловы, Васильевы, мать с ребятами, твоя бабка.

— Бабке что? Она старая, ей ничего,— шепотом ответила Верка.— А Самойловым плохо: они евреи.

Крепко схватившись за руки, они побежали туда, где только что оставили две подводы. Но, сколько они ни бегали, сколько ни кричали, подводчик как провалился.

— Едем сами,— решил Ефим.— Прыгай, Верка. А ждать больше некогда.

На повороте они чуть не сшибли женщину. В одной руке женщина тащила узел, другою держала ребенка, а позади нее, всхлипывая, бежали еще двое.

— Ты куда, Евдокия? Это за вами подвода! — крикнул Ефим.— Стой здесь и никуда не беги. А мы сейчас воротимся.

Еще не доезжая до дома, он услышал крики, плач и ругань.

— Соломон, где ты провалился? — закричала старая бабка Самойлиха. И с необычайной для ее хромой ноги прытью она вцепилась в Ефимкину телегу.

— Это я, а не Соломон,— ответил Ефим.— Тащите скорее ребят и садитесь.

— Ой, Ефимка! — закричала обрадованная мать.

И тотчас же бросилась накладывать на телегу мешки, посуду, корзинки, ребят, подушки, все в одну кучу.

— Мама, не наваливайте много,— предупредил Ефим.— На дороге еще тетка Евдокия с ребятами.

— Соломон где? — уже в десятый раз спрашивала Самойлиха.— Он побежал лошадей доставать. Куда же без Соломона?

— Не видел я Соломона. Это мои подводы,— ответил Ефим, и, забежав во двор, он отвязал с цепи собачонку Шурашку.

Вернувшись к первой подводе, он увидел, что мать взваливает ножную швейную машину.

— Мама, оставьте машину,— попросил Ефим.— Где же место? Ведь у меня на дороге еще тетка Евдокия с ребятами.

— Что, Евдокия?.. Я вот тебе оставляю! — угрожающе и тяжело дыша, ответила мать.— Я тебе, дьяволу, покажу, как бегать... — И, кроме машины, она бухнула на телегу помятый медный самовар.

— Бросьте машину! — с внезапной злобой вскрикнул Ефимка. И, вскочив на телегу, одним пинком он сшиб самовар, потом рванул за край машину и сбросил ее на дорогу.

— Верка! — крикнул он, отталкивая оцепеневшую мать.— Бери вожжи. Сейчас трогаем.

Трах-та-бабах!.. — грохнуло где-то уже совсем неподалеку.

— Соломон! — застонала старуха Самойлиха.— Как же мы без Соломона?

— Некогда Соломона... Найдется... Не маленький... Верка, поехали.

Трах-та-бабах!.. — грохнуло где-то еще ближе.

Быстро захватив на перекрестке Евдокию Васильеву с ребятами, Ефим с силою ударил вожжами.

И тогда обе телеги, гремящие чайниками, корзинами, кастрюлями, жестянками, рванулись вперед по пыльной опустевшей дороге.

Трах-та-бабах!.. — ударило еще три раза подряд.

Ошалелые кони шарахнулись в сторону. Собачонка Шурашка метнулась в проулок. А Ефимка рванул вправо, потому что возле нового моста уже загорелась разбитая снарядами ветхая извозчичья халупа.

У противоположной окраины поселка кое-как они перебрались через старый, прогнивший мостик... Когда они очутились на другом берегу, мать замолчала, бабка заплакала, Евдокия перекрестилась, а Ефимка сразу же круто свернул в лес.

...Дорога попалась узкая и кривая. Близилось утро, но в лесу было еще так темно, что только по стуку колес Ефимка угадывал, что вторая подвода идет следом.

Ефим подстегнул коня, и телеги выкатили на просторную светлеющую опушку.

И тут Ефим понял, где они. Кожуховка-то, в которую собирались отряды и беженцы, была где-то далеко, влево за лесами, а впереди совсем близко дымило трубами уже проснувшееся село Кабакино. Но, угадав, куда они выехали, Ефим вовсе не обрадовался. Он попридержал коня и задумался.

— Кабакино,— тихо сказал он Верке, показывая рукою на окутанное туманами серое и угрюмое село.

— Что ты? — испуганно переспросила Верка.

— Оно самое. Видишь, колокольня с золоченым крестом. Это ихняя, другой нет.

— Куда, господи, занесло! — в страхе сказала мать. — Что же мы теперь делать будем, Ефимка?

— А я почем знаю,— сердито ответил Ефимка, очищая кнутом замазанные дегтем сапоги. — То ругаться, а теперь — что, что? Подержи-ка вожжи, Верка.

Он спрыгнул и пошел к опушке. У опушки остановился и стал присматриваться: нет ли другой дороги, чтобы миновать стороною это опасное село.

Это было село богатых садоводов, то самое знаменитое Кабакино, в котором полгода тому назад погиб весь первый взвод Тамбовского продотряда и возле которого только две недели тому назад разбили бомбами легковую машину губпродкома. И теперь, когда кругом шныряли прорвавшиеся через фронт казаки, чего хорошего могли ожидать беженцы на этом незнакомом пути?

Но влево никакой дороги не было.

И вдруг Ефимка увидел, как со стороны Кабакина выезжают навстречу три подводы, а сбоку подвод гарцует на конях кучка черных всадников. Тогда, отскочив назад и низко пригбываясь, как будто бы кто-то ударил его палкой по животу, Ефимка помчался к подводам.

Он схватил за узду и круто заворотил телегу.

— Гони, Верка! Да молчите, чтобы вы сдохли! — крикнул он, услышав, как дружно заорали разбуженные рывками и толчками ребята.

И, подскакивая на выбоинах и ухабах, обе подводы покатали назад. Так катили они долго, Ефимка молча нахлестывал изматывшегося коня и оборачивался по сторонам, отыскивая, куда бы свернуть с дороги.

Наконец он заметил маленькую тропку.

Задевая за пни и корни, подводы тихо подвигались по узенькой кривой тропинке. Иногда деревья склонялись так низко, что дуги лошадей с шорохом цеплялись за спутанные ветви.

Давно уже и далеко позади простучали и стихли колеса каба-

кинских подводчиков, но беженцы шаг за шагом всё глубже и глубже забирались в чащу леса.

Наконец ветви раздвинулись. Сверкнуло солнце. И подводы тихо въехали на маленькую круглую поляну.

Здесь тропка оканчивалась. Здесь нужно было остановиться, отдохнуть и подумать, что же делать дальше.

Остановились и стали разбираться.

— Доехали, Верка,— невесело сказал Ефим, бросая вожжи и устало подсаживаясь на сухое трухлявое бревно.

Они молча посмотрели друг на друга.

Лицо Ефимки горело и было в красных пятнах, как будто бы он только недавно упал головой в крапиву. Рубаха — в пыли, сапоги — в грязи. И только обдранные ножны штыка у пояса сверкали на солнце, как настоящие серебряные.

В черных косматых волосах Верки запутались сухие травинки и серо-красная голова репейника. От шеи к плечу тянулась яркая, как после удара хлыстом, полоска. А смятое ситцевое платье было разодрано от бедра до колена.

Верка взяла ведро и пошла за водой. Ходила она долго, но хорошей воды не нашла и принесла из болота. Вода была прозрачная, но теплая и пахла гнилушками.

Пришлось разводить костер и кипятить. Ефим распряг коней и повел поить.

— Где вода? — спросил Ефим у Верки, которая, укрывшись мешком, сидела и гадала, как бы зачинить разлохмаченное платье.

— Пойдем, я сама покажу... Все равно скоро не зачинишь,— сказала она, показывая на схваченные булавками лохмотья.— Посмотри-ка, Ефимка, что это у меня на шее?

— Ссадина,— ответил Ефим.— Здоровенная. Ты крепко зашиблась, Верка?

— Плечо ноет, да колено содрано. А тебе меня жалко, что ли?

— Ладно еще, что вовсе голову не свернула,— огрызнулся Ефим.— Я ей говорю: «Бежим скорее!» А она: «Погоди... чулок

поправлю». Вот тебе и парвалась на Собакина. Ребята в отряде. Все вместе... кучей. А ты теперь возись, как старая баба, с ребятишками.

— Ефимка! — помолчав, сказала Верка. — А ведь белые казаки бьют всех евреев начисто.

— Не всех. Какой-нибудь банкир... Зачем им его бить, когда они сами с ним заодно. Ты бы лучше книжки читала, чем по вечеринкам шататься. А то иду я, сидит она, как принцесса, да семечки пощелкивает. А возле нее Ванька Баландин на бала-лайке... Трынди-брынди...

— У Самойловых отец не банкир, а кочегар, — покраснела Верка. — У Евдокии Степан в пулеметчиках, взводный, что ли! Да и Вальку с Николашкой тоже было бы жалко. А ты заладил... Собакин... Собакин...

— Почему «тоже бы»? — обозлился догадавшийся Ефим. И, чтобы обидеть ее, он с издевкой напомнил: — Как на собрании, так она дура душой, а тут: «тоже бы». Ее спрашивают, кто такой Фридрих Энгельс. А она думала, думала да и лягнула: «Это, — говорит, — какой-то народный комиссар...»

— Забыла, — незлобиво созналась Верка. — Я его тогда с Луначарским спутала.

— Как же можно с Луначарским? — опешил Ефимка. — То Фридрих Энгельс, а то Луначарский. То в Германии, а то в России. То жив, а то умер.

— Забыла, — упрямо повторила Верка. — Я мало училась. — И, помолчав, она хмуро сказала: — А что нам с тобой ссориться, Ефимка? Ведь ото всех наших мы с тобой только одни остались.

...Вскоре запылал костер, зашумел чайник, забурилась картошка, зафыркала каша, и все пошло дружно и споро.

А когда разостлали брезент на траве и, голодные и усталые, сели обедать всем табором, то показалось, что среди этой звонкой лесной тишины забыли всё — и о своей неожиданной беде, и о своих тяжелых думах.

Но как ни забывай, а беда висела не пустяковая: куда идти, как выбираться?

И когда после обеда маленькие ребяташки завалились спать, то собрались вокруг Ефимки и ворчливая бабка, и тихая Евдокия, и глубоко оскорбленная Ефимкой мать...

И так прикидывали, и так думали... Наконец, решили, что пока все останутся на месте, а Ефимка пойдет через лес разведывать дорогу. Идти никуда Ефимке не хотелось, а крепко хотелось ему спать. Но он поднялся и подозвал Николашку, который тихонько подслушивал, о чем говорят старшие.

— Возьми, Николай,— отстегивая штык, сказал Ефимка,— повесь его на пояс. И будешь ты вместо меня комендантом.

— Зачем? — спросила мать.— На что такое баловство? Еще зарежется. Дай, Николашка, я спрячу.

Но, крепко сжав штык, Николашка отлетел чуть ли не на другой конец поляны, и мать только махнула рукой.

— Спрячь, Верка,— позевывая, сказал Ефим, подавая ей клеенчатый бумажник, из которого высовывался рыжий комсомольский билет.

— Зачем это? — не поняла мать. И вдруг, догадавшись, она нахмурилась и сказала, не глядя Ефимке в глаза: — Ты, Ефимка, того... Поосторожней...

— Как бы ночевать не пришлось,— дотрагиваясь до почерневших жердей, сказал Ефим.— Наруби-ка ты, Верка, с комендантом веток да зачините у шалаша крышу. А то ударит гроза, куда ребяташек денем!

Переобув сапоги, он подошел к телегам, похлопал каурого конька по шее, взял с воза ременный кнут и, посмотрев на солнышко, пошел, не оборачиваясь, в лесную гущу.

— Как бы грозы не было,— сказала Евдокия, поглядывая на небо,— ишь, как тучи воротит.

Верка одернула наспех зашитое платье и, вспомнив Ефимкино приказание, крикнула Николашке, чтобы он бежал к ней со штыком рубить ветки и чинить худой шалаш.

На кусты налетели целой ватагой: Николашка, Абрамка, Степка. Вскоре навалили целую гору. Закидали дыры, натащили внутрь большие охапки пахучей травы, занавесили ход. И, еще

не дожидаясь наступления грозы, ребяташки один за другим дружно полезли в шалаш.

Небо почернело. Кони настороженно зашевелили ушами. На притихшую зеленую полянку опускались тревожные сумерки.

Лежа у костра и изредка поправляя горячие картофелины, Верка вдруг подумала: «А что же будет, если казаки ударят так сильно, что не справится с ними и погибнет вся Красная Армия? Какая тогда будет жизнь?»

Костер совсем погас, угли подернулись пеплом, и только одна головешка, черная и корявая, тихонько потрескивая, чадила едким и синеватым дымком.

И тут же, кто его знает почему, Верка вспомнила, как давно однажды пришел ее отец веселый, потому что был праздник,— или родился, или женился какой-то царь. И отец сказал, что на радостях дяде Алексею назначили досиживать в тюрьме не полтора года, как оставалось, а всего только восемь месяцев.

Все обрадовались, а Верка всех больше. Потому что раньше, когда дядя Алексей еще не сидел в тюрьме, он часто приходил в гости и дарил Верке или копейку, или пряник. А однажды на именины он подарил ей голубую блестящую ленту, такую невиданно красивую, что перепуганная от радости Верка, схватив подарок, как кошка умчалась на чердак и не слезала до тех пор, пока мать не прогнала ее оттуда веником.

«Нет, не может быть, чтобы разбили...» — подумала она. И опять вспомнила, как однажды, уже после смерти отца, мать взяла ее с собой в один дом на кухню.

Когда мать стирала белье, дверь тихонько отворилась, и, лениво позевывая, на кухню вошла огромная и гордая собака. Она подошла к углу, где стояла широкая тяжелая миска, сняла зубами крышку и достала большой кусок сочного вареного мяса. Широко вылупив глаза и боясь пошевелинуться, Верка смотрела на то, как спокойно, почти равнодушно съела собака этот кусок, потом сама накрыла миску крышкой и, не глядя ни на кого,

так же лениво и гордо ушла в глубину тяжелых прохладных комнат.

«Нет, не погибнет! — опять успокоила себя Верка. — Разве же можно, чтобы погибла?»

Дым от головешки попал ей в лицо. Верка сощурилась, протирая глаза кулаком, и перед нею всплыло беззлобное лицо тихой побирушки Маремьяны, муж которой, стекловар, умер от ожога на заводе. Эта побирушка ходила под окнами и робко просила милостыню, но когда добиралась она до крыльца Григория Бабыкина, который был хозяином стекольного завода, то, крестясь и страшно ругаясь, грозно стучала палкой в тяжелые ворота.

И тогда Григорий Бабыкин высылал дворника Ермилу. А дворник Ермила, тихонько подталкивая побирушку, бормотал хмуро и виновато: «Уходи, Маремьяна. Мне что... Я человек нанятой. Уходи от греха. Видно, уж бог вас рассудит».

— Разве же можно, чтобы погибла? — убежденно повторила Верка и сердито хлопнула по голому плечу, в которое больно кололи черные невидимые комары.

— Что одна? Посидим вместе, — раздался за ее спиной знакомый голос.

— Ефимка... Дурак! — вскрикнула испуганная Верка.

И, не зная, что сказать от радости, она схватила его за плечи, потом выхватила из-под пепла костра две горячие картофелины и, перекатывая их на ладонях, протянула ему:

— Садись. Ешь. Это я для тебя испекла. Я-то жду, жду, а тебя нет и нет.

— И то дело, — устало опускаясь на траву, согласился Ефимка. — Есть хочу, как собака.

Заслышав голоса, вылезла мать, за нею Евдокия, и даже бабка Самойлиха, которая никак не могла уложить Розку, высунула из шалаша седую голову.

Но в том, что рассказал Ефимка, хорошего было мало: от встретившегося старика пастуха он узнал, что — один с утра, другой к полудню — проскакали по дороге два казачьих разъ-

езда, что впереди, в Кабакине, бушует белая банда. Значит, оставалось только одно: бросить телеги, навьючить коней и двигаться к Кожухову через леса, через овраги пешком.

Все замолчали.

— Ефим,— предложила мать,— а что, если попробовать выбраться по-другому?

— Как еще по-другому? — удивился Ефимка.

— А так. У нас на лбу не написано, что мы беженцы. Мало ли кто. Ну, из голодающей губернии... ну, погорельцы. Женщины да ребята. Кто нас тронет?

— Нельзя,— насторожилась Верка.— Самойловы евреи. А белые казаки бьют их начисто.

— Ну, так давайте тогда разделимся,— рассердилась мать,— и пусть каждый идет сам по себе. Если мы целым табором, так нас каждый заметит, а по отдельности куда как легче будет.

— Так нельзя,— опять перебила Верка и с удивлением посмотрела на молчавшего Ефимку.

— Тебя не спрашивают,— оборвала ее мать.— А двадцать верст с ребятишками по оврагам, болотам да лесом — это разве можно? Ты думаешь, мне добра жалко? Мне не жалко, бог с ним. Можно одну телегу Евдокии отдать, другую — Самойлихе. А мы и так потихоньку доберемся. Где я Вальку поднесу, а где ты, Ефимка, поможешь.

Ефимка молчал, но он видел, как сбоку все больше и больше высовывается седая трясущаяся голова Самойлихи и как яростно укачивает Самойлиха плачущую Розку, стараясь не пропустить ни слова.

— Дура ты! — вполголоса сказал Ефимка и поднялся от костра.

— Это кто дура? — переспросила притихшая мать.

— Ты дура. Вот кто! — злобно выкрикнул Ефимка и, ударив кулаком любопытного каурого конька, плюнул и пошел к телегам.

— Что ты, Ефимка? — спросила Верка, подходя к нему в то время, когда он стаскивал с телеги брезентовое полотнище.

— Ничего. Спать падо,— коротко ответил Ефимка.— Укрываться чем будем?

Когда Верка притащила широкую жесткую дерюгу, Ефимка, сидя на разостланном брезенте, перематывал портянки.

— Чтoб он пропал, этoт Собакин! — oпять выругался Ефимка и oзабoченнo спросил: — Розка-тo чегo oрет? Тoлькo eщe нe хваталo, чтoб заболелa.

Легли рядом, укрылись дерюгой и замолчали.

Черные тучи, которые так беспросветно обложили вечером горизонт, тяжело и упрямо двигались на запад, обнажая холодное, блистающее звездами небо.

И вдруг среди великого множества Верка узнала одну знакомую звезду. Верка повернулась на спину, чтобы получше рассмотреть, не ошиблась ли. Нет, ошибки не было. Так же, крючком, стояли три звезды справа, четыре слева. Сверху не то змейка, не то блестящий птичий клюв, а посредине сияла спокойная, светлая, голубая — та самая, которую видела однажды Верка из окна, когда лежала она на жесткой койке тифозного барака.

— Ефимка,— с любопытством сказала, повернувшись на бок, Верка,— а какой, по-твоему, будет социализм? Ну вот, например, то так люди жили, а то будут как?

— Ещe чтo! — сонным голосом oтoзвaлся Ефимка.— Как будут? Дa oчень прoстo.

— Ну, a все-тaки. Как прoстo? Тo, нaпримeр, рaбoтaешь, рaбoтaешь, пришлa пoлучкa — пoлучил, пoтoм истрaтил, пoтoм oпять рaбoтaешь, пoтoм вoскрeсeньe. Пoшeл гулять, или пить, или в гoсти, пoтoм oпять рaбoтaешь, пoтoм oпять вoскрeсeньe. Или, скaжeм, мужик... Смoлoтил oн пшeницy, свeз в гoрoд, купил кoрoвy, пoтoм кoрoвa сдoхлa. Вoт oн oпять пoсeял... У oднoгo урoдилaсь, oн eщe кoрoвy купил. A у другoгo или нe урoдилaсь, или грaдoм пoбилo...

— Пoчeму жe этo сдoхлa? — удивилcя и нe пoнял Ефимка.— Ты бы лyчшe книжки читалa. A тo: нe урoдилaсь... сдoхлa... Мелeшь, a чтo, сaмa нe знaeшь.

— Ну, пускай не сдохла,— упрямо продолжала Верка.— Все равно. Я, Ефимка, книжки читала. И программу коммунистов. Самое-то главное я поняла. А вот как по-настоящему все будет— этого я еще не поняла. Ну, скажем, один рабочий хорошо работает, другой плохо. Так неужели же им всего будет поровну?

— Спи, Верка,— почти жалобно попросил Ефимка.— Что я тебе, докладчик, что ли? Нам вставать чуть свет. Тут еще казаки... война. А она вон про что.

— Интересно же все-таки, Ефимка,— разочарованно ответила Верка и, дернув за край дерюги, обидчиво спросила: — Что же это ты, Ефимка, на себя всю дерюгу стащил? У тебя ноги в сапогах, а у меня совсем голые.

— Вот еще! Чтоб ты пропала! — заворчал Ефимка. И, сунув ей конец дерюги, он отвернулся и сердито закрыл лицо фуражкой.

Проснулся Ефимка оттого, что кто-то тихонько поправил ему изголовье.

Открыл глаза и узнал мать.

— Ты что? — добродушно спросил он.

— Ничего,— позевывая, ответила мать и села рядом.— Так что-то, не спится. Лежу, думаю. И так думаю и этак думаю. А что придумаешь? Тошно мне, Ефимка!

— Хорошего мало! — согласился Ефимка.— Всем плохо. А мне, думаешь, весело?

— Тебе что! — с горечью продолжала мать.— Что ты, что она — ваше дело десятое. Ей пятнадцать, тебе шестнадцать. А мне сорок седьмой пошел. Вот сплю, проснулась — смотрю... что такое? Кругом лес... шалаш. Ни дома, ни Семена. Ребятишки в траве, как кутята, приткнулись. Вышла — гляжу, ты валяешься под дерюгой. Господи, думаю, зачем же это я тридцать лет крутилась, вертелась... Все старалась, чтобы как у людей, как лучше. И вдруг что же... Погас свет. Зажужжало, загрохало. И не успела я опомниться, как на, возьми... шалаш, лес. И как будто бы все эти тридцать лет так разом впустую и ухнули.

Мать замолчала.

— ...Все старалась, чтобы как у людей, как лучше. И вдруг
что же... Погас свет... И не успела я опомниться, как на, возьми...
шалаш, лес...

— Сапоги-то отцовские утром переодень, — равнодушно предложила она. — Сапоги новые, малы ему. Всё на муку променять хотел. Теперь все равно бросать, а тебе как раз впору.

— Это хорошо, что сапоги, — обрадовался Ефимка. — Да ты, мама, не охай. Вот погоди, отгрохает война — и заживем мы тогда по-новому. Тогда такие дома построят огромные... в сорок этажей. Тут тебе и столовая, и прачечная, и магазин, и все, что хочешь, — живи да работай. Почему не веришь? Возьмем да построим. А над сорок первым этажом поставим каменную башню, красную звезду и большущий прожектор... Пусть светит!

— А куда он светить будет? — с любопытством, высовывая из-под дерюги голову, спросила Верка.

— Ну, куда? — смутился застигнутый врасплох Ефимка. — Ну, никуда. А что ему не светить? Тебе жалко, что ли?

— Не жалко, — созналась Верка. — Я и сама люблю, когда светло. Пусть светит!

Верка хотела было уже поподробней выпросить Ефимку, как будет и что, но тут ей показалось, что Ефимкина мать тихонько плачет. Тогда она сунула голову под дерюгу и замолчала. Догадавшись, о чем мать собирается говорить, притворился сонным, замолчал и Ефимка.

Мать посидела, вздохнула, встала и ушла в палатку.

— Это она на меня за Самойлиху обиделась, — вполголоса объяснил Ефим и, закрывая голову, угрожающе предупредил: — А если ты, Верка, опять со мной начнешь разговаривать, то я спихну тебя с брезента, и спи тогда, где хочешь.

Утром, разбирая и скидывая ненужный скарб, старуха Самойлиха нашла в телеге под соломой ободранную трехлинейную винтовку.

Как она сюда попала, этого никто не знал.

И обрадованный Ефим решил, что винтовку забыл потерявшийся подводчик.

Все домашнее барахло — мешки, узлы, зимнюю одежду —

стащили в гущу орешника, закрыли брезентом, закидали хворостом на тот случай, если приведет судьба вернуться.

На каурого конька сложили одеяла, сумки с остатками провизии, котелок, ведро и чайник. А сбоку тощей коняки ухитрились приспособить старенькую плетеную корзину. Сунули в нее подушку и посадили двоих несмышленных малышей.

— Сейчас трогаем,— сказал Ефим, закидывая винтовку за плечо.— А где Верка?

— Здесь, здесь! Никуда не делась,— откликнулась Верка, выбегая из-за куста.

Взамен вчерашнего рваного платья на ней была короткая юбка клешем и синяя блузка-матроска.

— Ишь ты, как вырядилась! Откуда это? — удивился Ефим.

— Бабка в узелок сунула. Выбрасывать, что ли? — задорно ответила Верка, на ходу пристегивая подвязки к новым чулкам.

И тут Ефимка увидел, что не только одна Верка, но и его мать и тихая Евдокия тоже были паражены в новые башмаки и платья.

— Как к празднику,— усмехнулся Ефим и, хлопнув кнутовищем по высоким голенищам повенских отцовских сапог, обернулся к ребятишкам и скомандовал: — А ну, кавалерия... Давай вперед!

Сначала было неплохо. Мальчишки шныряли по кустам, подбирая грибы, выламывая хлыстики и общипывая грозди ярко-красных волчьих ягод.

Но вскоре дорога ухудшилась. Попадались болотца, потом овраги, не крутые, но частые, после которых приходилось останавливаться на роздых и перевязывать кое-как притороченные вьюки.

Уже спускались сумерки, когда усталые, измотанные беженцы очутились опять без дороги в таком густом лесу, что ни клочка неба, ни единой звездочки нельзя было разглядеть сквозь шатер шумливой листвы.

Наспех выбрали бугорок посуше. Кое-как раскидали остав-

шееся барахло, вздули костер, и весь табор сразу же завалился спать.

Первой проснулась Верка. Вздрагивая от холода, она пробралась к костру. Несколько крупных капель упало на ее плечи. Рванул ветер. И с тяжелыми перегудами и перекатами загремели невиданные тучи.

Сгрудили ребятишек кучею. Накрыли их брезентовым полотнищем и, укрывшись кто чем попало, спрятались под дерево сами.

Гроза стихла только к рассвету. Все перемокли, продрогли, по вокруг не оставалось ни клочка сухой травы. Чтобы хоть немного согреться на ходу, решили сейчас же двигаться дальше. Но тут явилась новая беда. Испуганная ночью грозой, сорвалась с привязи и пропала куда-то их старая кляча. Мокрый каурый конек ходил рядом, а клячи не было.

Долго рыскал Ефимка по лесу. Кидался то в одну, то в другую сторону. Свистел, покрикивал, прислушивался — и все без толку. Спускаясь по глинистому скату, он поскользнулся и шлепнулся в холодную липкую грязь. Молча выбрался, сел на пенек и опустил голову.

— Что, брат, попался! — тихо пробормотал Ефимка, зажмуривая красные, опухшие глаза.

— Ефимка,— сказала Верка, выбегая ему навстречу,— а тут совсем рядом дорога.

— Какая дорога, откуда?

— Не знаю. Я тоже бегала искать коня. Вдруг гляжу — дорога. На дороге чья-то убитая лошадь. В кустах телега. А под телегой двое — старик и мальчишка.

— Подожди здесь, Верка,— сказал Ефимка, когда выбрались они к дороге.

Он выглянул. Свесив морду в придорожную канаву, валялась мокрая серая лошаденка. Тут же рядом, у телеги, на соломе сидели старик и небольшой парнишка. Заметив человека с винтовкой, парнишка забеспокоился. Но старик, повернув голову, продолжал сидеть не двигаясь.

— Здравствуй, дедушка,— сказал Ефим, оглядываясь по сторонам и пытаясь угадать, что же это тут произошло.

— Здравствуй, коли здороваешься,— хриплым басом ответил старик.— Откуда в такую рань бог несет?

— Не здешний,— ответил Ефимка.— Ты скажи, куда эта дорога идет?

— Разно куда идет. Один конец в одну сторону, другой — в другую. Тебе куда надо?

— Мне? — И Ефим запнулся.— Мне никуда не надо. Я так спрашиваю.

— Ну, а никуда, так и гуляй по лесу. На что тебе дорога? — грубо ответил старик и, нахмутив косматые брови, прямо и безбоязненно спросил: — Это из вашей, что ли, банды мне коня почью угробили? Я с паршишкой еду, вдруг: «Стой! Кто едет?» Потом бах, бах... Погодите, разбойники, добабахаетесь.

Старик тяжело повернулся и продолжал:

— Банда-то ваша откуда, кабакинские? Кто у вас там верховодит, Гришка Кумаков, что ли? Так и скажи ты этому Гришке, что повесить его, подлеца, мало. Что же ты молчишь, рот раззявил? Или ты думаешь, я винтовки твоей испугался?

— Мне Гришка Кумаков не нужен,— ответил Ефимка, с уважением разглядывая этого крепкого старика.— Ты скажи лучше, как бы это мне поскорее да похитрее на Кожуховку выбраться.

— Так бы и говорил, что на Кожуховку,— помолчав, ответил старик и охотно рассказал Ефимке, куда ему надо держать путь.

Вернулся тогда Ефимка в табор, напоил каурого коня, из подушки и веревок смастерил плохопькое седлышко, приладил за плечи винтовку и сунул в карман кусок хлеба.

Молча обступили его всем табором. Теперь оставалась только одна надежда, что сумеет Ефимка пробраться в лес, переплыть через реку и доберется до Кожуховки с просьбой о подмоге.

Провожала его Верка до самой дороги. Здесь они остановились.

— Ступай,— сказал Ефимка.— Коли не вернусь к ночи, то попробуй пробраться сама. Ну, иди... Чего же ты стала как столб!

— Ефимка,— дотрагиваясь рукою до веревочного стремени, тихо сказала Верка,— ты смотри, если с тобою что-нибудь случится, то и мне и всем нам будет тебя очень-очень жалко.

— А мне вас, дура, разве не жалко! — сердитым и дрогнувшим голосом выкрикнул Ефимка и ударил по коню каблуками.

Высунувшись из-за кустов, Верка видела, как быстро помчался он по сырой дороге. Остановился у ветхого мостика через ручей, оглянулся назад и, махнув ей рукой, круто свернул в лес.

Стало теперь как-то пусто, тихо и уныло в таборе. Никто уже не покрикивал, не поругивался, не распоряжался. Пригреваемые солнышком, уснули продрогшие за ночь ребяташки. Еле-еле разгорался сырой костер.

К вечеру опять где-то загремело, загрохотало. Потом по дороге с шумом и звоном промчалось несколько всадников.

Тогда потушили костер и собрались все в кучу.

Ждали, очень крепко ждали и надеялись они на своего хорошего и смелого парня — на Ефимку.

Свернув с дороги в лес, Ефимка вскоре очутился на той тропке, о которой рассказал ему старик. Здесь было тихо и пусто. Бойко и задорно поддавал ходу каурый конек.

Рысью промчались они мимо густых зарослей осинника. Разбрызгивая грязь, пролетели они хлюпкое болотце. Потом на горку — по сухому песку. Потом поворот... Еще поворот. Мимо ушей посвистывал теплый влажный ветер. Ефимка крепче нагнул фуражку, поправил на скаку винтовку и улыбнулся, радуясь тому, как быстро и просто остаются позади версты.

Опять поворот, еще поворот. Вдруг что-то грохнуло, и, едва не перелетев через голову коня, Ефимка остановился.

Не дальше как в сотне шагов от него, там, где тропка перекрещивалась с дорогой, стояли три всадника. И двое из них старательно целились вверх, сбивая выстрелами изоляционные чашечки телеграфных проводов.

И не успел Ефимка опомниться, как одна пуля с визгом пронеслась мимо его головы, а другая чуть не вышибла его из седла, крепко рванув приклад перекинутой за плечи винтовки.

Тогда Ефимка пригнулся так, что едва не обхватил руками шею каурого, и опомнился только после того, как почувствовал, что каурый тихо шагает среди низкорослого болотистого леса.

Ефимка остановился. Шапки на нем не было. Кусок приклада был вырван пулей. Потрогал мокрый лоб — пальцы покраснели. Вероятно, на скаку содрал он кожу о сухую ветку. Посмотрел на солнце. Солнце висело теперь уже не слева от него, а впереди и чуть справа.

«Как же выбираться? Плутать буду», — с тревогой подумал Ефимка.

В сырой прохладе однотошно, как нечаянно тронутая струна, звенела болотная мошкара. Далеко и грустно куковала кукушка.

...Что же ты нам клялся до зари,
Что ж ты обещался, говорил...—

опять вспомнил Ефимка ту самую немудреную песенку, которую еще так недавно пели заводские девчата, возвращаясь с комсомольской вечерки.

А теперь, поникнув бледной головой,
Ты стоишь, проклятый, сам не свой.

Все тогда пели, и Верка пела, и он подпевал тоже.

И тут Ефимка почувствовал, как крепче и крепче колотится его сердце, как горячее, ярче краснеет его лицо и как тяжелая и гордая злоба начинает давить ему пересохшее горло. Был завод, школа, дом, комсомол, песня. А теперь ничего, кроме этих усталых женщин да побледневших, измученных ребятшек, которые его ждут, на него надеются, в то время как он тут без толку месит грязь в болоте.

— Ах, собаки!.. Ах, императоры!.. — незаметно для себя так же протяжно и с той же злобою повторил он, как и тот избитый бандитами мужик, который встретился недавно в лесу.

Ефим спрыгнул с коня. Плеснул болотной водою на окровавленный лоб. Подтянул седло и поправил винтовку.

Солнце опять стало слева. Славный каурый двинул рысью. И слегка сгорбившемуся Ефимке вдруг показалось, что теперь уже никто и ничто не сможет помешать ему пронестись, пробиться, прорваться к своим — в Кожуховку.

Конь вынес его на ту же тропку. Вскоре засверкало широкое поле. Вираво на бугорке виднелся хутор. Кто-то махал Ефиму шапкой и кричал, по-видимому приказывая остановиться. Вскоре трое верховых, отделившись от ограды, кинулись за ним вдогонку. Первая пуля слабо взвизгнула где-то высоко и в стороне. Потом вторая.

«Врешь, не попадешь, а догнать не догонишь!» — злорадпо подумал Ефимка, заскакивая на опушку негустой рощицы. И вдруг он увидел, что рощица быстро расступается. Внизу под горкой голубеет спокойная широкая река, а за рекой, за просторными лугами раскинулось на горе село Кожухово.

Вот они — мельница, колокольня, старый барский дом над обрывом, а на высоком шпиле дома бодро колышется еле-еле заметный отсюда красный флаг.

Ти-у... — опять взвизгнула пуля, но теперь уже неподалеку.

— Врешь, не попадешь, а догнать не догонишь, — гордо повторил Ефимка и вместе с конем бултыхнулся в воду.

Холодная вода залила сапоги. Еще несколько шагов, и вода подошла к седлу. Слева и справа от коня полетели брызги. Тогда, не раздумывая, Ефимка свалился в воду, ухватился за гриву, и облегченный каурый, высоко подняв морду, рванулся вплавь.

Только что успели они выскочить к кустам, на берег, как вдруг каурый вздрогнул, поднялся на дыбы, упал на колени. Он попробовал встать, но не встал, а грузно повалился на бок, задергал ногами и захрипел. И тотчас же Ефимка услышал плеск воды.

— Ах, вот как! — стиснув зубы, гневно пробормотал Ефимка. И, низко пригибаясь, он пополз обратно к берегу.

Отсюда, из-за куста, ему было видно, как три всадника один за другим уверенно спускались в воду.

Тогда, сдерживая дыхание, Ефимка медленно оттянул предохранитель и нацелился в грудь первого. Но рука дрожала и не слушалась. Он положил качающееся дуло на сук, нацелился с упора и, невольно зажмурившись, выстрелил.

Когда он открыл глаза, то увидел, что двое поспешно поворачивают назад, а одинокий конь, фырча и отряхиваясь, уже выбирается на этот берег.

Конь был буланый, белогривый, седло добротное, казачье, и Ефимка крепко вцепился в мокрый ременный повод.

...Солнце светило ему прямо в лицо, и, сощурившись, никого не видя, Ефимка домчался до кладбищенской ограды, где его сразу же окликнули и остановили.

Он не знал пароля и от волнения ничего не мог объяснить. Тогда его спéшили, отобрали винтовку и вместе с винтовкой и конем повели в штаб.

Но шаг за шагом он начал приходить в себя. Телеги, подводы, походная кухня, распахнутые ворота, оседланные кони, пулеметные двуколки, и вдруг откуда-то шарахнула песня — знакомая, такая близкая и родная.

Ефимка поднял глаза на своего конвоира и улыбнулся.

— Чего смеешься? — удивился долговязый головастый парень и настороженно приподнял винтовку.

— Хорошо! — сказал Ефимка и больше ничего не сказал.

— Этто правда, — снисходительно согласился парень. — Казаков-то из-под Козлова вчера ох как шарахнули!

Вдруг парень отпрянул и вскинул винтовку, потому что Ефимка вскрикнул и круто свернул вправо, где стояла кучка командиров.

— Собакин! Чтоб ты пропал! — громко и радостно выругался Ефимка.

— Ты! Отку-у-уда? — развел руками Собакин.

— Отту-уда! — передразнил его Ефимка. — Наши здесь? Отец здесь? Самойлов здесь?

— Здесь... Все здесь... — ответил Собакин, и, обернувшись к долговязому конвоиру, он насмешливо крикнул: — Да ты что, ворона, винтовку на нас наставил? Смотри, убьешь, кто хоронить будет?

Уже совсем почью сорок всадников тихо подвигались по дороге, сопровождая телеги с разысканными беженцами.

Несмотря на то что Ефимка встал с рассветом и с тех пор почти не сходил с коня, спать ему не хотелось.

Где-то за черными полями разгоралось зарево, и оттуда доносились отголоски орудийных взрывов.

— В Кабакине,— негромко сказал начальник отряда.— Это четвертый Донецкий полк дерется.

— Так я останусь? — уже во второй раз спросил у начальника Ефимка.

— Где останешься?

— У вас в отряде, вот где. Конь у меня есть, седло есть, винтовка есть. Отчего мне не остаться!

— Эх, как бабахает! — приподнимаясь на стременах и прислушиваясь к канонаде, сказал начальник.— Видно, там крепкое у них затевается дело... Оставайся,— обернулся он к Ефимке и тотчас же приказал: — Давай-ка скажи, чтобы задние подводы не тарактели. Что у них там, ведра, что ли?

Возвращаясь, Ефимка задержался возле первой телеги:

— Ты не спишь, Верка?

— Нет, не сплю, Ефимка.

— Я остаюсь! Завтра прощай, Верка.

Оба замолчали.

— Ты будешь помнить? — задумчиво спросила Верка.

— Что помнить?

— Все. И как мы лесом и тропками с ребятами, и как тогда ночью разговаривали. Я так до самой смерти не позабуду.

— Разве позабудешь!

Ефимка сунул руку в карман и вытащил яблоко.

— Возьми, съешь, Верка, это сладкое. Слышишь, как грохают. И это везде, повсюду и грохает и горит.

— И грохает и горит,— повторила Верка.

Выбравшись на бугорок, Ефимка остановился и посмотрел в ту сторону, где полыхало разбитое снарядами Кабакино.

Огромное зарево расстиралось все шире и шире. Оно осве-

щало вершины соседнего леса и тревожно отсвечивало в черной воде спокойной реки.

— Пусть светит! — вспомнив ночной разговор, задорно сказал Ефимка, показывая рукою на багровый горизонт.

— Пусть! — горячо согласилась Верка. И, помолчав, она попросила: — Ты, смотри, не уезжай, не попрощавшись. Может, больше и не встретимся.

— Нет, не уеду, — махнул ей рукой Ефимка.

Он дернул повод и мимо телег, мимо молчаливых всадников быстрою рысью помчался доложить начальнику, что его приказание исполнено.

1933 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛА. Повесть	5
---------------------------------	---

Часть первая

Школа	7
-----------------	---

Часть вторая

Веселое время	59
-------------------------	----

Часть третья

Фронт	108
-----------------	-----

ПУСТЬ СВЕТИТ. Рассказ	223
--	-----

Для среднего возраста

Аркадий Петрович Гайдар

ШКОЛА

ПУСТЬ СВЕТИТ

Ответственный редактор

Н. С. Абрамова

Художественный редактор

М. Д. Суховцева

Технический редактор

Н. Ю. Крапоткина

Корректоры

Л. М. Агафонова

и Т. П. Лейзерович

Сдано в набор 11/1 1973 г. Подписано
к печати 16/IV 1973 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бум. типогр. № 1. Печ. л. 16. Усл. печ. л.
14,88. (Уч.-изд. л. 12,62). Тираж 100 000
экз. Заказ № 77. Цена 65 коп. Ордена
Трудового Красного Знамени издатель-
ство «Детская литература». Москва,
Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
фабрика «Детская книга» № 1 Росглав-
полиграфпрома Государственного коми-
тета Совета Министров РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной
торговли. Москва, Суцевский вал, 49.

Scan Kreyder - 20.08.2019 - STERLITAMAK

